

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

СЛЕДОПЫТЫ

5 '85

Главные рубрики журнала:

ЛЮДИ ПОДВИГА

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

СТРАНИЦЫ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

АДРЕСА РОМАНТИКИ

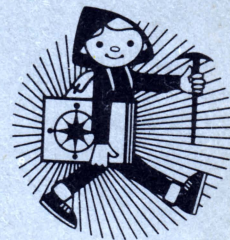
ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

ПУТЕШЕСТВИЯ И ЭКСПЕДИЦИИ

МУЗЕИ, КОЛЛЕКЦИИ

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА

1941

ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА

В тот воскресный день 22 июня 1941 года миллионы советских людей прильнули к радиорепродукторам, миллионы сердец словно остановились:

«...Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством...

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией... а кликой кровожадных фашистских правителей Германии...

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером...

Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом...»

Между этими двумя фотографиями — сорок лет.

Фронтовой фотограф заснял молодого бойца Михаила Корвина рядом с другом на фоне поверженного рейхстага. Оттуда, из сорок пятого, смотрит на нас солдат... Вроде бы смотрел он просто в объектив, а вышло, что взгляд его — из прошлого в будущее.

О многом мечтали бойцы фронта и тыла в годы Великой Отечественной. О том, чтобы выстоять. О том, чтобы изгнать врага с родной земли. И чтобы пуля миновала... Но самая заветная мечта, может быть, была — дожить до Победы! Дожить!! Увидеть краешком глаза ее вдохновенный торжествующий лик! Михаил Петрович Корвин, уралец, знатный экскаваторщик из Асбеста, — один из тех, кто дожил до Победы...

Великая Отечественная война,

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

5 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА
СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:
Евгений АНАНЬЕВ
Виктор АСТАФЬЕВ
Муса ГАЛИ
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель
главного редактора

Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий
отделом краеведения
Евгений ПОРУНОВ
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий
отделом прозы и поэзии

Анатолий СЕМЕРУН
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Редакция:

Ю. Борисихин,
заведующий отделом
публицистики

В. Бугров,
редактор отдела
научной фантастики

Л. Будрина,
технический редактор

М. Бурангулова,
корректор

Л. Гончарова,
секретарь-машинистка

А. Кононова,
заведующая редакцией
и отделом писем

Ю. Липатников,
заведующий отделом
науки и техники

Е. Пинаев,
художественный редактор

Н. Широкова,
редактор отдела
следопытской жизни

На 1-й стр. обложки —
рис. Ю. Филоненко

1945

ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА

Через два часа после сообщения о нападении фашистской Германии на СССР на Магнитке решили, не дожидаясь указаний, перевести несколько печей на выплавку специальной — броневой стали.

Магнитогорские прокатчики во главе с коммунистом Н. А. Рыженко впервые в металлургической практике наладили выпуск броневых листов на блюминге.

Каждый третий снаряд для фронта был изготовлен из металла Магнитки. Вообще предприятия Челябинской области стали в грозные годы одними из основных поставщиков черных и цветных металлов — давали их стране 40 процентов.

В начале войны гитлеровские полчища имели большое преимущество в технике. Против танков, например, у нас не было даже достаточного количества гранат. Пошли в ход бутылки с горючей смесью. А готовить такую смесь поручили, в частности, уральцам — рабочим и специалистам Нижнесергинского металлургического завода. Одну из своих доменных печей нижнесергинцы спешно переоборудовали для плавки фосфоритной руды. Из ее газов получали фосфор, который затем также расплавляли... Опаснейшая была работа!..

Бутылки с горючей смесью становили и сожгли многие десятки вражеских машин.

«Счастливая жизнь будет после войны!» — мечтало поколение победителей. Михаила Коровина нашла эта счастливая жизнь, одарив его полной мерой радостного труда, теплом семьи, мира, осуществленных желаний. Одарила счастьем — заслужить на другом, на мирном фронте высокое звание Героя и встретить сороковую годовщину Победы!

Нынешнее поколение юных, поколение, не знавшее войны, вместе со всем народом, со всей необъятной многонациональной державой склоняется в низком поклоне перед памятью павших, перед мужеством и подвигом живых!

Репродукция и фото В. ПОПОВА

Великий Отечественный Труд

Помню тусклый осенний день. Отец сидит у окна и читает книгу. Я знаю, в ней описываются веселые похождения Ходжи Насреддина, и не могу понять, почему отец ни разу не улыбнется. Несмело, чтобы не мешать, подошел — отец держал книгу перевернутой... Как это я не догадался, что не до чтения ему: сегодня принесли повестку, а завтра с котомкой, которую собирает заревавшая мать, — на фронт.

Сейчас, став годами постарше отца, я пронзительно переживаю все это заново. Отец участвовал в гражданской, он понимал, что новая война страшней, и, возможно, он больше никогда не будет сидеть в кругу семьи. Так оно и оказалось. Я видел отца в последний раз — он пал в боях под Харьковом.

Не сотни, не тысячи, а миллионы скорбных холмиков выросли на нашей земле. А иные были лишены даже прощального салюта и остались лежать безвестными в лесах и степях. Своим черным крылом война похоронила семейное счастье, любовь, мечты и надежды, осиротила женщин и детей, унесла здоровье. Фашизм, это средоточие всего дурного, что есть в человечестве, жестоко толкал мир в бездонную пропасть.

Война при всем ее трагическом обличьи стала вместе с тем и оселком, на котором проверялась и оттачивалась сила советского общества, его характер, его патриотизм. В ключевые моменты истории, когда чаша весов клонится или в сторону добра или в сторону зла — третьего не дано! — слабый падает духом, соглашаясь за глоток воздуха на примитивное, биологическое прозябание. Сильный не менее слабого любит жизнь, но во имя этой жизни он переплавляет любовь в жгучую ненависть к тем, кто посягает на родную землю. Умереть, чтобы свободно дышал родной край, чтобы здравствовал твой дом, твоя семья, все те и все то, кем и чем ты дорожил при жизни, — в этом есть высшее проявление человеческого духа.

Война явила всему миру нравственную стойкость советского народа. Не колоссом на глиняных ногах, как клеветали на нас фашистские иде-

ологи, а гранитом-утесом предстал пред врагом Советский Союз.

Майская книжка журнала в основном посвящена боевому и трудовому вкладу Урала в общую нашу Победу. И не только потому, что журнал носит уральское название и издается на Урале. Волею суровых обстоятельств, в силу исторической ситуации наш край оказался на переднем рубеже борьбы с фашизмом.

В военкоматы Свердловска только за первые три недели войны поступило 7204 заявление с просьбой отправить добровольцем на фронт, в Пермской области за тот же срок — более 30 тысяч. Возле мобилизационных пунктов выстраивались огромные очереди.

«В гражданскую войну мы всей семьей воевали против интервентов, — написала в своем заявлении семья Матреновых из Копейска, — и теперь хотим пойти на борьбу с выродками человечества. Пусть враг испытает на своей шкуре, что такое дружная советская семья».

Шестой пленум Пермского обкома партии сразу после объявления войны объявил областную партийную организацию полностью мобилизованной. Свердловская областная партийная организация направила в армию более 31 тысячи коммунистов, или около 40 процентов всего состава, Пермская — почти 21 тысячу (более половины состава), Башкирская — 28 тысяч (три четверти своего состава). Примеру коммунистов следовали комсомольцы. Только в 1941 году ушли добровольцами в действующую армию 32 тысячи членов ВЛКСМ из Свердловской области, из Челябинской — 26 тысяч. Из далекого, затерявшегося в лесах Прикамья Кочевского района 981 комсомолец (98 процентов всего состава!) ушли на фронт.

Гордостью нашего рабочего края по праву является Уральский танковый добровольческий корпус, получивший боевое крещение на Орловско-Курской дуге. Трудящиеся Свердловской, Челябинской и Пермской областей изготовили для корпуса во внеурочное время, как сверхплановое фронтное задание, боевую технику, вооружение, боеприпасы, снаряжение, походные, ремонтные

ОТ ПУГОВИЦЫ ДО ТЯЖЕЛЫХ

Станислав МЕШАВКИН

мастерские и т. д. В историческом формуляре корпуса есть лаконичная запись: «Все, начиная от пуговицы на красноармейской гимнастерке до тяжелых танков для корпуса, трудящиеся Урала купили на свои средства».

В годы войны популярны были слова песни:

Уральцы бьются здорово,
им сил своих не жаль.
Еще в штыках Суворова
горела наша сталь.

О том, что уральские полки «бились здорово», свидетельствует высказывание крупного военачальника Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. «Я преклоняюсь, — говорил он, — перед выдающимися воинами-уральцами». И есть историческая закономерность, историческое признание в том, что первыми ворвались в рейхстаг и водрузили знамя над его куполом бойцы батальона, которым командовал уралец С. А. Неустров.

Урал как край не воевал, но всей титанической мощью своей ковал справедливый меч Победы. Протянувшись на две тысячи километров, Урал ковал броню, о которую разбилась в конечном счете хваленая немецкая военная машина. Сорок процентов (!) всей оборонной продукции страны давал фронту наш край.

Объем промышленного производства на Урале за годы войны вырос в 3,6 раза, в Свердловске — в семь, в Нижнем Тагиле и Каменске-Уральском — почти в девять раз.

Современная война — война моторов. Используя внезапность нападения и экономический потенциал сателлитов и поработанных стран, то есть едва ли не всей Европы, фашисты в начальный период имели ощутимое превосходство на земле и в воздухе. Нам же пришлось в спешном порядке эвакуировать на восток крупные индустриальные предприятия юго-запада и центра страны. Один только Урал принял в свои руки около семисот эвакуированных заводов. Промышленный конвейер страны, перестроив экономику на военные рельсы, заработал на полную мощность, и былое превосходство немцев стало быстро сходиться на нет. Если завод в Моравской Острове производил при-

мерно один «тигр» в сутки, то головное танковое предприятие на Урале с начала 1944 года вынуло по целому эшелону.

Крупнейшей за всю историю войн была Берлинская операция. В том числе и по концентрации танков. В ней участвовало четыре советских танковых армии, девять танковых и механизированных корпусов, всего 6250 танков. В этом и в других решающих сражениях уральская сталь, столкнувшись лоб в лоб, крушила крупшовскую. Знаменитые «тридцатьчетверки» сметали с пути немецкие машины с их громкими «устрашающими» названиями. Они ворвались как грозное возмездие на улицы Берлина и как освободители — в майскую Прагу.

Танки, «катюши», пушки, автомобили — вся эта грозная для врага техника создавалась руками оставшихся в тылу мужчин, а в основном — женщин и подростков. Не у каждого из них сегодня боевые и трудовые отличия, но страна вправе считать их героями. Героями тыла. И фронта тоже. Недаром многие бригады так и назывались — фронтовые.

Одной из первых пришла на производство ученица 8 класса сестра Героя Советского Союза А. К. Серова Маргарита. 115 девушек города Серова последовали ее примеру. Девчата осваивали сугубо мужские профессии. Хозяйкой домны, старшим горновым стала тагильчанка Фаина Шарунова, которую бойцы зачислили в экипаж самоходной установки. Екатерина Подорванова из Копейска создала бригаду забойщиц. В годы войны двадцать женских бригад этого шахтерского города выдали сверх плана 45 тысяч тонн угля.

Факты, факты... Редакция сознательно отдала предпочтение в этом номере документу, факту, свидетельствам. Пусть из уже далекого, отдаленного целым сорокалетием, военного лихолетья дойдет до сегодняшнего молодого читателя голос фронтового поколения. Поколения, выдержавшего на плечах всю тяжесть войны и спасшего мир от фашистской чумы. Поколения, умеющего нежно и преданно, до последнего вздоха, любить страну.

НА ГИМНАСТЕРКАХ ТАНКОВ

Смотрю я памяти в глаза —
она всегда со мною рядом —
в них —
дым от рвущихся снарядов,
друзей убитых голоса.
Смотрю я памяти в глаза —
она всегда во мне бессонна —
в них —
дни траншейные без солнца
и обгоревшие леса.
Смотрю я памяти в глаза —
и в них —
грядущему заветы —
и торжество, и боль Победы,
в салютах гордых небеса...
Смотрю я памяти в глаза.

Балашов, 1941-й.

30 СЕНТЯБРЯ

Как дожило в тот день,
как листопадило,
как исходило тоской ребята.
Веселило нас песнями радио
с крыши военкомата.
Как состарились вдруг
наши матери...
А еще зеленые невесты
на «Казбек» ненужный
деньги тратили,
веселье не к месту.

Вышел военком
с глазами впалыми,
орден с бантиком на гимнастерке,
петлицы алые
с двумя «шпалами»,
в правой руке —

палка-подпорка.

Все дожило еще,
все листопадило,
небу, видно, тоже всплакнулось...
Он чуть кивнул
в сторону радио,
и оно поперхнулось.
Радугой на палку —
листья липкие...
Наших матерей не замечая,
сказал комиссар
с такой улыбкою,
будто сынам за чаем:
«Я ушел бы с вами,
храбрými ребятами,
да раны вот давние
держат, проклятые.
Но, может, сведут нас
дороги войны;
с победою ждем вас,
родные сыны!»
Потом мы слушали,
лупоглазые,
как храбрился
Давыдов Колька:

«Уж мы покажем...
Уж мы... заразу... их...»
Прямо оратор — и только.

В ночь уходил
под материнский стон
мальчишками набитый эшелон.

Не спалось:
нары — не койка в доме.
И вспомнил я статью о военкоме
и четкий снимок под статьей,
стоит он, будто сам не свой,
с отважными бойцами...
И захотел я ту статью
пересказать стихами.

Кольт трофейный — справа пряжки,
кудри — под кубанку,
опирается на шашку,
будто бы на палку,
набок чуб молодцеватый,
а в глазах — по солнцу.
Век двадцатый,
год двадцатый
и двадцатый хлопок.
Острый клюв у пули-пташки,
клюнет, так навыйлет,
навострен язык у шашки,
скажет — кровь отхлынет.
Трех коней под комиссаром

СМОТРЮ Я

ХРОНИКА

Венедикт СТАНЦЕВ

пули исклевали,
казаки его кромсали,
церкви проклинали,
только вот, как на картинке,
он на снимке давнем,
видно, был он, черт партийный,
с господом на равных.
Семерых он в рай сосватал,
загоняя с хрустом
шашку чистого булата
с маркой Златоуста.
Брал редуты Перекопа,
аж в клочки подпруга,
на виду у всей Европы
гарцевал над Бугом...
Его время не состарит,
не согнет — куда там!
Двадцать лет он комиссарит
по военкоматам.

Москва, 1941-й

25 НОЯБРЯ

Под Москвой в ноябре,
минометным накрытый,
я лежал на стерне
ни живой, ни убитый,
Колька-кореш хрипел,
мои раны бинтуют:
«Мы еще поживем,

мы еще повоюем!»
Мы обратно ползли,
огывая воронки,
и друзей,
на которых пойдут похоронки.
Кореш-Колька цедил:
«Вот сто метров минуем
и еще поживем,
и еще повоюем!»
И когда заползли мы
в блиндажную слякоть,
и когда я готов был,
как мама заплакать,
вот тогда я уверовал
в правду простую:
я еще поживу,
я еще повоюю.

26 НОЯБРЯ

У политрука —
волевая рука,
железная логика
у политрука:
«Кто же атакует в полный рост,
дурачьё!..»
И гранатой,
в руке зажатой,
показал мне
куда-то через плечо:
«Для тебя закончилась драка,

тебе сейчас —
дорога в санчасть,
а нам опять —
дорога в атаку...»
Колька мой,
улыбнувшись грустно,
перевалил меня через бруствер...
Ах, ты юность
наша ранняя,
ах, ты милый,
далекий край...
На войне не говорят
«до свидания»,
на войне говорят
«прощай».
Роились бесконечные снежинки,
морозный ветер
растирал их в пыль,
Я ковылял
проторенной тропинкой,
винтовку приспособил
под костыль.

Земля светилась
в предрассветной дымке,
за спиной рождался
новый бой,
и, значит, скоро
этой же тропинкой
кто-то будет
ковылять за мной.

ПАМЯТИ В ГЛАЗА...

ПОБЕДЫ

Рисунки Ю. Филоненко

И этот кто-то,
как и я, откроет,
что не снилось нам
до этих пор:
горы трупов,
черных от бескровья,
и глаза,
печальные по-вдовьи,—
мокрые глаза сестер...

Скрипят печальные вагоны
и с каждой полки —
стоны, стоны.
Я лежу с повязками тугими,
и рядом нет
ни друга,
ни другини.

Ленинград, 1942-й

22 АПРЕЛЯ

— Станция Мга?
Будем брать,
она же совсем рядом,
пистолетной пулей
можно достать,
а не то что снарядом.—
У майора спокойный вид,
он-то знает, что говорит,
он-то знает, что Мгу не взять,
но приказано наступать.
— Подумаешь, какая-то Мга,
возьмем, и вся недолга...—
Истлели в лесу снега,
готовились к траве луга.
И мы готовились:
на зорьке — бой.
И пульс гудел,
отвагой налитой:
Мга,
Мга,
Мга...
Растекался зари пожар.
Из землянки вышел комиссар,
посмотрел на нас

глазами впалыми,
орден с бантиком на гимнастерке,
петлицы алые
с двумя «шпалами»,
в правой руке — палка-подпорка.
И сказал он,
как сынам за обедом:
«Нужна, ребятки, победа,
надо рощу «Круглую»
сначала взять,
а там до Мги — рукой подать;
я с вами в одном ряду
пойду...»
Ах, дорогой ты мой военком,
где ты, милый край,
где ты, отчий дом?..
Вот идет он чуть вразвалку,
заломив фуражку,
опирается на палку,
будто бы на шашку.
И когда он вел болотом
три стрелковых роты,
восемь сотен из пехоты
пенцов желторотых,
и когда вломились в рощу,
что прозвали «Круглой»,
раскаленной пули росчерк
грудь ему обуглил.
Солнце небо золотило,
бой споткнулся краткий...
Комиссар, что было силы:
«Молодцы, ребятки!»
Мы стяжали эту правду,
все мы знали твердо:
стало ближе к Ленинграду —
и живым, и мертвым...
Жизнь и дело комиссара
подвигами мерьте,
смерти нет у комиссара
даже после смерти.

Сталинград, 1942-й

19 ДЕКАБРЯ

Такого еще не бывало:
третьи сутки — без привала.

На марше —
четыре гвардейских полка,
ни воды,
ни хлеба,
ни табака.
Раскаленный мороз
прожигает насквозь;
давно уже
не слышен смех,
глаза забивает
летающий снег,
вокруг — белая
степь да степь,
у ног — бешеная круговерть,
если отстал, — смерть.
За спиною —
двести наверхья,
едва шагают
четыре полка,
но одна команда
властвует вплотьмах:
«Шире шаг!
Шире шаг!
Шире шаг!!!»
И вот наконец-то
сквозь вьюжный вой
командирский выдох:
«Стой!»
Буря погас.
Звезды мерцали зыбко,
жгуты поземки
еще змеились,
на лица серые
взошла улыбка,
но тут же скатилась:
«Четыре часа
копать и рыть,
четыре часа
рыть и копать:
танки Манштейна
хлынут через пять,
и не смыкать глаз —
таков приказ!»
Земля не земля —
бетон, —
из-под лопат звон,

звон из-под ломов,
из-под ногтей — кровь.
Ветер кружит,
поземкой пыля
на тело траншеи
и в горла орудий.
Грудью прикрыла нас
мать-земля,
мы тоже ее,
по сыновьему, грудью...

20 ДЕКАБРЯ

Отдыха просит
усталая кровь,
но вот он —
напористый танковый реж.
Майор, как в трубу:
«Не робеть, сизари,
в бедро, бронейки,
в поддых, пушкари!»
И ахнули —
так приказал майор —
прямо в упор,
пря-я-я-мо в упо-о-о-ор!
Слетела побелка
с горячих стволов,
слетело похмелье
с немецких голов,
попятились семь
бронированных ябов,
оставив на поле
пять дымных костров...
Манштейн удивлен,
Манштейн разъярен:
«Откуда взялась
артиллерия русских,
когда еще вечером
было здесь пусто?»
Приказ как присяга:
«Ни шагу назад!
Умрем, но не пустим
врага в Сталинград!»

Что там сто́ит
небесный ад!..
Самый страшный ад —
ад земной:
танки — стеной
волна за волной,
«юнкерсы» с бомбами над головой,
пушки противника
подняли вой.

«Стой насмерть, гвардия,
стой!»

23 ДЕКАБРЯ

Вся траншея
взрывами изрыта,
ребятами убитыми набита,
вокруг орудий —
воронка на воронке,—
прости-прощай,
родимая сторонка...
Но есть еще
бутылки и гранаты:
«Держись, ребята,
не трать, ребята!»
Не нам, а немцам —

конец света.
Скоро победа?
Да, скоро победа!
Мы их вывернули наизнанку,
куда ни глянь —
убитые танки...

Севастополь, 1944-й

2 МАЯ

Разрывая утреннюю синьку,
самолет прошел над головой,
похожий чем-то на косилку,
смешной такой.
И было слышно даже издали:
такая тишина была,
как листовки с треском брызнули
из-под крыла.
А в них всего две строчки шkodных,
таких веселых — спасу нет:
«Мы брали город меньше года,
а вам не взять и в десять лет...»

5 МАЯ

Мекензиевы горы —
ни дорог, ни троп.
Можно взять горы
только в лоб.
И закачались скалы
под огненным валом.
И рота за ротой
поднялась пехота,
но от пуль изнемогла
и залегла.

Что ж, если так не берет,
по-пластунски — вперед!
Коленки — в ключья
и локти — в ключья,
скоро встанем
и все раскурочим!
Замолкли пушки по сигналу,
в дыму земля и облака,
да, после огненного вала
настала очередь штыка...
Ни дорог, ни троп,
все,
немцам — гроб...

Известно:
закордонные полки
на ноги становятся легкие,
когда российские стрелки
встанут в штыки...

9 МАЯ

Северная бухта —
месяц на посту.
Что нам нагадает
ночь-пророчица?
Все в цвету,
все в цвету,
а когда все в цвету,
очень жить хочется.
Нежный пар над водой —
кружевное облачко...
Вспоминается ребятам
смоляная лодочка,

а на лодочке на той
легкий локон неземной,
как вот это облачко...

Дышит катер,
как живой,
рвется катер в сотый бой.
Знал победы и потери
путь его немеряный,
целит он на южный берег
бухты Северной.
Катер, весь в гудящем звоне,
вспенил воду для разгона
и рванул, как стрела,
словно чайка в даз крыла,
словно пуля из ствола...
То не пар над водой,
не кружевное облако —
рвутся мины за кормой,
за кормой и около.
Ну, а катеру ништо:
он летит соколом.
Пулеметы бьют с бортов,
ешь, подлюга,
будь здоров.
«Все на берег!» — миг настал,
кто-то смехом:
«Во, попал
прямо с корабля на бал...»
Жар от мужества в груди,
не впервые драться,
замполит впереди:
«Рубанем, братцы!»
Встал рассвет,
как марш, браваурн,
покатилось:
«Общий штурм!
Все — на штурм!!
Все — на штурм!!!»
Играл закат
валами пенными.
В живых останем
только пленные.

И вспомнил я две строчки шkodных,
таких веселых — спасу нет:
«Мы брали город меньше года,
а вам не взять и в десять лет...»

Кенигсберг, 1945-й

15 ЯНВАРЯ

Можно удивляться только,
такое бывает не часто:
встретил я кореша Кольку,
как свое детство,
как счастье.
Встретил у вражьей границы,
пройдя до нее пол-России,
радость светилась на лицах,
по-молодому красивых.
Выпал нам жребий счастливых,
стал друг мне
больше, чем братом:
как хорошо, что мы живы,
как хорошо, что мы рядом.

20 ЯНВАРЯ

Мы город заняли чужой,
на кирхе — ангелы-хранители,
но город был совсем пустой,
ни единого жителя.

Только с ушами вислыми
по улицам страшно узкими
собаки голодные взвизгивали,
не понимающие по-русски...
И плакаты, плакаты,
не счесть — сколько.
И ввали плакаты
про нас с Колькой:
буденовка — на пьяной харе
(нарисуют же, сволочи),
эта обросшая харя
скалит зубы по-волчьи.
А в зубах — кровавый тесак,
зарезет харя за просто так,
ноги у хари
в онучах вонючих,
а у ног хари
лежат картинно
мать и дитя
в крови невинной.
«Да,— покачал головой мой кореш,—
от такого на край света упорешь!...»

19 ФЕВРАЛЯ

Шла пехота,
наступала пехота
на довоенные доты.
Вся Пруссия
траншеями исполосована,
вся Пруссия
в бетон закована.
Но брала пехота
дот за дотом...
Но и пехота изранена была,
но и пехота кровью истекла.
И пополнили стрелковые полки
тыловики.
Все равно наш верх!
Возьмем Кенигсберг!!
Даешь Кенигсберг!!!

11 АПРЕЛЯ

Был день снарядами распорот,
был город бомбами расколот.
От ярости «катюши» сатанели,
во весь голос пели и пели.
Влетели в город
танки с налета
и все,
что выжило в пехоте...
И тишина вошла
на мягких лапах,
неся с собой
весенний запах.
А тишина — хорошая примета:
все,
Победа!

Свердловск, 1985-й

9 МАЯ

Смотрю я памяти в глаза,
в них —
торжество и ликование,
в них —
боль народного страдания...

Смотрю я памяти в глаза...

Шесть лет назад, в пятом номере за 1979 год, в «Уральском следопыте» была опубликована фотография: совсем юный солдат отбивается от нападения... петуха. Под снимком была помещена и небольшая заметка, из которой следовало, что сюжет не инсценированный, что фотография настоящая, фронтовая даже...

Сегодня мы печатаем документальный очерк об этом курьезном случае из фронтовой жизни, а вернее — о юном герое Великой Отечественной войны четырнадцатилетнем младшем сержанте Толе Якушеве.

Мальчишка НА ВОЙНЕ

Мария МЕНЬШИКОВА

Однажды случился с Толей Якушевым форменный конфуз. Произошло это уже в Чехословакии. Там находилась Челябинская бригада Уральского добровольческого танкового корпуса.

В те дни Толику Якушеву заказали в мастерской новое обмундирование — пилотку из тонкого сукна, настоящий офицерский китель и синие, тоже суконные брюки на манер генеральских с лампасами.

Портовой был доволен и Толей и своим мастерством. Сколько за войну он шил шинелей, гимнастерок для солдат и офицеров, а вот для пацана впервые пришлось шить обмундирование.

Одобрил новую форму и ординарец комбрига:

— Отлично, Толя! Такой формы не только в нашем корпусе, может, на всем фронте нет!

Жалко, что Толя не мог показаться комбригу Михаилу Георгиевичу Фомичеву — его в этот день в бригаде не было. Плохо еще и то, что время позднее, скоро отбой.

Встал он рано, до подъема, и чтобы не разбудить чуткого на всякие шорохи ординарца, взял свое старое и новое обмундирование и вышел в коридор. Там он открутил от старой гимнастерки орден Красной Звезды, гвардейский значок, отцепил медаль «За боевые заслуги», старательно прикрутил все свои награды к новому кителью. Приделал погоны. Надел новую форму, сунул пистолет в карман и вышел на улицу.

Немного постоял у ворот, раздумывая куда пойти. Решил идти в политотдел, там лейтенант по фамилии Чиж, фотограф бригады, всегда рано встает.

Толя улыбался, настроение у него было светлое, он представлял, как все удивятся, увидев его в новой форме.

Во дворе на обычном месте стояла «Коломбина», высокая с маленькими окнами по бокам политотделская машина. Машину подарил политотделу секретарь челябинского обкома партии. Она своим ходом дошла до Берлина и до Праги. Про шофера, дядю Ваню Смелых, хозяйственного, всегда аккуратного, девушки из штаба шутливо пели:

— Смелого пуля боится. Смелого штык не берет!

Во дворе дяди Вани не было, наверное, еще спал. А в машине уже кто-то был, слышался стрекот пишущей машинки. Потом Толя в окне увидел Николая Григорьевича Чижа: тот посмотрел, кто же в такую рань зайвился.

По двору ходили куры и яркий, оранжево-красный с зелеными переливами петух — расфуфыренный щеголь с большим свалившимся на бок гребнем, со шпорами. И вдруг с кудахтаньем, нахохлившись, пригнув голову, петух стремительно бросился на Толю. Мальчишка отпрянул, схватился за пистолет, но раздался крик Чижа:

— Толик, не смей! Нельзя стрелять!

Рука Толи застыла в кармане, он отступил в дальний угол двора, а петух кидался на него, топтался на месте и снова кидался. Толя глядел по сторонам, искал какой-нибудь камень или палку, но у чехов во дворе всегда чисто выметено. Мальчик совсем растерялся... На выручку выбежал Чиж:

— Толя, я его сейчас! Нельзя стрелять!

Но петух мощно взлетел и оказался на загривке у Толи, и до того, как его схватил Чиж, успел раза два долбануть мальчишку в темя.

Николай Григорьевич Чиж схватил петуха за поги, виз головой сильно потряс на весу и отбросил в сторону — мол, иди себе. Петух как ни в чем не бывало, гордо держа голову, отряхнулся, расправил перья и направился к исположившимся курам, заходял вокруг них кругами.

А младший сержант Толя Якушев, потирая темя, чуть не плакал от обиды, от того, что пришлось отступить от какого-то петуха, что испугался и это все видели и теперь засмеют.

Толя не поднимал глаз на танкистов, а те галдели: — Думаю, тревога, что ли? Даже оружие схватил! — А мне показалось — немцы. Гитлер из мертвых восстал и ведет на нас фрицев! Оборону занимать надо! — Во-во! Все что-то думали, а тут сражение с петухом идет!

Чиж уговаривал мальчика:

— Неразумная птица, а ты сразу за пистолет...

— А чего он кидается! Что я ему — фашист?

— С фашистом ты бы справился, а от пяти потерпел поражение, — шутил дядя Ваня Смелых.

Чиж продолжал:

— Я увидел тебя в окно, такого щеголя, думаю, сейчас чикну, взял фотоаппарат, выхожу, а тут такое... И знаешь, все-таки я успел чикнуть. Кажется, попали вы в кадр. И ты и петух.

Только этого не хватало, чтоб потом вся бригада смеялась, огорчался Толя. Чиж может и в газету написать, и снимок туда даст. Теперь от солдатского смеха нигде не скроешься. Еще и трусом назовут. А трусливым он никогда не был, это все могут подтвердить. Получается, что зря он не застрелил птицу, он бы не промазал...

...Толя на фронте с сорок второго года. Тогда в их деревне, в Тульской области, проходила линия обороны. Тогда он и старший брат — отец и другие старшие братья были на фронте, мать умерла от тифа — пришли к красноармейцам и помогли им чем могли, как вестовые, посыльные. Толя в разведку в тыл к немцам ходил. Дошел с пехотной частью почти до Киева, а потом его в Курское суворовское училище отправили еще с одним мальчишкой. Старшего брата Николая оставили в части.

В Курском суворовском мальчишкам не понравилось, оно еще только организовывалось, ничего не было — ни еды, ни одежды, ни помещения. Решили ехать в Москву, там суворовское должно быть лучше. Только в Москве они никакого училища не нашли и друг друга потеряли.

Куда податься? Где пристроиться? Толя знал одну дорогу — опять на фронт. На одном из московских вокзалов пробился к воинскому эшелону, попросился, чтоб взяли в вагон.

— Вы не бойтесь, я все умею. Я вам полезный буду...

— Что же ты умеешь?

— За киятком сбегаю. На фронте в разведку пойду.

— Неужели был на фронте?

— Ага-а!

Доехал Толя до Брянских лесов, где после тяжелых боев на Орловско-Курской дуге на переформировании находилась Челябинская добровольческая танковая бригада.

Комбриг, обходя строй прибывших солдат, на фланге увидел мальчишку.

— Это тоже пополнение? — спросил строго.

— Так точно, товарищ подполковник! — ответил Толя по уставу.

— На фронт пора! Да, надо на фронт, иначе мы тут таким вот пополнением обростем, — сказал комбриг Фомичев сопроводившим его начальнику штаба и замполиту, а Толе сказал: — После построения придешь в штаб.

Там он расспрашивал, где родители, откуда он родом. Вот тогда и выяснилось, что они, и Толя и комбриг, земляки, оба тульские, Фомичев хорошо знал Толину деревню Литвиново, не раз бывал в ней.

— Хотел отправить тебя в тыл, да ладно, оставься, — пожалел мальчишку Михаил Георгиевич. — Будешь моим адъютантом.

Он выполнял разные поручения командира, в обороне, на марше, когда надо было ехать в штаб корпуса, Толя его сопровождал, а если бой, то «адъютанта» Михаил Георгиевич отправлял в медсанзвод, помогать врачам. Там Толя подносил что мог, раненых кормил, носил воду, дрова. Во время уличных боев во Львове, когда немцы могли с любой улицы просочиться к медсанзводу, с автоматом охранял раненых и врачей. Но больше всего ему нравилось бывать у разведчиков, у него там было много друзей. Александр Ярошенко из города Копейска обещал научить играть в футбол. Ярошенко погиб весной сорок четвертого. Толя тогда не удержался, заплакал, когда его хоронили. Еще был Михаил Шевченко, он автомат легкий мальчику подарил, его послали учиться на офицера уже из Германии. Почти со всеми разведчиками дружил, но в разведку они его не брали. Обычно собирались на заданье поздно вечером, Толя просит его взять, а ему в ответ:

— Тебе спать надо.

А ему хотелось совершить подвиг, получить награду, медаль или орден или уж ранить бы, что ли, тогда можно было бы носить нашивку о ранении, а то на гимнастерке долгое время был только гвардейский значок.

И вот однажды на территории Германии бригада получила короткий отдых. Остановились тогда в большом немецком селении. Танкисты приводили все в порядок, ремонтировались. В бригаду приехал командир танкового корпуса генерал Белов:

— Показывай, чем занимаешься твои мотострелки,— сказал он Фомичеву.

Фомичев повел генерала на другой край населенного пункта. Толя, как адъютант, тоже пошел с ними. А в это время в бригаду приехал командующий 4-й танковой армии, в которую входил Уральский доброволь-

ческий танковый корпус, строгий генерал Лелюшенко. Ему сказали, где комбриг, и Лелюшенко тоже пошел к мотострелкам. Он всегда ходил с охраной, быстро и уже почти догнал Фомичева и Белова, был, может быть, метрах в ста от них. И вдруг из-за угла большого дома выскочил заполошный немецкий офицер. То ли солдаты наши его слугнули, то ли в засаде сидел — были так же у фашистов бешеные одиночки, — он полоснул очередь из автомата по советским командирам. Но очередь прошла над головами. Никого не задела.

Впереди шел Белов, он выстрелил из пистолета и тоже промахнулся. Фомичев был за генералом, стрелять ему было несподручно. Толя шел сбоку, второй выстрел по фашисту был его, и мальчик не промазал.

Произошло все это в считанные секунды. Генерал Лелюшенко издали все отлично видел. Когда подошел, то сказал строго:

— Без охраны ходите, как у тещи на именинах. Наказывать вас надо, да уж ладно, легко отделались. Считайте, этому юному снайперу вы жизнью обязаны. Как зовут тебя, ефрейтор?

Вот тогда и наградили его орденом Красной Звезды. Лелюшенко наградил. Про подвиг узнали не только в бригаде, но и в корпусе и в танковой армии. Некоторые даже говорили, что он Лелюшенко спас. Солдаты всегда умеют прихвастнуть, если это не про себя.

Однажды Толя возразил:

— Подумаешь, одного фашиста убил!

— Ну, брат, ты уж загордился! Если бы каждый солдат убил одного фашиста, война бы давно кончилась.

А генерал Лелюшенко всякий раз, когда приезжал в бригаду, если видел Толю, обязательно что-нибудь спрашивал или шутил:

— Как служба боевая идет? Бьем фашистов? Ты что-то плохо растешь!? Повар, что ли, плохо кормит?

— Никак нет, товарищ генерал! Он меня первым зовет пробу снимать!

А однажды генерал спросил:

— Толя, ты все еще ефрейтор?

— Так точно, товарищ генерал!

— Присвоить ему очередное звание! — сказал Лелюшенко Фомичеву.

Комбриг с удовольствием написал приказ: ефрейтору Якушеву присваивается звание младшего сержанта, и Толя прикрепил лички к погонам.

...Но, пожалуй, больше мальчика огорчилась хозяйка несчастного петуха. Она жестами показывала, что отрубит ему голову, сварит и пригласит всех кушать. Но бойцы замахали руками: мол, не надо так делать, пусть живет птица. Тогда хозяйка принесла длинную крепкую бечевку, привязала петуха к столбику и больше не отпускала.

Ободрил и Николай Григорьевич Чиж:

— Понимаешь, он у нас только на чужих бросается, тебя, наверное, не признал в повой форме. Может быть, хозяйка его готовили от фашистов защищаться, потому он такой злой, или еще порода бывает петушиная бойцовская... А стрелять ты не имел права, он хозяйский...

А снимок, как юный гвардеец убегает от петуха, получился...

Сейчас Анатолий Григорьевич Якушев живет в Москве, работает на заводе, у него двое взрослых детей.

Когда смотрю телепередачу «Победители», с благодарностью думаю: как она полезна и нужна для воспитания современной молодежи! И как жаль, что подобные встречи проводят только фронтовики; очень о многом могли бы вспомнить, рассказать и те, кто ковал победу в тылу. Заводская молодежь 40-х — целое поколение героев труда.

Я хочу рассказать об одной из многих фронтовых комсомольско-молодежных бригад. О группе токарей — учащихся ремесленного училища № 10 города Серова Свердловской области.

Рассказ документален, фамилии и имена подлинны.

Сорок суток двигался с запада на Урал наш «пятисот веселый». Так в годы войны называли пассажирские эшелоны из товарных вагонов-теплушек. Ехали медленно, уступая путь встречному транспорту, мчавшемуся на запад, на фронт.

Мобилизованные райвоенкоматом, мы ехали на учебу в ремесленные училища Урала.

В Серов прибыли жарким июльским днем. Встретили нас руководство ремесленного училища № 10 во главе с директором. А мы в пилотках — русских и немецких — выглядели весьма экзотично. Привели на стадион «Металлург». Построились в две шеренги. С этого часа стали учащимися РУ № 10. Нам выдали по два бутерброда, которые мы тут же съели.

Я попал в группу токарей. Мой брат Генка и друг Юрка Тихонов — в группу столяров мастера Светлова. Коська Рыбаков и Леша Горлов, наши деревенские из Пролежнева, оказались в кузнечной группе, Вася Петров — в токарной. Так и перемешались по разным группам деревенские дружки-приятели. Сразу после распределения мы отправились в баню. Все белье и дорожные вещи сдали в жарилку. Мылись жидким мылом, которое брали пригоршнями из банок. После мытья получили чистое нательное белье. Общежитие, где нам предстояло жить, оказалось двухэтажным бревенчатым зданием. Вместо коек — двухъярусные деревянные топчаны, четыре тумбочки с табуретками — вот и все. Для стола места не хватило.

Токарная мастерская находилась на территории завода. Заказы шли от Государственного Комитета Оборона. Изготавливались доньшки, чашки, трубки — детали боеприпасов. Наиболее трудоемкими были чашки.

Кроме нас, новеньких, у мастера Малышева уже год была московская группа. «Второгодники» — так звали мы их. Жили они в этом же общежитии. У них мы проходили стажировку. Через два месяца стали крепким

единым ядром, спаянным коллективом. Работали в мастерских в три смены по 8 часов каждая.

Навсегда запомнилась первая рабочая смена. Мой наставник — Виктор Огнев. Коренастый, невысокого роста, с постоянно красными опухшими веками, он, видимо, скрывал, что болен. В этот день мы с Огневым стояли на разрезке заготовок для доньшек. Меня многое удивляло. Почему, например, железом режут железо? Почему такие маленькие станки? Я представлял, что они должны быть с трактор или комбайн.

— Сегодня пока поливай мне на болванку, а завтра будешь резать сам, — сказал Огнев.

— А почему вода белая? — спрашиваю я его.

— Это не вода, а эмульсия: вода, масло, мыло и сода.

Ирезав одну болванку, мы устанавливали и закрепляли другую, потом третью, четвертую. Смена приближалась к концу. Виктор откренил последнюю болванку и стал убирать станок.

— Сосчитай, сколько мы сегодня нарезали?

Я пересчитал блинчики. Цифра получилась трехзначная.

— Видишь, — сказал Огнев, — с первого дня полторы нормы. Завтра, глядишь, побольше сделаем!

Радостный, я помогал вытирать станок, достали из шкафа масленку и смазали его. Подошел сменщик, заглянул в шкаф.

— Ого! — сказал он. — Солидно, ничего не скажешь.

Постараемся переигнорить.

— Жмите, — согласился Виктор.

После смены мастер Павел Григорьевич всегда выстраивал группу: проанализировать работу за день. Потом — обед. Щи, тушеная капуста с кусочками консервированной колбасы, чай и 300 граммов хлеба — все меню. На УДП — дополнительно подавали блинчики. УДП — усиленный дополнительный паек. Талончики на него получали кузнецы. Когда с продовольствием стало хуже, на УДП стали давать обычную порцию картофельного пюре, тушеной моркови или капусты. Рабочие не без юмора расшифровали УДП как «умрешь днем позже». И все-таки это было поощрением, которое влияло на производительность.

В общежитии, как и в столовую, — строим. Строй был неотъемлемой частью дисциплины. За этим строго следили мастера и особенно военрук училища Столяров. Здесь в училище готовились защитники Родины, которые по первому зову могли призвать на фронт. Мы привыкли к военной дисциплине, и не зря потом наши группы назывались фронтовыми комсомольско-молодежными бригадами.

Разговоров и впечатлений в общежитии о первой рабочей смене было хоть отбавляй.

Петрусь Савельев, сделав первую деталь, написал матери: «Мама, я учусь на токаря-универсака». Кто-то

Мальчишки у СТАНКОВ

Борис ГАГИН

из ребят подглядел и прочитал вслух. Так Петрусь и остался с кличкой «Универсак».

Радовались мы, что становимся рабочими, что заменяем ушедших на фронт отцов. Каждый был убежден: чем больше перевыполнена норма, тем больше убитых фашистов. С таким настроением брались мы за рукоятки станков. Вечером долго не могли заснуть. Вспоминалась родная деревня, рассказывались истории. Вот одна из них. В хате Петруся Савельева жили немцы. Под кроватью, на полу, они хранили толстые круги сала и сыра. Ночью, когда фашисты засыпали, Петрусь брал нож. «Забираюсь под кровать, ставлю круги на ребро и начинаю отрезать от одного, от другого. А чтобы не заметили, по всей окружности беру стружечку толщиной пальца в два, а потом поплюю на ладонь и начинаю круг замасливать. Подкармливал мать и братишку».

— Вот почему ты стал «токарем-универсак», — под веселый хохот острил Митька Толстов, — с малолетства научился снимать стружки.

...В следующую смену я работал самостоятельно. Огнев закрепил болванку, установил резец, осторожно подвел его и надрезал первый «блинчик».

— Нарезай сам, — сказал он, — только ровнее подавай, без рывков и не быстро, а то сломаешь резец.

Первая стружка завилась под непривычными руками.

Время от времени Виктор подходил, поглядывал на изрезанные болванки и мысленно прикидывал: «Для первого дня хорошо: процентов на 130 махнул».

Через неделю все мы работали самостоятельно. С самых первых дней Павел Григорьевич приучил нас экономить каждую минуту, выжимать из станка все, что можно. И мы выжимали. Движения стали настолько размеренными, что экономились не только минуты, но и секунды. Прошло месяца два, мне и еще четверым прямо у станка Павел Григорьевич вручил конверты с премией: 100 рублей каждому.

Прошла дождливая сырая осень с темными уральскими почвами. Наступила зима, первая для нас. Нам выдали шинели с подшинеельниками, шапки-финки. Питание ухудшилось. На второе давали тушеную калегу (брюкву), морковь, капусту. На первое — щи, крупяный суп. Хлеб стал чернее и тяжелее, с какими-то примесями. Похолодало в комнатах: запас дров к середине зимы израсходовали. Комнаты настывали так, что замерзали чернила.

После работы бежали в сушильную комнату погреться. Она топилась ежедневно. Для нее держали небольшой резерв дров, который хранился в сарае под замком. Чтобы согреться, перед сном нагревали кирпичи на плите сушилки, завертывали в простынь и засыпали, как с грелкой.

Потом приспособились собирать дощечки у тарного цеха. Вахтеры, надо заметить, редко придирались к нашим ношам. Так и шли с этими дощечками под телогрейками в столовую, а оттуда — в общежитие. С середины зимы стали подвигаться вынужденные простои — не хватало электроэнергии. Лишь прессовые цехи да кузница работали бесперебойно. В эти вынужденные свободные дни с мастерами выезжали в тайгу готовить дрова. Пилили кедр, пихту, ель, сосну. Раскряжеванные хлысты везли к общежитию. Санок не было, делали лотки: полутораметровые доски намораживали льдом, прибавляли четыре кола, чтобы увеличить ее ширину. Впрягшись вчетвером, привозили до кубометра дров.

Лютая, помню, стояла зима. Обмораживали руки, ноги, но никто не был. Отогревшись, пилили и кололи

дрова, топили печи. Во всем был определенный порядок: дежурили по очереди, трудности делили поровну. В этих же печках ребята варили заваруху из горсткой муки в консервных банках. На рынке все подорожало. Буханка черного хлеба стоила четыреста-пятьсот рублей. Пол-литра молока и килограмм картошки — по пятьдесят рублей. Чаще всего покупали овсяную муку. Из стакана ее можно было сварить литровую банку заварухи. Но и мука стоила 30 рублей стакан. А получка — 400—500 рублей в месяц.

Положение на фронте по-прежнему тяжелое. Враг рвался к Сталинграду. Фронт требовал боеприпасов.

«Все для фронта! Все для победы!» — таков был лозунг. Он висел в каждом пролете цеха. Рано утром приходил мастер Павел Григорьевич, рассказывал последнюю сводку Совинформбюро. Каждая беседа была своеобразным призывом — работать. Рисовал перед нами картину, что где-то в окопе сидит наш солдат или у орудия остался артиллерист, а на него идет фашистский танк. У солдата нет ни гранаты, ни снаряда. Все израсходовано. И он просит: дайте еще хоть один снаряд, чтобы уничтожить врага. А снаряды делаем мы...

Каждая рабочая минутка на учете. Люди убрали стружку не останавливая станка, передавали смену со вставленным резцом и заготовкой. Резцы точили к следующей смене только после работы. Из оборудования выжимали максимальное. Во всех группах кипело соревнование за право называться фронтовой комсомольско-молодежной бригадой. Показатели часто доходили до 200—250 процентов.

Каждый гордился, увидев свою фамилию, написанную обыкновенным мелом на обыкновенной черной классной доске. Каждый радовался, увидев свою группу, теперь уже фронтовую бригаду, впереди других. Это заставляло бороться за каждую сверхплановую деталь. От накала соревнования выигрывал фронт.

За год мы в совершенстве овладели всеми операциями. На настройку уходило не больше двух минут, на замену резца не больше минуты. Любо-дорого смотреть, как работал Лева Бойков на чистовой обработке. Постоянно сосредоточенный, он обладал исключительной реакцией.

После ужина часто всей группой ходили в кино. Кинотеатр находился рядом со столовой. Вначале показывались фронтовые журналы (боевые киносборники). Фильмы шли чаще всего военные, патристические.

В январе 1943 года прорвана блокада Ленинграда! Второго февраля завершилась ликвидация двадцати двух немецких дивизий под Сталинградом. Освободили Воронеж, Курск, Ростов. А третьего марта освобожден Ржев, это всего в 70 километрах от наших родных мест!

Секретарем комсомольской организации училища был Алеша Бударин. Он готовил и принимал нас в комсомол. Устав изучали в общежитии. За остальное не беспокоились: о событиях на фронте знали хорошо, дисциплина в группе безупречная, производственный план перевыполнен...

Зимой станки быстро покрывались инеем, приходилось перед пуском подогревать паяльную лампой. Эмудьсия тоже замерзала. Но с суровой аккуратностью к мастерским подходил паровоз, подвозя вагон со штампованными заготовками. От вагона выстраивалась живая цепочка и, как по конвейеру, штамповки переправлялись к станкам.

В послевоенные годы появилась техническая литература с модным термином «скоростное резание». Однако

в военные годы обработка деталей на повышенных скоростях широко применялась и у нас. Никто об этом не шумел, не писал, считая обычным явлением, подсказанным практикой, стремлением дать фронту как можно больше боеприпасов. Любые трудности старались разрешить своими силами. Толя Дроздов и Коля Анфиногенов, например, мастерски владели чистой расточкой. Они первыми придумали клиновидные подкладки, позволяющие устанавливать резец в считанные секунды. Термина «рационализатор» не было. Говорили просто: старательный парень.

В ночную смену, особенно перед рассветом, сильно тянуло ко сну. Павел Григорьевич, заметив клевавшего паренюка, подходил к станку, отвлекал шуткой, причем то ласково уциплет, то схватит за ухо или чуб. Нередко он сам становился за станок, предлагая уставшему прогуляться, развеять сон, погреться. Почти постоянно переходящее Красное знамя ремесленного училища держала группа Мальшева. Ей первой присвоили почетное звание «Фронтная комсомольско-молодежная бригада». Меня выбрали комсоргом группы. Вот что писала городская газета:

«...Первенство в социалистическом соревновании в ноябре завоевала фронтная комсомольско-молодежная группа под руководством молодого командира комсомольца Бориса Гагина, получившая переходящее Красное знамя училища.

Не спижает темпов работы этот коллектив и в декабре, ежедневно группа т. Гагина дает по две нормы в смену. В группе нет ни одного учащегося, который бы выполнял план ниже 150 процентов». («Серовский рабочий» от 11 декабря 1943 г.)

Номер газеты хранится у меня по сей день.

Кончилась вторая уральская зима. Отпала забота о дровах, лучше стало с питанием. Щи из молодой крапивы и лебеды, дикий зеленый лук стали подспорьем для столовой. Ходили в тайгу за ягодами и кедровыми шишками. Преподавателей предупреждали, что идem заполнять «торричеллово пустоту» — так называли свои желудки. А вот соли в столовой не было целых два месяца! Чтобы понять это, надо испытать бессолевую пищу. До чего противным кажется все пресное! В первые же дни разломали деревянные пустые солонки, которые стояли на столах. И эти обломки, пропитанные солью, кляли в щи. Для укрепления зубов и восполнения витаминов пили настои из хвои пихты или кедра. Неприятный напиток, но пили. Весной всех нас обули в парусиновые ботинки на деревянном ходу. Подошва была из лыжи, толщиной в два сантиметра. Когда мы проходили по тротуару, топотом напоминали табуи.

Однажды произошел несчастный случай с Беляковым Сашей, Белячком, как ласково звали его ребята. Его станок неожиданно включился, туго заклиненная

скоба прижала палец к держателю. Раздробило кость. В здравпункте ему ампутировали первую фалангу пальца. Но Белячок приходил на работу, одной рукой помогал подносить детали. Павел Григорьевич осторожно предлагал ему пойти в общежитие, но Белячок отшучивался, говоря, что ему одному там скучно. Сейчас Саша — почтенный дед, Александр Сергеевич. Имеет троих внуков. До сих пор не изменил он любимой профессии, работает на механическом заводе токарем высшей квалификации.

Весной призвали в армию ребят 1925 года рождения. Проводили Сережу Воскобойникова, Петю Гальцова, Сашу Руденского, Мальцева. Замечательные друзья, отличные труженики, первые наши наставники. На дорогу к положенному сухому пайку мы собрали им из своих порций по две буханки хлеба и получили в столовой сахар, положенный на всю группу по дневному рациону. Проводили друзей до вокзала.

В начале лета брат Генка по заключению медицинской комиссии был отчислен из РУ-10. У него резко стало ухудшаться зрение. Домой, в Калининскую область, отправился вместе с девушкой из соседней деревни Станишино. У нее серьезная травма руки. В столовой им выдали на дорогу семидневный сухой паек, а добиравшись они 17 суток. Позднее он рассказал, что полпути они не ели вообще. В деревне Курцово, в четырех километрах от дома, он устал в голодном обмороке и не помнил, сколько времени пролежал. Его подняли местные жители и дали что-то поесть.

Полдня преодолевал он эти километры, добираясь до дома, вернее до бани. Деревня была сожжена, и мать с восьмилетним внуком Лейей продолжала жить в закоптедой бане.

Дома Генка пробыл недолго. Его вновь мобилизовали на учебу в школу ФЗО по специальности маляр. Он восстанавливал разрушенный Калинин.

Ох, трудно было бы маме собрать нас всех! Четыре сына на фронте, я — на Урале, Генка — в Калининне, дочери — одна в Москве, другая на оккупированной территории Украины, третья — эвакуировалась из-под Ленинграда в Пермскую область...

Радости! Враг разбит! Всю войну советский народ верил, что это свершится. Верил, дрался и трудился, не жалея сил. День Победы отметили хорошим завтраком: двойной порцией хлеба, консервированной колбасы. Этот день стал и первым выходным за все наши рабочие фронтовые годы. Мы одели новые костюмы — пришел праздник и на нашу улицу!

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

112-я стрелковая дивизия, состоявшая из пермяков, приняла боевое крещение раньше многих других уральских соединений — в июне 41-го, на латвийской земле. Гитлеровцы бросили против дивизии крупные моторизованные части, танки, самолеты. Уральцы вывели свои пушки на прямую наводку, вступали в рукопашные бои. Только за первые три дня боев они уничтожили более 10 тысяч солдат и офицеров противника.

В первые же месяцы войны коллектив Уфимского паровозоремонтного завода начал выпуск боеприпасов и ремонт оборудования бронепоездов. В цехах предприятия были созданы и отправлены на фронт бронепоезда «Уфа», «Полководец Суворов», «Полководец Кутузов», «Салават Юлаев».

Машинно-тракторные станции Вагайского района (Омская обл.) в июле 41-го открыли краткосрочные

курсы по подготовке трактористов и комбайнеров. Сто курсанток заменили ушедших на фронт мужчин.

Весной 42-го комсомольцы Тюменского железнодорожного узла посадили десять гектаров картофеля — для эвакуированных детей, находящихся на территории Омской области.

Каждый пионер Червишевской школы на своем огороде посадил грядку овощей для детей, родители которых погибли при защите Родины.

Каждый раз этот голос звучал неожиданно и странно: «Товарищи, мы заканчиваем работу, просьба сдать документы...» И стоило больших усилий оторвать взгляд от строки, поднять глаза и увидеть за окном сиреневые сумерки, прохожих и ясное небо, венчающее спокойный и уверенный в себе город... Каждый раз, как только закрывалась дверь архива за моей спиной, я удивлялась и радовалась обступающей меня жизни: на каждом углу продавали цветы и фрукты; люди, шедшие навстречу, несли в руках сумки, полные снеди, обилие красивых вещей бросалось в глаза... Какое счастье, что мы живем в мирное время, думала я, какое счастье!..

В архиве меня со всех сторон окружали документы. Документы, не отличающиеся ни эмоциональностью, ни красотой слова, но, может, именно потому и поражающие в самое сердце.

Благодаря им я, человек от войны далекий и годами и понятиями всегда мирной для меня жизни, почувствовала войну, заболела ею, ощутила ее в своей крови, выпала из сегодняшних дней — туда, в лихолетнюю зиму 1941—1942 годов. Это я вместе с другими женщинами стояла на стылом перроне, провожая на фронт воинов, защитников — лучших мужчин! — и встречала полурядных, голодных, дрожащих детей, только что переживших первые бомбежки, смерть, горе...

Я хочу рассказать вам о том, что поведали мне документы.

«За период войны до 1 октября 1942 года в Свердловскую область из Ленинградской, Калининской, Сталинградской областей; Белорусской, Украинской и других республик было эвакуировано более 100 тысяч детей до 14 лет, в том числе 20 тысяч — дошкольного возраста. Около 12 тысяч были сироты — воспитанники 59 эвакуированных детских домов и 24 интернатов.

Только 12 детдомов удалось разместить в ранее существовавших детдомах и 6 детдомов — в бывших домах отдыха и санаториях. Для остальных в срочном порядке приспособляли любые, более-менее теплые помещения...» (Партийный архив Свердловской области (ПАСО), фонд 4, опись 37, дело 176, стр. 27.)

Приезд многих детдомовцев пришлось на октябрь-декабрь 1941-го. Наступала холода, а большинство из них не имели теплой одежды и обуви. Помещения плохо отапливались из-за нехватки дров. Температура в них опускалась до минус 8—12°. По самым скромным расчетам нужно было около 40 тысяч кубометров дров, а в наличии имелось только 20 тысяч. Не хватало мебели — тумбочек, столов, кроватей. Обходились топчанами, тю-

фьяками и нарами. Вместо стекол на окнах чернели доски.

И тем не менее все детские дома были размещены таким образом, чтобы эвакуированные имели полную возможность посещать школу. Там, где их поблизости не оказывалось, организовывали в самом детдоме. Школа была хороша не только тем, что давала знания, но и тем, что давала горячие обеды в специально организованных буфетах. Местные жители помогали всем, чем могли, делили одну пару валенок на двух-трех ребятшек, самое нужное собирали всем миром.

Женщины Туринского района перед приездом воспитанников вымыли полы в детдоме, натопили печи, собрали вилки, ложки, чашки, стаканы. А прибывших детей принимали из вагонов прямо в перешитые тулупы и валенки.

В Бутке колхозники собственными силами скатали из шерсти 56 пар валенок и обуви всех детдомовцев.

В Белоярском районе эвакуированных детшек ясельного возраста ежедневно обеспечивали молоком, каждому выдвали по два куска мыла.

Рабочие Кировградского завода к новогодней елке прислали детдомовцам подарки и дойную корову.

«Забота о детях — кровное дело каждого партийного и непартийного большевика. Под самый строгий контроль нужно взять все, что делается для детей. Самые лучшие и светлые помещения, хороший уход и питание, обувь, одежда — все это важнейшее дело каждого гражданина Советов!» — прозвучало в докладе первого секретаря обкома партии на заседании бюро. Тогда же было принято решение отпустить остро нуждающимся детям 20 тысяч пар валенок и 30 тысяч пальто.

Свердловский обком ВЛКСМ с первых дней поступления эвакуированных детей развернул широкую агитацию на заводах, предприятиях, в учреждениях и школах области. Уже к 1 февраля 1942 года поступило более 30 000 вещей, кроме того, 81 809 рублей. Асбестовцы, в частности, собрали зимних пальто 168 штук, валенок 74 пары, шапок-ушанок 125, детского белья 680 комплектов, столовой посуды 340 штук.

В большинстве школ Свердловска работали пошивочные бригады по реставрации поношенных вещей — из старых родительских получались добротные детские куртки и штаны.

В общем проблема теплой одежды была более-менее разрешена.

По примеру колхоза имени 1 Мая, привезшего своим детдомовцам 150 кубометров дров, были обеспечены дровами на первое время и другие детские дома.

Хуже обстояло дело с кадрами воспитателей. При эвакуации часть из них подали заявления в Красную

Вперед была
ВЕСНА

Ирина КОРНИЕНКО

Армию, часть просто сбежали, испытав первые трудности и беды. Большинство директоров довоенных детдомов области тоже ушли на фронт, и хотя на их место явились люди с высшим педагогическим образованием, стаж работы именно в детдомах у них не было, многим пришлось срочно перестраиваться, привыкать к специфике. Надо сказать, не обошлось и без инцидентов. Директор камышловского детдома вел режим, при котором всякое детское самоуправление было ликвидировано как «излишнее в жизни». При нем применялись антипедагогические методы. Детей в целях «воспитания» раздевали догола, часами изводили потациями, наказывали голодом. Все это привело к тому, что за зиму из детдома сбежали 14 воспитанников (удалось вернуть только 5), а остальные чувствовали себя подавленно и озлобленно.

Все это я выписывала из «Докладной записки» дрожащей рукой, в глазах мутилось от боли и недоумения: неужели такое возможно, да еще в то самое время, когда на всех — одно горе?! Да как же быть с верой в лучшее и торжество справедливости?!

Не волнуясь, читатель, есть справедливость. Как не быть: Чрезвычайная областная комиссия, досконально разобравшись в сложившейся в детдоме ситуации, приняла решение:

1. Признать руководство работой детдома неудовлетворительным и за превышение власти снять директора.
2. Ввести в руководящий состав детдома коммунистов и передовых комсомольцев.
3. Снять с работы и отдать под суд воспитателя детдома... за избивание детей.
4. Назначить нового хозяйственного работника и нового пионервожатого.
5. Восстановить детское самоуправление и обеспечить детский контроль за питанием.
6. Организовать досуг детей¹.

Хорошо читаются эти чеканные строки! Я начинаю различать в документах интонации, тембр и даже индивидуальное дыхание. Ведь документы, как и люди, бывают корректными и словоохотливыми, равнодушными и взволнованными, полными достоинства и торжествующими, а то и жалкими, покаянными.

Как, например, читать следующее?

«Воспитательница высинюуткинского детдома в целях наказания отобрала у воспитанника постель, и он в течение месяца спал где попало, иногда его тайком пускали ребята в свои постели».

Холодно, голодно, и всего-то тебе от роду 12 лет, а уже видел смерть — и вот вынужден к ночи скитаться в поисках хоть какого-то теплого местечка!..

Равнодушие к детскому горю — разве это не преступление?

Как же греет и ободряет факт, нет, те многочисленные, бесчисленные факты людской доброты, сочувствия и понимания, которые тоже зафиксированы в документах. Если бы не они, очерствели бы души подростков, не выросли бы из них полноправные, с чувством высокой ответственности и чистоты граждане нашего общества!

«Карпинский и новый, коркинский детдома провели ряд вечеров самостоятельности силами воспитанников для колхозников... В результате чего им удалось разбить ложное мнение местного населения о том, что детдомовцы — это воры, хулиганы, огородники и пр...»

В проведение праздничных вечеров и пионерских костров вовлекается большое количество детей — они с удовольствием украшают помещение (какую фантазию и

смекалку проявляют при этом!), готовят стенные газеты, плакаты, разучивают художественные номера, готовят доклады...» ПАСО. Там же.

К 24-й годовщине Красной Армии многие детдома включились в кросс, и хотя лыжи были большой роскошью и мечтой не одного ребенка, мастерили из подручных материалов вечно, на чем с рекордными минутами преодолевали дистанции.

Встречи с героями, получившими ранения на фронтах и потому демобилизованными, производили на ребят потрясающее впечатление — потрогать шинель считалось верхом счастья!

Ребята обсуждали положение на фронтах, черпая из политинформаций, газет, радио информацию, спорили до драк за любимый род войск; спали и бредили боями с врагом. Конечно, учеба многим казалась чем-то ненужным и дотошным. Но не это было причиной низкой успеваемости. Сказывались психическая перестройка, привыкание к новому укладу жизни. Тем более, что многие включились в учебу только к концу первой, а то и к середине второй четверти, отставали в программе от местных детей, а наверстывать приходилось самостоятельно. Как, если воспитатель зачастую сам малограмотный, если нет учителя? Спасибо учителям — они проводили дополнительные занятия, консультации, индивидуальную работу с отстающими. Помаленьку-потихоньку учеба двигалась.

Детдомовцы стали юными бойцами Красной Армии. В учебно-производственных мастерских, организованных при детдомах, они выполняли заказы оборонного значения. Только за три последних месяца сорок первого года выдано продукции по этим заказам на пять миллионов рублей. Были созданы тимуровские команды: девочки и мальчики ходили в семьи красноармейцев и, пока взрослые на работе, пилили дрова, носили воду, топили печи, ухаживали за малышами...

Дети войны рано повзростели. Они многое делали сами. Сами убирали, вычищали свой дом, топили большие печи, носили баки с водой больше собственного роста, дежурили по кухне, столовой. Впереди же у них была весенне-посевная кампания... К весне все, накопленное с осени, извелось на лет, а отоваривание продуктов на складах становилось все хуже и хуже... Вот как сказано в документе: «Считаю нужным из многочисленных фактов назвать следующее — Черпосточинский ДД за второй квартал недополучил 160 кг мясо-рыбы, 42 кг масла, 347 кг крупы, яиц 1220 шт, молока 2515 л, 10 июня от директора Висимского ДД было получено сообщение, что детдом за май, кроме муки, ничего не получал, и он не знает, чем кормить детей... 29 мая 300 дошкольников могли бы остаться без пищи, если б не прибывший в ДД методист облово тов. Маркс. Он сумел занять в РСР гороха 25 кг и 27 литров молока в молочной кухне». ПАСО, там же, стр. 101.

«В целях улучшения продовольственного положения с весны 1942 года при детдомах будут созданы подсобные хозяйства. В настоящее время широко развернута работа по организации швейства колхозов, фабрик и заводов над детскими домами, которые должны обеспечить воспитанников всем необходимым — выделить земельные участки, обеспечить семенами и посевными картофелем, а так же сельскохозяйственным инвентарем...» ПАСО, там же, стр. 73.

К весне для обеспечения воспитательскими кадрами было принято решение обкома ВЛКСМ о «мобилизации 100 лучших учителей-комсомольцев на работу воспитателей в детские дома».

К весне и ребята ожили — холод отступал, враг отступал, впереди была надежда, впереди была Победа!

¹ ПАСО. Там же, стр. 106.

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

ГОДЫ ШУМЯТ,

Отцам — от сыновей

Эта история началась с поиска и кончится поиском...

Армянский журналист И. Вердиян прочел заметку в республиканском журнале о том, что парень из Армении, проходивший в наши дни действительную службу на Украине, построил обелиск на братской могиле. Журналист обратился к автору заметки писателю Тельману Маилиану. Тот сослался на то, что слышал эту историю от Григория Левоновича Асояна. Пришлось написать ему. Г. Л. Асоян и участник Отечественной войны, прапорщик в отставке Николай Ильич Сидоров ответили, что фамилия солдата была — Давтян.

Как звали парня? Давтянов в Армении ровно столько, сколько Ивановых и Петровых в России! Долго искали. Подключились работники исполкомов, военкоматов, начальники паспортных столов. И наконец раздался телефонный звонок — звонил слесарь-инструментальщик Дилижанского завода «Импульс» Г. Г. Давтян: «Я — Генрик Давтян. Да, отслужил... Да, я строил».

...Генрик Давтян служил на заставе. Каждый день он проходил мимо холмика, огороженного старыми досками и отмеченного звездочкой. Что это солдатская могила, было ясно. Но кто и когда здесь погиб? Молодой солдат начал выяснять и узнал, что это — братская могила пограничникам, принявшим бой в первые часы войны.

Вспомнился Генрику отец... Мальчик был совсем кроха, когда тот ушел на фронт, но все же помнится ему: фуражка со звездочкой, конторские счета — до войны отец работал бухгалтером; и еще нечеткая любительская фотография... Отец погиб в сорок первом. В похоронке было указано место гибели, но мать его уже не помнит, а похоронка затерялась при переездах.

Генрик осмотрел могилу, измерил ее вдоль и поперек, прикинул эскиз. Потом пошел в горком комсомола — просить стройматериал. Сложить каменный забор, залить фундамент бетоном, вырезать, выточить — это Генрик умел; дед-кузнец научил его и работать с железом. Остальное помогли ребята: сержант Мелкумян из Минчегаура, рядовые Жаров и Брилькин из Москвы, Деревянко с Украины, Габриелян из Иджевана. Приходили и колхозники из села, расположенного километрах в пяти от заставы: то угощенье принесут «солдатыкам», то инструмент.

Так встал памятник на братской могиле — и новая ограда, и новая звезда. И надпись появилась: «Пограничникам, героически павшим в бою за нашу Советскую Родину 22—23 июня 1941 года». И протянулась к памятнику посаженная солдатами стометровая аллея берез.

Потом Генрик Давтян демобилизовался и уехал. А подразделение, где он служил, с помощью ветеранов и военных архивов уточнило имена погибших, и все 15 фамилий были начертаны на грани обелиска. У некоторых из них не было инициалов: у Левушкина, Никитина, Тунякова, Печина и у... Давтяна.

Да, среди этих фамилий оказался и Давтян. Поиск покажет, приходится ли, он отцом Генрику Давтяну — недавнему молодому солдату, который, вспомнив с горечью неизвестно где павшего отца, просто не мог пройти мимо скромной могилы на заставе...

Судьба старшего сына

Центральное телевидение показывало передачу об итальянских партизанах. Прозвучал в ней и такой рассказ. 20 декабря 1944 года партизаны города Гонзага освободили заключенных из местного гитлеровского концлагеря. Особенно отличились при этой операции итальянец Скарпоне и советский летчик Алессандро, бежавший из плена и пришедший в отряд, фамилия его неизвестна. Оба партизана героически погибли. В их честь жители города поставили памятник.

...Три брата было в семье Накорчемных, жившей на окраине Киева. Анатолий сражался в партизанском отряде, был повешен гитлеровцами. Аркадий служил разведчиком в 42-й стрелковой дивизии, лично взял четырех «языков», имеет две медали. Комсомольский билет его хранится в музее 35-й школы города Череповцы.

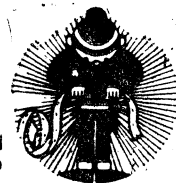
Старший, Александр, воспитанник аэроклуба, ушел в армию в 1938 году. Сначала от него приходили письма, потом было долгое молчание и наконец — краткое извещение: «пропал без вести». Семья пыталась искать — куда только не писали, но все безрезультатно.

И вот эта передача... Смотрел ее инвалид войны Аркадий Климентьевич Накорчемный, и сердце заходилось: «Не брат ли?!» На следующий день он отправил письма в исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. К поиску подключились сотрудники Управления по розыску советских и иностранных граждан.

В архиве мэрии города Гонзага было обнаружено медицинское свидетельство о смерти Алессандро. Врач, писавший его, подробно описал внешние данные партизана: точный рост, цвет глаз и волос, шрам над правым ухом, зуб в коронке в верхней челюсти. Все приметы совпадали.

Откликнулись старые итальянские партизаны, узнавшие о розыске. Кто-то вспомнил, что Алессандро был 1918 года рождения, кому-то он рассказывал о своем родном городе, и описание очень походило на Киев, кто-то узнал его по фотографиям... После тщательного сопоставления фактов эксперты службы розыска итальянского общества Красного Креста пришли к выводу: «...русский партизан Алессандро, похороненный в Гонзаге, есть господин Накорчемный...»

КАК ЗНАМЕНА...

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

При последней операции Александр Накорчемный выпросил себе самое трудное: блокировать часовых. Он хорошо подготовился — собрал сведения о составе караула, расположении постов, времени смены часовых. Точно в назначенный час он ворвался с ручным пулеметом в караульное помещение и меткими очередями расстрелял фашистов. Дальше операция пошла, как была задумана: партизаны ворвались в лагерь. Но Александра Накорчемного, уже выходящего из караулки, достала пуля, посланная раненым гитлеровцем в спину партизану... В этой операции погиб и итальянец Скарпоне.

За подвиг, совершенный при освобождении военнопленных, правительство Италии наградило погибших партизан золотыми медалями «За воинскую доблесть».

«Пан комендант»

Далеко польское село Гибы от Саратова... Но почта исправно доставляет в советский город письма с польским штемпелем и грифом: «Школа имени капитана И. К. Шандурова». Мемориальная доска на школе в Гибах тоже упоминает имя этого человека: «Иван Константинович Шандуров, капитан Советской Армии, был другом местного населения, освобожденного из фашистской неволи. Благодарные жители села».

В июле 1944 года капитан Шандуров и его бойцы заняли Гибы. По законам военного времени, в освобожденных от фашистов городах и селах назначались коменданты. В Гибах им стал капитан Шандуров.

Первым приказом нового коменданта было: «Накормить детей!» Армейская походная кухня останавливалась возле каждого дома, и повар щедро отваливал кашу в котелки, протянутые ребячьими руками.

Через полмесяца, на сходке жителей села, Иван Константинович Шандуров говорил: «Уже четыре года войны, и дети не учатся. Первого сентября они должны пойти в школу». Не было школы в селе, удивленно переглядывались, слушая «пана коменданта», жители, но слова его звучали как приказ. Был облюбован заброшенный дом, с покоробленной крышей и выбитыми окнами, были привезены доски, и сразу же нашлись среди советских солдат маляры, штукатуры, плотники... Из гильз бойцы делали чернильницы, в политотделе армии дали карандаши, мел, тетради и

даже глобус. Первого сентября школа открылась.

А через несколько дней капитан Шандуров получил приказ продолжать наступление. Его провожали всем селом, и, окруженный ребятами, «пан комендант» чувствовал себя совсем как до войны, когда был пионервожатым...

Потом в Гибы пришла весть о том, что капитан Шандуров пал смертью храбрых под городом Сувалки. Все село печалилось — и взрослые, и дети.

Но Шандуров не погиб. Он был тяжело ранен. Лежал в госпитале, вылезая, дошел до Берлина и вернулся в родной Саратов. Погиб он после войны — от ран, нанесенных ею... И так и не узнал, что школа в Гибах носит его имя...

Обо всех

позаботился...

Пришел Поляков Георгий Яковлевич с войны, в свою подмосковную деревню Молоденово, и словно по сердцу его кто резанул: избы почернели, осели, как к земле прижались, сгорбились... Это сейчас у него, Полякова Георгия Яковлевича, самый нарядный дом — веселый, с узорами, да и у других не хуже, а тогда... Тяжко ему было смотреть на родные места. Где друзья, с которыми рыбачил, на гулянки ходил?... На тридцать шесть дворов — двадцать четыре похоронки. Сергей Чунарев погиб. Алеша Салагаев двух детей оставил — не вернулся. Вася Соловьев полег... Петя Афонин...

Решил Георгий Яковлевич друзьям своим закадычным, погибшим, не вернувшимся с фронта, поставить памятник.

Пенсия у Полякова была шестьдесят семь рублей. Стал откладывать, материалы запасать — цемент, арматуру, гранитную плиту. Все делал сам: опалубку, коробки, бетон разливал, столбы крепил, электропроводку проводил. Ему говорили: «Зачем самодельность разводись? Имена твоих односельчан на больших обелисках будут значиться!» А он себе делал и делал, у него — свой долг, своя память.

Все фамилии выбил на камне. Посадила туи, елочки, а друг его, Поляков Дмитрий Сергеевич, звезду сделал — другой такой нет.

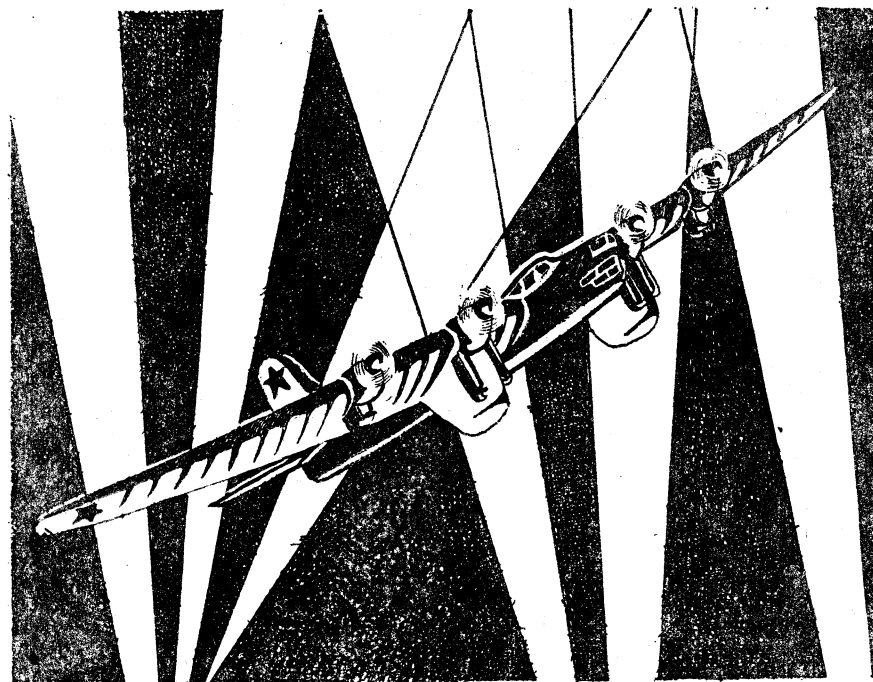
Теперь 9 мая все жители села собираются у памятника. Невелик он, но на совесть и от души сделан, и тем дорог.

● У школьного здания в казахском селе Таргын и в школьном музее литовского села Зарасай установлены бюсты Героя Советского Союза И. Айтыкова, ушедшего на фронт из Таргына и павшего смертью храбрых под Зарасаем. Автор их — скульптор Т. Иманбаев. Из тридцати его произведений многие отражают подвиг советских людей в годы войны.

● Собиратель и хранитель Приморского народного краеведческого музея Алексей Иванович Базаров, сам в прошлом солдат, может рассказать о каждом из ста восьмидесяти восьми бойцов, чьи имена высечены на гранитных плитах мемориального ансамбля в Приморске: о разведчике москвиче Николае Савинове, поэте морском офицере Николае Лебедеве и о многих других. С местными ребятами А. И. Базаров разыскивает солдатские могилы на островах Финского залива, мастерит музейные стенды, переписывается с комиссариатами, архивами, родственниками погибших.

● «Пусть книга будет напоминать вам о бессмертном подвиге подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в Краснодаре...» — этим посвящением сопроводила свою книгу «Слова о сыновьях» З. Т. Главан, мать молодогвардейца Бориса Главана, посылая ее в подарок Печорскому клубу следопытов.

● Комсомольцу-подпольщику Отто Розенцвайгу посвящен музей 1-й нико-польской школы. Призванный на службу к оккупантам как немец, он добывал сведения для подпольщиков и погиб.

...Случилось это зимой 1935 года. Уже на подходе к Свердловскому аэропорту самолет вдруг резко повело в сторону. Николаю Ищенко стоило большого труда удержать машину. Скорость упала.

— Командир, правая лыжа оторвалась, — в голосе бортового механика Домрачева тревога.

Ищенко взглянул через боковое окно. Действительно, правая лыжа висела вертикально, держась лишь на заднем амортизаторе. О посадке не могло быть и речи. А в салоне самолета шесть пассажиров.

«Думай, командир, думай, — мысленно подгонял себя Ищенко, — горючее на исходе...»

— Домрачев, — крикнул он бортмеханику, — вылезай, ставь лыжу.

Бортмеханик надвинул на глаза кожаный шлем, сбросил куртку, обвязался веревкой, требовательно поманил пальцем рослого пассажира.

— Будешь страховать меня, — и подал ему конец троса.

В это время Ищенко до предела сбавил скорость, Домрачев выбил окно, с трудом добрался до стойки крепления лыжи. Минуты казались вечностью. Стрелка

приборов уровня топлива вплотную подходила к красной черте. После нескольких попыток, избив в кровь руки, Домрачеву наконец-то удалось поставить лыжу. Теперь нужно было немедленно идти на посадку. Пробежав по инерции некоторое расстояние, крылатая машина с уже заглушим мотором замерла на месте. Бак самолета был пуст.

За мужество, находчивость и профессиональное мастерство, проявленные при спасении людей и самолета, Ищенко и Домрачев были награждены орденами «Знак Почета».

...Грянула война. Свой первый боевой вылет Ищенко совершил 23 июня 1941 года. Самолеты дальней авиации прошли горящий Минск и три часа углублялись в тыл врага. Бомбили аэродром, станцию и железнодорожные составы. Враг не ожидал такой дерзости от советских летчиков, понес большие потери.

Последний день июня 1941 года был особенно тяжелым для полка, в котором служил Ищенко. Танковые соединения Гудериана прорвались к Бобруйску и начали форсировать Березину. Немцы наводили мосты, наши — разрушали. Для охраны переправ гитлеровцы стянули

ПОД КРЫЛОМ — БЕРЛИН

Владимир САМСОНОВ Рисунок Е. Таршис

к берегу всю зенитную артиллерию. Советские крылатые машины бесстрашно входили в сплошную стену вражеского заградительного огня. Переправы рушились, горели гитлеровские танки, автомашины. Но точность бомбометания стояла недешево, за все платили жизнью.

Однажды при подходе к двойной переправе звено, в составе которого был самолет Ищенко, рассредоточилось. Первым отбомбился Ищенко. Следующая очередь — идущего рядом старшего лейтенанта Вдовина. И тут случилось невероятное: в начинающие открываться бомбовые люки угодил снаряд. На месте самолета образовался огненный шар. Разломило и летевшую рядом машину Ищенко. Взрывной волной огромной силы командир экипажа был выброшен из кабины. Однако он не растерялся, раскрыл парашют. Штурман Квасов тоже успел покинуть падающий самолет.

Летчики приземлились на крутом берегу Березины, к счастью, еще не занятому врагом. Когда Квасов пришел в себя, то услышал слабый стон. Недалеко в траве лежал командир. Превозмогая боль (у него оказались сломанными несколько ребер), штурман подполз к Ищенко. Он вырезал из парашютного шелка несколько бинтов, туго перевязал ими поврежденную ногу командира. Самостоятельно Ищенко двигаться не мог. Квасов лег рядом с ним, перекатил к себе на спину и ползком потащил по пересохшей канаве...

И надо же случиться такому: в это время на передовую ехали военный корреспондент Константин Симонов и несколько командиров. Они видели воздушный бой и поспешили на помощь.

Много лет спустя К. Симонов, отступив несколько от документальной точности, опишет этот эпизод в романе «Живые и мертвые».

Ищенко долго еще будет лечиться. Но в авиацию после выздоровления его не взяли. Списали с летной работы, уволили из армии. Как быть дальше? Пришлось ехать в родной Свердловск. Но жила в нем мечта возвратиться в боевой строй. Написал несколько писем командиру полка, к тому времени уже генералу. И добился своего — вернулся в армию, в свой полк авиации дальнего действия.

...Самолет в воздухе уже пять часов. Далеко справа видно, как наши бомбят Кенигсберг. Это запасная цель для тех, кто по различным причинам не может дойти до Берлина.

— До цели осталось тридцать минут, — доложил штурман.

Ищенко поставил машину в набор высоты. Уже ощущается близость большого города. И вот он — Берлин! От непривычной тишины Ищенко становится не по себе. Почему не стреляют? Впрочем, понятно почему: другие наши самолеты еще не пришли. Он — первый! И его доклад главному тоже будет первым. Город, как паук в паучьей сети. Притаился, замер. Самолет почти над

центром. Зенитки врага молчат. Наверное, принимают за своего. Штурман открыл бомболюки. Под самолетом мелькают округлые тени. Что это? Аэростаты воздушного заграждения. Штурман нажимает кнопку:

— Зал!

И в этот же миг в лицо бьет ослепительный свет. Лес вертикально стоящих прожекторов — и через этот лес нужно идти. И страшно, и сердце трепещет, а нужно.

— Пошли в штыковую атаку, — говорит по внутренней связи командир корабля.

Ищенко пытается уклониться от лучей прожекторов. Внизу рвутся расчетливо сброшенные бомбы. И вот уже вокруг беснуется огонь. Радист нажимает на кнопку. В эфир летят позывные экипажа. «Задание выполнено». Ищенко делает разворот. Жаль, что нельзя уйти от прожекторов пикированием, ведь внизу висят аэростаты. И он идет в штыковую на них — на эти спящие, грозные смерти лучи.

А кругом творилось что-то невообразимое: рвались снаряды, надрывно гудели моторы, что-то трещало, свистело. Ищенко почувствовал острую боль в затылке и на какое-то время потерял сознание. А когда пришел в себя, отчетливо понял: самолет стремительно несется к земле.

«Давно ли? Какая высота? Нужно скорее выводить машину из пикирования. Но и не рви руль, — приказывает он себе. — При резком выводе самолет может разрушиться от перегрузок...»

Руки налились тяжестью. В груди неприятный холодок сомнения: а вдруг не выдержит крылатая машина? Скорее! Скорее! Ведь уже близко земля. Штурвал вот-вот вырвется из рук. Секунда, другая, третья... И вдруг разом заурчали моторы. Взгляд устремился на прибор, высоты: семьсот метров!

Прожекторы, зенитки, многочисленные вспышки рвущихся снарядов уже позади. Впереди большой и трудный путь обратно.

«Разве ждали нас фашисты в Берлине? Нет, не ждали. А мы пришли!» — думает с удовлетворением Ищенко.

Самолет идет вверх хорошо. Высота семь тысяч метров. Приборы не работают, и неизвестно, сколько осталось в баках горючего. Но снижаться нельзя, ведь после такой передыжки моторы могут отказать в любую минуту. Только в высоте сейчас гарантия.

Опытный штурман вывел самолет точно на аэродром. В конце пробега машина заскрежетала колесами, остановилась. Оказалось, что осколок снаряда повредил тормозной диск колеса. Из-под раскромсанных канатов стекала струйка на землю масла. Посадочные щитки светились рваными дырами...

За мужество и отвагу майору Николаю Александровичу Ищенко присвоено звание Героя Советского Союза.

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

Как появился знаменитый челябинский Танкоград?

Да, это произошло в 41-м, но основа закладывалась раньше.

В строй действующих Челябинский тракторный вступил 1 июня 1933 года. В этот день из ворот механосборочного цеха вышли тридцать первых машин, причем тридцатая была сверхплановой.

Через несколько лет тракторо-

строители начали также производство корпусов для снарядов и артиллерийских тягачей, а в декабре 40-го изготовили первый тяжелый танк «КВ».

Осенью 1941 года началась эвакуация в Челябинск танкового производства Ленинградского Кировского завода и цехов Харьковского дизель-моторного. Челябинский тракторный был переименован в Киров-

ский завод Наркомтанкопрома. Так появился Танкоград.

В августе 42-го с заводского конвейера сошли первые «тридцатьчетверки»...

Во многом благодаря уральцам, ленинградцам и харьковчанам уже с середины 42-го наша страна выпускала танков больше, чем все заводы Германии и захваченных гитлеровцами стран.

В тяжкий для Родины час советская академическая наука направила все свои силы на помощь фронту и тылу.

Хотя большинство учреждений Академии были эвакуированы в Казахстан, сам президент ее — В. Л. Комаров и многие другие члены президиума остановились в Свердловске. Город стал своего рода всесоюзным центром науки. Ведущие ученые страны, в том числе первый председатель созданного в 1932 году Уральского филиала Академии (УФАН) А. Е. Ферсман и сменивший его на этом посту в 1938 году И. П. Бардин, вошли в состав Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Практически круглосуточно, используя помощь коллектива УФАНа, они работали над докладной запиской правительству. Она так и называлась — «О неотложных мероприятиях по черной и цветной металлургии, строительным материалам, лесохимии, топливоснабжению, электроэнергетике, водному хозяйству, железнодорожному транспорту и сельскому хозяйству Урала». Огромный труд был завершён уже в ноябре 1941-го.

Большой знаток геологических богатств Урала и других районов страны, А. Е. Ферсман в то же время трудился над запиской «Стратегическое сырьё зарубежных стран» (этот 1000-страничный том он подготовил к концу 1942 года), над ставшей затем широко известной книжкой «Геология и война», другими популярными брошюрами, которые поднимали дух советских людей, укрепляли их веру в победу над гитлеровцами.

«Да здравствует солнце победы, да скроется тьма!» — писал ученый.

Предлагаем вниманию читателей главу из книжки академика А. Е. Ферсмана «Урал — сокровищница Советского Союза», выпущенной в 1942 году Профиздатом (Москва).

«Да здравствует да скроется»

УРАЛ — БАЗА

Академик А. Е. ФЕРСМАН

Неизмеримо выросла роль Урала как базы стратегического сырья в дни борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Снабжение наших армий танками, самолетами, снарядами, военным снаряжением, взрывчатыми веществами является сейчас одной из величайших задач. От решения этой задачи зависит техническая мощь Красной Армии, подавление техники врага, успехи Красной Армии.

В первую империалистическую войну были большие осложнения в снабжении армий. В 1916 году во время боя на Карпатах на каждое орудие батареи оставалось по два снаряда; на счету были даже ружейные патроны. Мобилизационные запасы снарядов, заготовленные Генеральным штабом царской армии, были в двадцать пять раз меньше, чем этого требовали боевые операции.

Металл, взрывчатые вещества, селитра, нефть, толуол, медь, олово, цинк, свинец и прежде всего чугун и сталь — вот что влияло на исход военных операций первой империалистической войны.

Разгром Германии был связан не только с ослаблением воли к войне, физическим и моральным истощением немецких армий. Нет, он был связан и с тем, что армия была парализована острым недостатком бензина и резины. За несколькими сотнями тонн никеля в Америку посылались подводные лодки. Германия снимала медные ручки с дверей, собирала медные тазы и посуду, чтобы как-нибудь пополнить запасы меди.

Уроки войны 1914—1918 годов заставили все государства заняться созданием технически оснащенных армий, возведением генеральных линий укреплений с минированными полями, строительством заводов для выпуска новых орудий борьбы — танков, самолетов, авиационных бомб. Все это требовало огромного количества стратегического сырья. К нему было приковано внимание

всех стран еще задолго до начала военных действий.

Однако полное представление о действительных потребностях армий в стратегическом сырье создалось только во время крупных операций на французском фронте и особенно после гигантского наступления фашистских дивизий на Советский Союз. Только с этого момента стало ясно, какие грандиозные количества самых разнообразных металлов необходимы фронту.

Вот что показывают подсчеты стратегов Англии и Америки. Армии в 300 дивизий нужно в год 30 миллионов тонн железа и стали, 200 миллионов тонн угля, 25 миллионов тонн нефти и нефтяных продуктов, 10 миллионов тонн цемента, 2 миллиона тонн марганцевой руды, 20 тысяч тонн никеля-металла, 10 тысяч тонн вольфрама и т. д. и т. д.

Эти цифры колоссальны: вся немецкая сталелитейная промышленность дает не более 25 миллионов тонн стали в год, а потребность нефти в 25 миллионов тонн в пять раз превышает всю добычу Румынии. Чтобы выплавить 30 миллионов тонн стали, надо добыть, поднять на-гора, выплавить и переработать не менее 70 миллионов тонн железной руды, то есть, по существу, целое крупное месторождение. Для переброски этих 70 миллионов тонн надо не менее 50 тысяч поездов!

Помимо перечисленных видов сырья, война потребовала громадного количества графита и огнеупорных материалов, асбеста, слюды, колчедана для серной кислоты и множества других веществ. Выявилось необычайное разнообразие необходимых для военной техники продуктов. Оказывается, почти вся Менделеевская таблица химических веществ природы с ее 90 известными на земле элементами в той или иной мере входит в область стратегического сырья.

Мы насчитываем сейчас только 14 наиболее редких в природе веществ, которые практически

солнце победы, тьма!»

СТРАТЕГИЧЕСКОГО СЫРЬЯ

не применяются в военной технике. Изучая подробно воздушные бои под Москвой, состав металлов, из которых построены были самолеты, разнообразные металлы, идущие на прожектора, осветительные ракеты, фугасные и зажигательные бомбы, мы подсчитали, что более половины всей Менделеевской таблицы, то есть 46 элементов, участвовало в этих воздушных боях.

Ряд веществ потребовался в количествах, во много раз превышающих потребности всех стран в мирное время. Например, йод, который обычно шел только на медицинские цели, нашел широкое применение в военной технике, в частности, для особых стекол — поляроидов; потребовалось удвоение производства йода.

Проблемой стратегического сырья занимаются генеральные штабы всех воюющих стран. В Москве, как известно, в начале сентября 1941 года состоялось специальное совещание с участием представителей Англии и США, которое главным образом обсуждало вопросы распределения сырья.

Одновременно совещание обсудило меры борьбы со снабжением фашистской Германии сырьем и дефицитными материалами. Блокада ослабляет военную промышленность Германии, лишает ее сырья и металлов. В то же время растет добыча стратегического сырья для вооружения четырех величайших в мире стран — Советского Союза, Англии с ее доминионами, США и Китая, объединившихся для общей борьбы с фашизмом.

Список веществ, на которые война предъявила спрос, оказался огромным. В нем на первое место нужно поставить железо, марганец, никель, хром,

молибден, вольфрам, ванадий, кобальт, ниобий, тантал. Все это необходимо для создания броневой стали.

Огромное значение приобрели алюминий и еще более легкий металл — магний, сурьма, ртуть, висмут, свинец, медь, олово и цинк.

Впервые потребовались очень большие количества редких и сверхредких металлов, которые до сих пор добывались во всем мире килограммами или тоннами. Эти мало кому известные металлы нужны для многих тончайших и важнейших установок военной техники. Сюда относятся: цезий — для фотоэлементов, редкие земли — для прожекторных углей, индий — для зеркал прожекторов, мезоторий и радий — для светящихся составов, селен — для фотоэлементов, теллур — для моторов, цирконий — для запалов, стронций для сигнальных ракет и трассирующих пуль, барий — для осветительных люстр, спускаемых на парашютах, титан, олово и фосфор — для дымовых завес.

В огромных количествах потребовался ряд неметаллических ископаемых: длинноволокнистый асбест — для автомобильных лент, графит — для металлургии, слюда — для электроприборов, радио кварц — для радиоустановок, соли фосфора — для дымовых завес и, наконец, соединения азота во всей сложности их состава — для взрывчатых веществ.

Понадобились громадные количества энергетического сырья. Нефть с разнообразными продуктами ее переработки — бензинами и смазочными маслами, уголь как основа всей промышленности толуола и бензола, сланцы, спирт, карбид кальция,

цемент и вяжущие материалы и, наконец, каучук. Каучук, решивший поражение Германии в 1918 году, каучук, о котором так хорошо писал С. М. Киров: «Если грянет война, то дело будут решать не только люди и штык, пулеметы и пушки, но и каучук».

Чтобы дать все эти вещества фронту, воюющие государства должны были перестроить свою промышленность. В капиталистических странах надо было заставить отдельные группы капиталистов, концерны и акционерные компании поставить производство на новый лад. Гораздо легче, скорее перестраивалась промышленность Советского Союза, основанная на принципах социалистического хозяйства.

Поистине замечательны темпы увеличения добычи стратегического сырья, расширения военного производства в нашей стране! Добыча алюминия, молибденовых концентратов, нужных для сталей, серы, вольфрама, никеля и других металлов возросла во много раз. Но к этим блестящим результатам наша страна пришла не сразу, а после долгой борьбы против косных традиций в горном деле, доставшихся нам в наследство от царской России.

В первую империалистическую войну царское правительство, не заботившееся о развитии производительных сил страны, поставило свою армию в исключительно тяжелое положение. В то время самые элементарные виды стратегического сырья не только не добывались в нашей стране, но даже было неизвестно, располагаем ли мы ими или нет. В царской России не было промышленности алюминия, никеля, сурьмы, молибдена, висмута, вольфрама. В царской России мало интересовались столь нужными солями, как фтор, бром или йод. Из-за границы выписывались соединения фосфора и мышьяка, русские поля удобрялись привезенным из Алжира или Америки фосфоритом. За исключением 14 химических элементов, все остальные импортировались. Мы не знали тогда ни собственной страны, ни ее недр. И даже Урал, старый горный центр Союза, был известен лишь как Урал железа, платины, золота и меди.

В 1916 году академик В. И. Вернадский в своей речи об успешном использовании химических элементов в связи с войной указал также, что не были найдены промышленные запасы трех основных металлов войны — калия, кобальта и никеля. С замечательной интуицией геохимика В. И. Вернадский, однако, подчеркнул, что вряд ли эти металлы действительно отсутствуют. «Мы еще, — утверждал он, — недостаточно знаем недр нашей страны». Через несколько лет академик Н. С. Курнаков и инженер П. И. Преображенский открыли грандиозное месторождение калиевых солей вдоль западных склонов Урала. Советский Союз вышел

на первое место в мире по залежам этого камня плодородия. Открытие месторождений никеля в полярных областях Сибири, на Кольском полуострове и на Урале поставило Советский Союз на одно из ведущих мест в мире по этому важному металлу войны.

Исключительно широкие возможности наметились в снабжении страны третьим металлом — кобальтом. Его замечательные месторождения были обнаружены в Средней Азии, Казахстане и на Урале. Так постепенно стала раскрываться картина наших запасов полезных ископаемых. Все резче и определеннее обрисовывалась роль Урала как крупнейшего центра, сокровищницы стратегического сырья. Международный геологический конгресс, состоявшийся в Москве в 1937 году, наглядно показал, какие большие сдвиги произошли в русской геологической науке за последние двадцать лет и как велики накопленные научные материалы. Месторождения стратегического сырья в СССР стали исчисляться десятками тысяч точек. Крупнейшие научные открытия позволили по-новому осветить запасы этого сырья, а многочисленные исследования — выяснить его качественную сторону и подготовить сырье к эксплуатации. Участники Международного геологического конгресса при посещении Урала восхищались богатствами его недр.

Мы смело можем сказать, что резервы нашего стратегического сырья неисчислимы, возможности наши грандиозны. Война не остановила исследовательских и поисковых работ. Наоборот, она заставила значительно усилить их и сделать более напряженными, так как каждое новое открытие месторождения руды или минералов является новым фактором победы.

Да, богатейшие недра нашей страны поднимаются геологами и горняками против врага! В результате исследований последних лет колоссальные количества угля, нефти, металла извлекаются на земную поверхность и превращаются в ценные металлы войны, в авиационный бензин, в алюминиевые крылья самолетов.

Сейчас перед Уралом поставлена задача: удвоить и утроить выдачу руды, выплавку металла, давать фронту все больше совершенных танков, самолетов, орудий, взрывчатых веществ и прочего военного снаряжения.

Эту задачу Урал выполнит с честью. Порука этому — твердая воля советских людей, самоотверженно, не покладая рук, работающих над реализацией сокровищ стратегического сырья Урала.

Переправа танков через реку Варга в Польше. Январь 1945 г.

Начальник политотдела 44-й гвардейской танковой бригады В. Т. Помазнев водружает красный флаг в предместье Берлина. Апрель 1945 г.

Аркадий Георгиевич Ходов — один из старейших уральских фоторепортеров. Первые его снимки появились в газете «Челябинский рабочий» в 1939 году. В том же году молодой репортер ушел на службу в Красную Армию.

От Москвы до Берлина прошел А. Ходов. И всю войну он не расставался с фотоаппаратом. Немало метких выстрелов из «ФЭДа» было им сделано сразу после пушечного выстрела, прямо на ходу танка, высунувшись

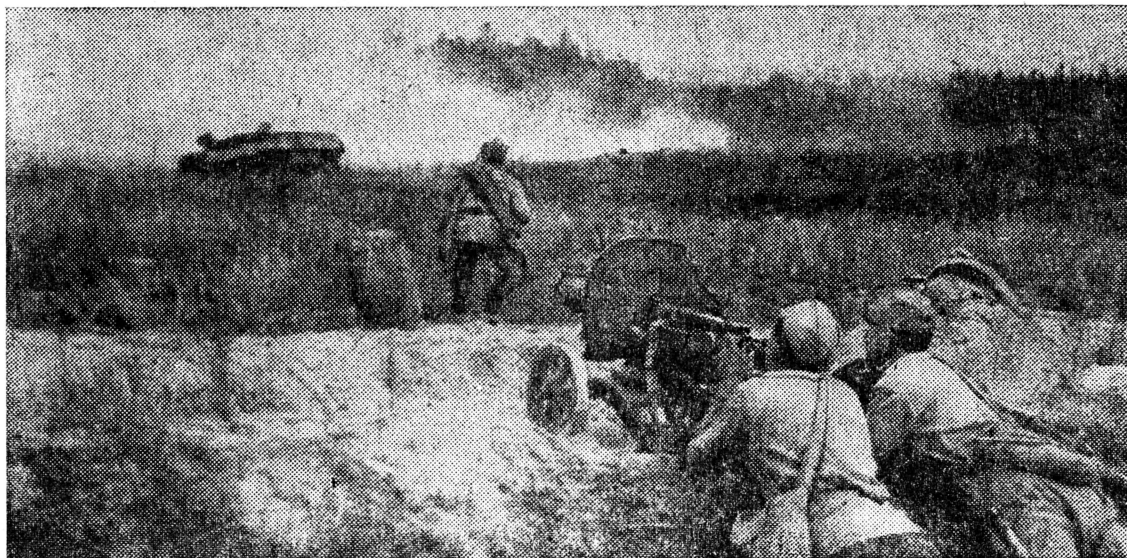
из люка во время боя. Он был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В пятитомной фотолетописи Великой Отечественной войны можно встретить четыре десятка работ челябинского репортера.

После войны А. Г. Ходов вернулся в «Челябку», на страницах которой вот уже сорок мирных лет появляются его снимки.

В ТАНКЕ С ФОТОАППАРАТОМ

Сергей БЕЛКОВСКИЙ Фото А. Ходова

Шел июнь 1945 года. Через город Ашу с запада на восток шли день и ночь воинские эшелоны. В эшелонах ехали фронтовики, от орденов и медалей рябило в глазах. В свободное время мы, пятнадцатилетние подростки, часто бегали на станцию поглазеть на военную технику. Однажды остановился воинский состав. В одном из вагонов, замаскированном зелеными ветками, ехали разведчики. Меня окликнул бравый сержант с двумя орденами Славы и медалями на груди. Он попросил принести воды из колонки. Пробираясь через тамбуры, а где и под вагонами, я добирался до колонки с водой. Сержант, сказав «спасибо», надел на мою голову пилотку:

— Носи, братишечка, на здоровье! Владелец был замечательный человек, погиб в последние дни перед Победой.

Раздался свисток паровоза, и состав тронулся дальше на восток. Я долго махал им вслед драгоценной пилоткой.

С тех пор я не расставался с дорогим подарком. Носил я ее и зимой и летом, в холод и жару, в городе и в лесу. Когда ее распустишь, она за-

крывала почти всю голову, как зимняя шапка-ушанка.

Прошло много лет. Пилотку я передал сыну, и он с удовольствием носил ее. Была она по-прежнему крепкая, теплая, вот только звездочку сын где-то потерял. Как-то в июне 1967 года мы ходили на Снеговые горы за кисляткой. И как обычно, на голове у сына была пилотка. Было ему в то время десять лет. Когда возвращались обратно, забежавший вперед сын вдруг окликнул меня. В том месте, где была звездочка, он нащупал что-то твердое.

Достав нож, мы распоролы шов. Извлекли серебряное кольцо с камешками оранжевого цвета. Кольцо было отечественного производства, потому что на нем стоял штамп номера пробы и звездочка с серпом и молотом.

Видимо, хозяин пилотки возил кольцо матери, жены или своей девушки как память. Кольцо было так искусно спрятано, что многие годы мы и не подозревали о его существовании.

Сейчас пилотка стала совсем старенькая, но я надеюсь, что она придется впору и по душе моему подрастающему внуку.

ПИЛОТКА

Геннадий БАРМАСОВ,
аппаратчик листопрокатного цеха
Ашинского металлургического завода

Больничный сад был совершенно заброшенный и, по нашим мальчишеским понятиям, невероятно большой. Одиравший малинник, кусты волчьих ягод и бузины создавали такой хаос в его некогда строгой планировке, что лучшего места для игры в казаки-разбойники и придумать невозможно. Редкими свечками торчали из кустарниковых зарослей стволы молодых осинки и берез — превосходные наблюдательные пункты. Бывало, заберешься повыше и давай раскачиваться. Деревцо податливое, пружинящее, рассекая листьями воздух, ходит взад-вперед, а то по кругу, и выражишь ты над землей — дух захватывает от удовольствия!

Как мы ни скрывали от старших ребят свою игровую зону, выследил-таки нас Фимка Ерохин. И, конечно, пристал:

— Вы там наверху сражайтесь, а я вас снизу из зепитки буду глушить.

И давай пулять в нас комьями земли. Какая уж тут игра! Слезли мы вниз, отряхиваемся. А Фимка выбрал осину повыше, залез и ну раскачивать деревце со всей своей дурацкой удалью. Не выдержала верхинка Фимкиного веса, обломилась и вместе с ним рухнула наземь.

— Ах, мерзавцы! — услышали мы голос вынырнувшего из зарослей бузины человека.

Это был главврач больницы Сергей Сергеевич

Шарин, известный всему городу хирург. Он схватил за шиворот поднявшегося с земли Фимку и, убедившись, что тот цел и невредим, принялся стыдить парня:

— Это ли не балбес! Как еще голову не свернул... Посмотри на себя — жених! Какой ты пример младшим подаешь?.. Вот как штрафану твоего отца за сломанное дерево...

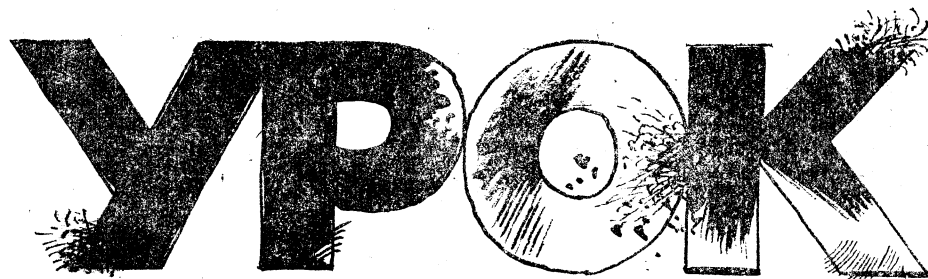
— А у меня нет отца, — с гордостью заявил Ероха.

— Оно и видно, — буркнул главврач и командовал нам: — Моментально вон из сада и чтобы больше сюда ни ногой!

Два дня мы крестились. На третий пошли в разведку. В саду возле ограды сидел на кочке здоровенный рыжий дядька, одетый в выцветшую армейскую гимнастерку с малиновыми петлицами. Увидев нас, он встал, тщательно заплывал недокурную козью ножку, вытащил из висевшей на ремне кобуры настоящий наган и пообещал:

— Будете лазить через забор, кому-то просоло зад.

По серьезному выражению лица говорившего мы поняли: дядька не шутит. Как ни жалко было нам расставаться с полюбившейся игрой, пришлось временно оставить больничный сад в покое. Недели две обходили мы его стороной.

— Ха, испугались нагана незаряженного! — подтрунивал Фимка.

— А сам-то!

— Да хоть сейчас в сад пойду.

— Через забор?

— И через забор не струхну. Об чем спорим?

Спорить с Фимкой никто, разумеется, не стал, и он полез в сад «за так». И на ближайшую к забору березу забрался. И кулаком в сторону больницы погрозил. А мы стояли гурьбой по другую сторону забора и с тайной надеждой ждали, что сейчас из кустов грохочет выстрел. Очень нам этого хотелось, потому что Фимка был самым изощренным нашим обидчиком. Силой он превосходил всех нас, вместе взятых, и пользовался этим преимуществом на каждом шагу безо всякого повода и смысла.

Между тем Фимка слез с дерева, картинно растянулся на траве, выражая этим полнейшую безмятежность и презрение к возможной опасности. Мы выжидали еще несколько минут, перемахнули ограду и осторожно подошли к Фимке. Вдруг он вскочил с земли, схватил меня и Адика за шиворот и заорал благим матом:

— Дядька, дядька, иди сюда: фулюганов поймал!

Остальные в панике бросились к забору. Довольный произведенным эффектом, Фимка расхохотался:

— Испугались? Лопушня! Неужто не соображаете, что Шарин на два дня зазвал того мужика с наганом, чтобы вас поугугать.

Похоже, он был прав. Во всяком случае на наши последующие визиты в больничный сад ни Шарин, ни кто другой больше не обращали внимания.

Мы становились все бойчее, вновь возобновили воздушные бои.

И вот однажды, в разгар игры, со стороны боковой аллеи прогремел выстрел. Словно переспевшие сливы, послетали мы с деревьев и, обгоняя

друг друга, ринулись к забору. Хоть и имел он двухметровую высоту, перелезть его не составляло никакого труда, ибо был он не сплошной, а сколоченный из толстых реек в виде решетки. Главное — перебросить ногу через гребень наверху, а там прыгай вниз, в густую траву. Прием этот был отработан нами до автоматизма.

Мы с Адиком перелезли забор последними. Уж не знаю, как меня угораздило зацепиться распахнутой курткой за острый выступ опорного столба и после прыжка повиснуть по другую сторону ограды в метре от земли. Мой отчаянный крик остановил Адика. Он обернулся и увидел, как я, словно приподнятый за загривок щенок, дергаю ногами, стараясь найти опору.

Снять меня со столба раньше чем подоспеет сторож ему, конечно, не удастся — это он прекрасно понимал, но и убежать, оставив товарища в подвешенном состоянии, было выше его сил. Адик вернулся к забору и молча подставил свои плечи под мои ноги.

Тут нас обоих и прихватил этот самый рыжий дядька. Одной рукой он ловко сдернул меня со столба, поставил рядом с Адиком и спросил совсем не грозно, а вроде как советуясь:

— Ну что, хлопцы, делать будем? В милицию или до хаты к батькам?

Мы молчали.

— А ты почему не утек вместе со всеми? — обратился Рыжий к Адикю. — Нагана не испугался?

Не поднимая глаз, тот ответил, кивнув в мою сторону:

— А он-то как же?

Сторож медленно перевел взгляд на меня, долго и пристально смотрел, вроде как прикидывал, стоило ли парню из-за такого растяпы, как я, подвергать себя неприятностям. Потом сказал:

— Чуешь? Из-за тебя страдает детина. Не можешь через забор лазить, значит — сиди дома, книжка читай.

— Он может, — вступился за меня Адик. — Он со второго этажа прыгал.

— Смотри-ка,— усмехнулся Рыжий.— Это за чем же?

— Просто так.

— Значит, дурак, если просто так. Без дела кому это ухарство нужно? А вот когда действительно потребовалось сноровку проявить, ты и повис на колу. Потому как дюже испугался. Верно? А испугался — значит, пропал. Это уж такая пропорция в жизни.

Сторож долго качал головой, потом неожиданно спросил у Адика:

— Мороженое, небось, уважаешь?

— Чего? — не понял Адик.

— Мороженое, говорю, любишь? На двугривенный, купи и съешь. А ему не давай,— сторож ткнул меня в затылок пальцем.— Не заслужил... И хлопцам, что утекли, скажи: погано они поступили. Что живые деревья ломать, что товарища в беде бросать — последнее дело. Смотри сюда.

Сторож засучил рукав гимнастерки и показал нам изувеченное предплечье.

— На Хасане заработал,— объяснил он.— Я пулеметчик был, первый номер. А вторым у меня — Костя Шелухин, летного набора боец. Вот такой шкет, росточком маленько поболее вас... Снаряд возле нашего гнезда разорвался — меня осколком обезручило. А он, сукин сын, выскочил из траншеи и драпать. Спасибо, вернулся с полдо-роги — очухался. Занял мое место у пулемета и давай их косить, самураев-то. Один отбил атаку

целого батальона. Медаль получил... Вот и выходит: каждому странно бывает. Пересилишь страх — герой, не пересилишь, поддашься панике — амба. И сам погибнешь, и других за собой потянешь туда. Во!

Он ловко свернул сигарку. После некоторого раздумья заговорил снова, но уже каким-то извиняющимся тоном:

— Я, конечно, делом, в тот раз пошутил насчет соли... А поугаать вас, неслухов, следовало. Вот нынче и пальнул в воздух...

Порывшись в карманах своих несобятных галифе, он протянул мне монету:

— Купи и ты мороженку, раз со второго этажа прыгал.

Об этом эпизоде из далекого детства вспомнилось вот почему. Недавно, просматривая в библиотеке подшивки газет военных лет, я наткнулся на маленькую тассовскую заметку «Подвиг бойца». В ней рассказывалось о младшем сержанте Будине. Посланный с напарником в разведку, он вернулся с пленным немцем и притащил на себе раненого товарища. Я сразу подумал: это об Адике. И фамилия, и характер — его! Но посмотрел на дату выхода газеты — 19 февраля 1945 года — и понял, что ошибся: Адик Будин погиб в начале сорок четвертого.

...А может, с похоронкой что-то напутали? Бывали же такие случаи.

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

С ХИММАША — ПЕШКОМ

Чтобы добраться до центра из соцгородка Химмаш, который получил свое название от Уральского завода химического машиностроения, свердловчанин чаще всего садится на троллейбус. Это — сейчас. А тогда...

По распоряжению Государственного Комитета Обороны киевский завод «Большевик» был эвакуирован на Урал. На месте завода стояло единственное здание — гараж. Не было электроэнергии, тепла, воды, канализации. Телефон отсутствовал. Чтобы решить тот или иной вопрос, директор завода В. П. Курганов спешил в обком партии... пешком. Единственную в распоряжении завода грузовую автомашину разрывали на части, она подвозила оборудование. Путь неблизкий — туда и обратно более двадцати километров.

Заводу дали срочный заказ — производство минометов. Часть обо-

рудования действовала среди сугробов на открытой всем ветрам поляне, лампочки были подвешены прямо к соснам. В конце февраля 1942 года первую партию минометов отправили на фронт.

Транспорт по-прежнему был ахиллесовой пятой. Директор завода поехал в Госплан СССР «выколотить» трамвайную линию. Увы, там не смогли выделить ни рельсов, ни шпал. В разговоре один из сотрудников Госплана неожиданно спросил:

— А почему обязательно трамвай? Почему не троллейбус?

Троллейбусы в довоенную пору были большой редкостью и потому о нем просто как-то и не думали. Свердловский горисполком горячо принял идею. Методом народной стройки копали ямы, устанавливали опоры. Так военной осенью 1943 года появилась первая на Урале троллейбусная линия.

С. ФЕДОРОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛ ПРОТИВНИК

«Нам кажется чудом, что из несобятных советских степей встанут все новые массы людей и техники, как будто какой-то волшебник лепит из уральской глины в любом количестве большевистских людей и технику».

Газета «Дас шварце кор».

«Перед нами опять появились уральские черти. Мы слишком хорошо знаем их по прежним боям, они сумасшедшие и упорные и сражаются даже тогда, когда тяжело ранены».

Из письма домой немецкого пехотинца Гельмута Берга.

Генерал Вестфаль: «Очень неприятным сюрпризом было появление... танка Т-34, против которого немецкие орудия оказались бессильными».

А. Н. Яр-Кравченко в Свердловске.
1942 г.

Народный художник РСФСР Анатолий Никифорович Яр-Кравченко...

Над образами советских писателей он начал работать еще в 30-х годах, учась в Академии художеств. Константин Федин назвал его «снайпером сходства». Осенью 1935 года Яр-Кравченко едет в Сочи к Николаю Островскому и создает портрет, который так и остался единственным портретом писателя, сделанным с натуры. Интересно, что в партийном билете Н. Островского вместо фотографии была наклеена репродукция с этого портрета.

...В день тридцатилетия художника началась Великая Отечественная война. Его назначают командиром маскировочного взвода и направляют на один из аэродромов на Карельском перешейке. Занимаясь маскировкой аэродромов, самолетов, командных пунктов, А. Н. Яр-Кравченко не расста-

ется и с альбомом. Летчики, мотористы, оружейники, техники, их быт стали новой темой. Рисунки печатались в корпусной газете «Атака». Сам художник так рассказывает о том времени:

— Как-то в землянке ночных истребителей, когда летчики находились во второй готовности, то есть одетые и готовые сейчас же сесть в самолет, я делал рисунок. Когда были рассказаны все биографии и все интересные случаи из жизни, меня попросили показать рисунки. Посмотрев их, кто-то из летчиков сказал: «Хорошо бы их напечатать в альбоме или книжке, можно было бы послать на Большую землю родным и знакомым». Будучи в редакции газеты «Атака», я поделился этой мыслью с ее редактором. Он тоже загорелся, и мы решили на свой страх и риск издать первый альбом.

В здании одной из ленинградских школ, в Басковом переулке, в раздевалке первого этажа размещалась типография газеты. На бетонном полу

ДОКУМЕНТЫ ВОЙНЫ

Кирилл НИКОЛОГОВ

стояли печатная машина и наборная касса. У стенки — круглая печь-голландка. Немного поодаль — несколько железных кроватей. Тут создавалась, набиралась и печаталась «Атака». Помещение типографии было промерзшее. Иногда удавалось «протопить» печь обрезками бумаги и газет. Наборщики, верстальщики, печатники грелись, приклоняясь спинами к чуть-чуть потеплевшей печке.

Никогда не забуду, с какой любовью, с каким энтузиазмом делалась газета. А издание альбома было воистину подвигом. Ожоченевшие, негнущиеся пальцы прилипали к металлу, но лист не цускался в машину, пока из клише не было выжато все возможное. «Американку» вертели вручную печатники, наборщики, красноармейцы, сотрудники редакции и я сам. Обессиленные от голода, сделав несколько оборотов, мы падали подле станка. Альбом имел тираж 200 экземпляров, в нем было сорок рисунков. В дни, когда он издавался, я круглосуточно находился в типографии. Ночью, устав до предела, ложился в ледяную «постель» — на излежанный стружечный матрац и такую же подушку. Укрывался отслужившим все сроки солдатским одеялом, набрасывал шинель, а поверх всего пеленался плащ-палаткой, оставив только отверстие для носа и рта. Проснувшись, ощущал непривычную тяжесть у лица — вокруг отверстия, оставленного для дыхания, за ночь появлялся ледяной нарост.

Фронтовой альбом «Летчики-истребители в боях за Ленинград» имел большой успех, им стали награждать отличившихся в боях летчиков, а те, в свою очередь, посылали его в подарок родным и знакомым. Командование предложило мне продолжить работу над альбомами, но уже конкретизировало задачу — публиковать портреты только тех летчиков, которые имели на своем счету не менее трех сбитых фашистских самолетов.

Когда было издано еще три аналогичных альбома, командование авиацией Ленинградского фронта решило издать альбом «Герои воздушных боев за Ленинград». Этот альбом по замыслу был усложнен. Предполагалось, что он будет в папке, в которую войдут тетрадка со вступительной статьей и пятнадцать буклетов. В каждом из них помещался портрет героя-летчика, краткое описание его подвига, стихи Александра Прокофьева и Виссариона Саянова, посвященные герою, и на обороте — факсимиле грамоты Президиума Верховного Совета СССР о присвоении летчику звания Героя Советского Союза. Издать такой альбом в Ленинграде, в самую тяжелую первую блокадную зиму, было невозможно. Командование решило выпускать его в Свердловске, и в конце марта 1942 года художник Виктор Морозов, военный

журналист Леонид Перепелов и я были командированы на Урал.

Так невероятное было после нескольких часов полета очутиться вне блокады!.. Главный редактор газеты «Уральский рабочий» Лев Степанович Шаумян организовал встречу с нами. По всему Свердловску на больших щитах висели объявления: «Ленинград сегодня. Встреча с фронтowymi художниками и журналистами, приехавшими из осажденного Ленинграда».

Большой зал редакции был переполнен. Стояли даже на подоконниках. Мы рассказывали о жизни в осажденном городе. Наши простые рассказы поражали. Трудно было живущим в таком глубоком тылу поверить в то, что происходило в осажденном Ленинграде, трудно было предстать, как жили и стойко держались люди в голоде, холоде, без света, без воды, под почти непрерывными бомбежками и артиллерийскими обстрелами.

После этой встречи мне предложили устроить выставку моих работ, которая и открылась 30 мая в голубом зале окружного Дома Красной Армии.

Там же, в Свердловске, к 30-летию газеты «Правда» работники печати решили построить танковую колонну «Работник печати». Этот призыв нашел у всех горячий отклик. И мы, ленинградцы, внесли свою лепту: в Свердловске была издана книга стихов А. Прокофьева и В. Саянова «Гвардия высот» с моими рисунками и оформлением Виктора Морозова, а также открытка с моим рисунком, изображающим подвиг Героев Советского Союза Н. Черных, С. Косинова и Н. Губина. Средства от продажи книги и открытки поступили в фонд постройки танковой колонны...

Всего за время войны А. Н. Яр-Кравченко создал свыше 500 рисунков, которые вошли в восемь фронтowych альбомов! Созданные в тяжелейших условиях войны и блокады, рисунки запечатлели для грядущих поколений подвиг защитников ленинградского неба. Эти рисунки — подлинные документы войны.

*На 1-й стр. вкладки
фоторепродукции
рисунков А. Н. Кравченко*

БЛОКАДА ПРОРВАНА. [Встреча Ленинградского и Волховского фронтов.] 1943 г.

ПИСАТЕЛЬ-ПАРТИЗАН ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА П. П. ВЕРШИГОРА

ПОРТРЕТ ГЕОРГИЯ ИВАНЧЕНКО

ПОРТРЕТ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВАСИЛИЯ МАЦИЕВИЧА

...и...
 СТАРОГО ВОЗРАСТА...
 ЗА ТО ЧТО КИМ НЕ СЛУЖИЛ...
 СИНА ПАРТИЗНА...
 НОЧЬЮ СЫНОВЬЯ ПРИШЛИ И РАСТУПАЛИ...
 ТЕЛ...
 ...

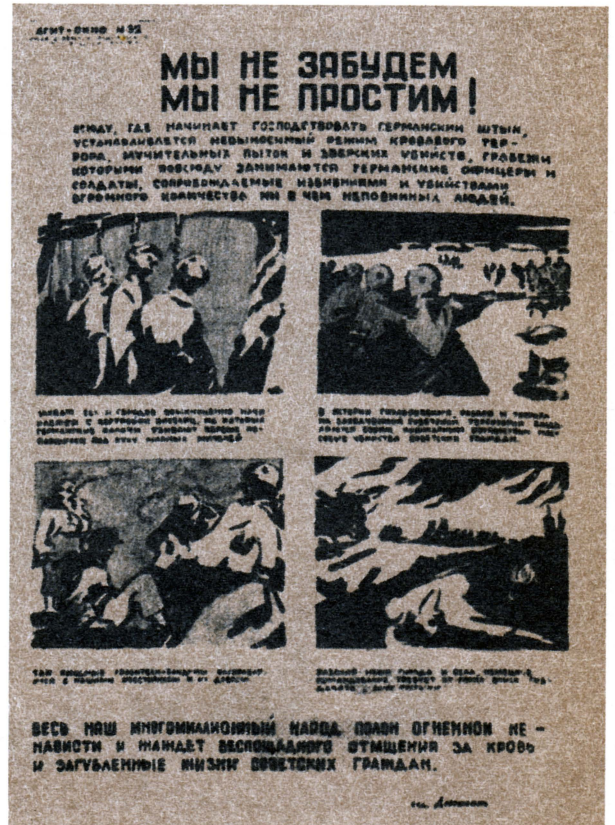

художник М. М. ЧЕРЕМНЫХ

художник В. Ф. МОРОЗ

художник Ф. И. ДОРОШЕВИЧ

ТЕХ ЛЕТ БОЕВЫЕ ПЛАКАТЫ...

В. ПРОСКУРИН

Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны в людных местах Перми появились плакаты, названные «агитационными окнами». Сначала пермские художники, а потом и приехавшие из Москвы Б. В. Иогансон, В. Г. Одинцов, В. М. Орешников, М. М. Черемных и другие объединились для совместной работы. Их мастерская помещалась в здании художественной галереи, где сейчас бережно хранятся и изучаются эти реликвии военного времени.

Особенно пригодился опыт художника М. М. Черемных, который

еще в годы гражданской войны вместе с В. В. Маяковским выпускал «Окна РОСТА». Художественными руководителями мастерской были известные советские живописцы В. Г. Одинцов и народный художник СССР Б. В. Иогансон.

Сперва делали десять плакатов в месяц, которые размножались с помощью трафарета тиражом около двухсот экземпляров. Затем, благодаря стараниям художницы Е. В. Камшиловой, стали печатать их на старой литографской машине.

Работали споро, попевая за событиями войны, чувствуя пульс

ХУДОЖНИК К. В. ЗОТОВ

Фоторепродукция В. Бабушкина

ХУДОЖНИК Б. В. ИОГАНСОН

фронта. К примеру, вечером сообщило Совинформбюро об освобождении советскими войсками Ростова-на-Дону, а к утру художник В. Ф. Мороз по своему почину уже сделал плакат «На Южном фронте». Быстро откликнулся на заявление правительства о злодеяниях фашистов на нашей земле и художник Ф. И. Дорошевич («Мы не забудем, мы не простим!»).

Плакаты доходили до сердца, вызывали ненависть к врагу. Плакат М. М. Черемных «Где твои сыновья! Вот!». По приказу фашистского офицера расстреляли старого колхозни-

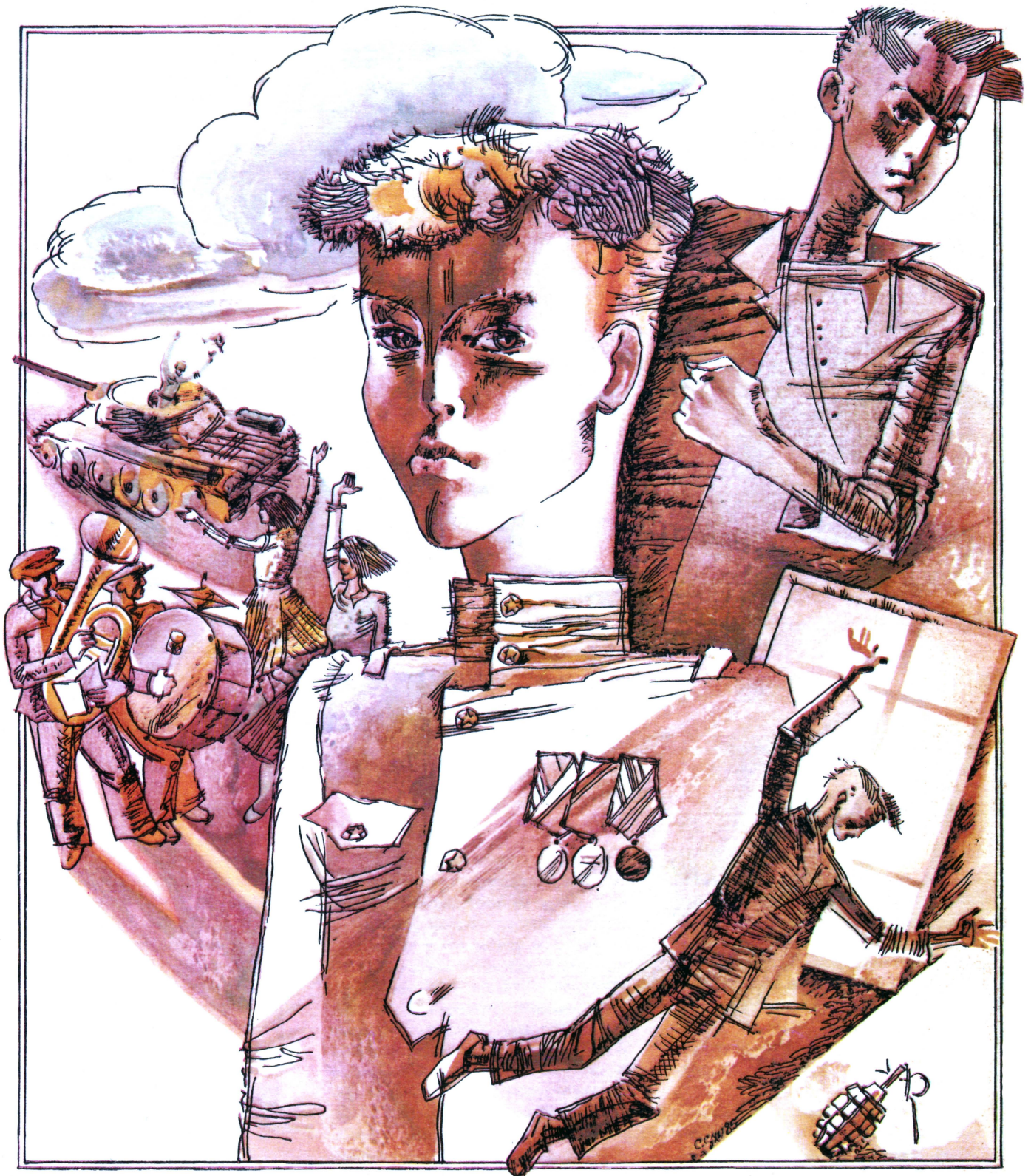
ка Ивана Воронина, не выдавшего трех своих сыновей-партизан. Справедливая месть настигла убийцу.

Плакаты призывали к самоотверженному труду ради победы: шахтеров — дать больше угля, металлургов — металла, колхозников — хлеба. Тыл — тот же фронт! Художник К. В. Зотов сделал плакат о соревновании бойцов Северо-Западного фронта и трудящихся области: «Снайперы фронта и тыла». За год войны снайпер Семен Номоконов уничтожил 214 фашистов, а шахтер Матвей Кокшаров добыл угля впятеро больше нормы.

Все для победы! Учись бить врага (плакат В. Ф. Мороза «В рядах всеобуча готовь себе победу — смерть врагу!»), помоги стране и армии деньгами (плакат Б. В. Иогансона о военном займе), замени у станка ушедших на фронт отца и брата (плакат И. И. Россик «Юный патриот»).

Торопили художники победу. Агиточно о взятии Берлина они начали делать еще за несколько месяцев до сводки Совинформбюро.

В годы войны пермская агитационная мастерская выпустила более двухсот тысяч плакатов.

— Если б не батин приказ...
— Ты, Вашька, не дури. Тя, может, в генералы метят, — сквозь стук расшатанного на военных дорогах мотора прокричал ефрейтор Тищенко.

— Ладно, — Иван тоскливо вздохнул, напружинился и выпрыгнул из низкого, открытого «виллиса».

«Подкузьмили батя, — думал он, оставшись один. — Что, я плохо служил? Всю войну без образования управлялся. — Иван одернул гимнастерку, и четыре блестящих медали отозвались сочувственным звоном. — Если б не приказ, пищ бы я стал среди мелюзги путаться».

Он посмотрел на хромовые драенные сапоги с прилипшими капельками дождя, сдвинул набок шилотку, чтоб лучше виден был короткий соломенный чубчик, прижал рукой полевую, из глянцевого свиной кожи сумку, чтоб не вихляла на бедре, вела себя по-военному строго, снова вздохнул и посмотрел на часы — трофейные, подаренные разведчиками еще в прошлом году.

В деревянном здании школы стойко нахло медицина. При немцах здесь был аптечный склад, побитый вдребезги при стремительном наступлении наших войск.

Иван почти не поднимал глаз. Разношерстная детская публика окружала его, но он видел лишь ноги, преимущественно в старых или вовсе драенных башмаках, тусклых галошах или сандалиях, из которых торчали голые синие пальцы.

3«б» нашелся на втором этаже. Школьный

ОБ АВТОРЕ.

Вячеслав Михайлович Иванов родился в 1937 году в г. Олонец Карельской АССР. После окончания школы служил в армии, работал оптиком-механиком, фотографом, активно сотрудничал в прессе.

С 1967 года живет в Свердловске, работает фотографом-художником на Свердловской киностудии.

Литературным творчеством занялся в 1982 году. Первый рассказ «Принцесса и Раб» опубликован в «Уральском следопыте» № 11, 1984 г.

ВОЙНА И МЯ

В ТРЕТЬЕМ "Б"

Вячеслав ИВАНОВ Рисунки С. Сухова

народ сидел тихо, как малознакомый еще, робко, исподтишка изучал друг друга.

— Ух, ты! — сказал кто-то.

Иван стрельнул взглядом.

— Иди сюда, солдат, — спокойно, даже обидно обыденно позвали его.

Класс, дружно открыв рты, распахнутыми от восхищения глазами проводил Ивана до места.

— Виктор, — протянул ему руку худой, высокий юноша с отчетливой дугой ранних усов, стриженный, как, впрочем, все в классе, даже большинство девочек.

Захлебываясь, побежал колокольчик вниз по лестнице, быстро угас в нижнем коридоре, смешавшись с шорохом дождя по стеклам, примчался вновь, звеня радостно и волнуяюще, и разом смолк, словно прикусил язык.

Учительница вошла, обнимая большой горшок с цветущей геранью. Острый кислый запах покрыл вонючий дух лизола и хлороформа.

— Меня звать Анна Степановна, — сказала она, тихо, внимательно глядя ваясь в класс. Девятилетки занимали чуть больше половины мест. За ними амфитеатром поднимались головы поразному не учившихся в войну переростков. Детдомовские, все в одинаковых кофтах, сидели целым рядом.

«Как же мне обратиться к ним? — подумала она. — Даже у маленьких лежит на лицах взрослая печать пережитого... Надо отрешить их от жестокой войны, надо найти много красивых волнующих слов, зажечь в душах искорки добра и света...»

Анна Степановна подошла к доске и, зажимая в руке бесформенный кусок мела, написала крупно: «Победа!»

— Война окончилась. Еще много всего: тревоги и печали, разрухи и голода, еще многим этот осенний дождь кажется горьким, потому что он со слезами горя. Но вы уже знаете, что слезы бывают и сладкими. Разве не такими были они девятого мая? И сегодня у нас счастливый день.

Поздравляю вас! Отныне мы будем учиться не ненависти, а любви к человеку, мы вспомним, что слово «передовая» не только существительное, обозначающее линию фронта, а и прилагательное к слову «работница». Мы будем учить арифметику не делением бомб на человеческие жизни, а умножением кирпичей на восстановленные дома, получая в ответе вставшие из руин города. Добрый путь нам!

Иван сидел строго, положив руки на крышку парты.

«Какая сила в словах,— подумал он.— Вот на гражданку уйду, книжек сто тысяч прочитаю, научусь и учителем стану. Фрицев расколошматили, войны уже не будет никогда. Эх, что за жизнь счастливая!»

За рекой, в сизом дыму, подходила колонна танков. Длинные стволы размашисто качались, приветствуя достигнутый в пути город.

«Ишь, прут с войны-то. Сквозняком. Отвоевались ребята, вон как торопливо едут».

— Ну, рассказывайте,— сказала Анна Степановна, открывая журнал, и кивнула соседу Ивана.

— Годырев я,— после паузы ответил Виктор не вставая.— Не узнали?

— Ты, я вижу, забыл школьные правила? Ученик должен отвечать стоя,— назидательно произнесла учительница.

— Да ладно,— миролюбиво ответил Виктор.— Я и так всех вижу, а вставать всякий раз мне тяжело, протез несовершенный,— и он постучал грубо вытесанной из дерева ногой по полу.

— Хорошо, хорошо,— торопливо согласилась Анна Степановна.

Иван встал возле парты в узком проходе, одернул гимнастерку, понес вверх руку, собравшись представиться по всей уставной форме, но вовремя сообразил, что он без пилотки, торопливо дернул рукой вниз, сказал громко и внятно:

— Гвардии младший сержант Зуев... Иван,— добавил он тихо.

Анна Степановна закивала, и Зуев увидел вдруг, как глаза ее стали мокрыми и два обильных ручья побежали по щекам, она уронила лицо в ладони и плечи заходили, сотрясаемые беззвучным рыданием.

Зуев растерянно закрутил головой.

— Простите,— сказала Анна Степановна, утирая лицо.— Моему Ване было семнадцать. Он хотел быть летчиком, а попал в пехоту, на Сандомирское направление. В первом письме, которое я так ждала, была похоронка.

...Венька Ермачков вылез из-под парты шурша новой, сшитой из чертовой кожи толстовкой. Как удалось ему быть толстым в голодные годы? Лицо у него было красным. И два огромных уха, словно ручки у сахарницы, приставлены были к

круглой голове. Венька посинел от натуги, но так и не смог произнести ни звука.

— Да Венька это. Бомбой пуганный. Ермачки-поварихи домашний бугай. Поди, к морозам на сало пустят,— весело сказал Виктор.

— Годырев! — строго прикрикнула Анна Степановна.

...Маша Гаврилова залилась стыдливым девичьим румянцем, представилась и испуганно посмотрела на Виктора. Он ей подмигнул. Маша задыхалась часто и торопливо застегнула верхнюю пуговицу на натянутой в груди кофте.

Зуев взглянул на часы. «У, фриц проклятый! Теперь не торопиться... Батя прав: что, мне при нем ординарцем сидеть, галифе протирать? Он мой пример самостоятельности видеть хочет... И чего робел, вон сколь недоучков, как я, сообща-то и весело, и не стыдно. И учительша, видать, хорошая попалась. В первом письме, говорит, похоронная. Для войны дело привычное, я их в штабете пачки видал».

За окном танки медленно, по одному, переходили мост, наскоро построенный саперами еще при наступлении из толстых, неошкуренных бревен. Танкисты сидели на башнях, мокрые, похожие на больших черных птиц.

Класс дружно тянул в окно тонкие шей.

— Хорошо,— сказала Анна Степановна.— Подойдите, помажьте победителям.

Зуев остался сидеть. Он слишком горд был своей принадлежностью к артиллерии, «богу войны», сам видел откинутые башни немецких танков от наших «соток».

«Настрогали мы немцам стальных гробов»,— хвастливо стал думать он.

— Ваня! — позвала его учительница.— Подойди сюда.

Ребята залепили окна, визжали от восторга, махали руками.

— Ты прости меня,— сказала Анна Степановна, и глаза ее снова стали влажными.— Я не видала своего Ваню в форме. Он был совсем еще мальчик. А ты, я вижу...— она не договорила, только сделала движение к его медалям.— Сколько же тебе лет? Тринадцать?

— Так точно!

— Ах ты, военный человек,— улыбнулась Анна Степановна.— У нас в эвакуации мальчишки в войну только и играли. С утра до вечера — кто из палки, кто из пальца: ту-ту-ту... А ты на войне как играл?

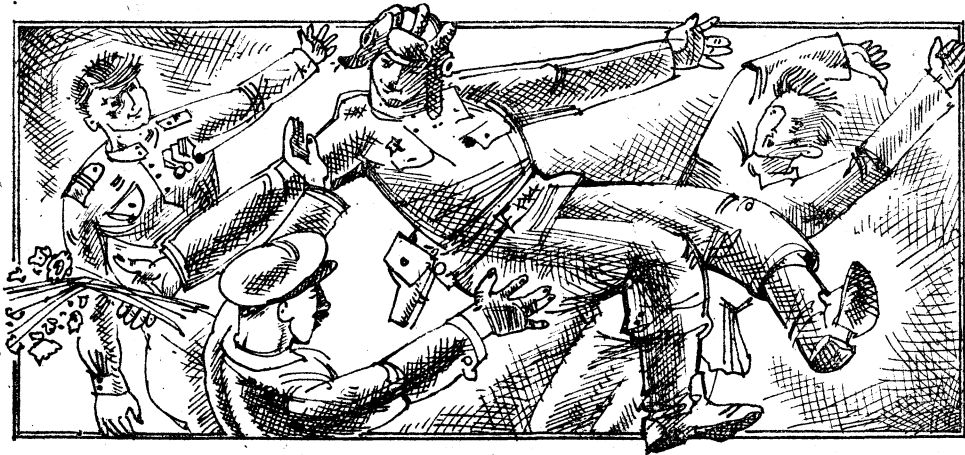
Зуев задумался, вспоминая.

— Так в войну же.

Анна Степановна засмеялась:

— Неисправимый вы народ, мальчишки.

— Где шибко опасно, разве меня подпускали. Наши тяжелые пушки издаля бабахали. Немцы

как на полк прорвали, батя... полковник Друян, — поправился он, — меня враз в медсанбат определил. Я и фрицев этих только пленными видел. За кусток спрячешься и из пальца пух!.. пух!.. — словно излил наконец обиду Зуев. — Настоящему и не дали отличиться. Эти взрослые, они всего боятся.

— Счастливый ты, — сказала учительница. — К добрым людям попал... По местам, по местам! — захопала она в ладоши. — На перемене можете туда сбежать, только, чур, не опаздывать.

Звонок прозвенел как сигнал к старту. Через мгновение класс опустел, остались лишь Зуев и Виктор.

Танки, переехавшие мост, съезжали с дороги на пустырь, где до войны был райисполком, теперь на пепелище его стояли грязные, тяжелые машины, высоко горел костер, неотчетливо между лязгом гусениц и рыком моторов слышна была гармошка. Со всех сторон из города спешили к пустырю люди, грудились, и кто-то, держа в руке шлем, взлетал уже над толпой.

— Проклятая чурка! — сказал Виктор и с досады стукнул деревяшкой о парту.

Чернила выплеснулись из стеклянного мутного стаканчика, фиолетовой слезой побежали вниз.

— Ты чо! — возмутился Иван. — Казенное, чай, имущество. Старшины Пряхина на тебя нету.

Виктор, громыхая, сбежал к доске за мокрой тряпкой, долго, старательно затирая чернила, измазал ладони и стал тереть их о штаны, сшитые из черной эсэсовской шинели.

— На меня кричишь? — прищурил он вдруг глаза. — Командир сопливый. Побрякушек навесил. Воображаешь. Мне, может, тоже при исполнении подвига ногу снесло. Мне за это медаль почему-то не дали. Я, может, в тылу врага действовал. Что теперь попрекать? Сам я, что ли, остался?

— Ты чего взбеленился? Чем я тебя попрекнул? Я и сам под немцем до сорок второго был.

— А-а... Обидно. Мне бы в первую бомбежку ногу не оторвало, что бы я к своим не ушел? Еще как бы и повоевал! Я, небось, постарше тебя да посмекалистее, даром что во втором классе три года сидел.

— Будто всех в армию и брали. Меня в лесу нашли без сил, так сперва чтоб выходить оставили, а потом уж прижился. А ребят к войне все одно не подпускали. Я из пушки стрелял, так от нее до немцев пятнадцать верст. И медали, не думай, не за геройство, а что солдатам тоску по домашним избывал. Ты только не говори ребятам, пусть уважение к солдатскому делу имеют.

— Ладно. И ты молчи, про ногу-то. Что бомбой. В партизанскую разведку шел, да на мину оступися. Тут уж про это знают.

Вторым уроком была арифметика. Анна Степановна принесла тетради.

— Разложи по партам, — сказала она Зуеву. Ребята влетели в класс возбужденные:

— Можно?

Анна Степановна махнула рукой, писала на доске простенькие примеры.

Зуев обстоятельно раскладывая тоненькие, деленные пополам тетрадки.

Мокеев влетел счастливо, празднично улыбаясь. Лоснящийся от масла, ребристый танковый шлем покрывал его голову.

— Ах ты, гнида! — сказал громко Виктор. — Сними, не позорь советскую славу.

У Анны Степановны сломался мел. Она резко повернулась.

— Годырев! — и сорвалась на крик. — Выйди из класса! — и указующе показала на дверь.

— Пожалуйста! — равнодушно отозвался Виктор, с трудом вылезая из-за тесной парты. — Пойду покурю, — сказал, явно бравирюя, пошел, при-

падая на ставший за лето коротким протез, застучал по гулкому деревянному полу.

— А гаденышей этих фашистских я бил и бить буду до самого корня, — сказал он на ходу. — Может, рубаху снять, показать, как его родитель в полиции драть умел? Тот вошь, а этот гнида, — вырвал из рук жалкого, бледного Мокеева шлем и вышел.

— Садись, Толя, — сказала Анна Степановна и ушла к окну, уперлась лбом в раму, и стекла вдруг задребезжали, выдав ее дрожь.

Тишина не успела повиснуть, как маленький Ильин сорвался в чахоточный надсадный кашель, забился, стуча головой о парту.

Зуев, сдерживая кованые каблуки, прошел на место.

Анна Степановна подошла к столу.

— Дети не могут и не должны отвечать за поступки взрослых. Война суровое испытание для каждого. Мы победили, а это значит, что храбрых было больше, чем трусов. Время зла и возмездия прошло. Боль и стыд еще будут жить в душах, озлобленность еще будет мутить рассудок, горе еще будет взывать к мести... Но мы живем и растем теперь на мирной земле, мы поможем ей возродиться и начнем писать свои — обязательно героические и обязательно счастливые! — судьбы с нового, чистого листа. Откройте тетради, ребята...

За окном Виктор шел к забитому танками пустырю, скользил и резко взмахивал руками.

— Можно выйти? — сказала и отчаянно покраснела Маша.

— Зачем?

— Мне надо, — и посмотрела в глаза учительнице колюче, зло.

— А-а... Ну иди, раз надо.

На пустыре собирался митинг. Редкие тяжелые флаги лениво полоскались в дожде. Взблескивали трубы оркестра. Бас методично качал над городом воздух, и стекла испуганно вздрагивали.

Маша догоняла Виктора босиком, держа в руках туфли. Он обернулся, слышав, видимо, ее торопливые, чавкающие шаги, стал ждать, держа протез в наполненной водой колее.

...Зуев коряво и неуверенно записывал примеры, вычисляя на ходу и сразу ставил ответы.

Венька считал на пальцах, шевелил толстыми мокрыми губами.

Мокеев не поднимал головы. Кожа на лице его была туго, до белизны, стянута к узким губам, глаза, не мигая, смотрели в белый тетрадный лист.

Анна Степановна сидела прямо. Взгляд ее был устремлен далеко, за стены класса, туда, где перемешался с землей прах ее сына, не успешшего стать ни героем, ни трусом, а лишь случайной жертвой стрелнувших в ночь немецких артилле-

ристов. Ей неведом был слепой рок войны, она свято верила в трагическое торжество слов похоронной: «...пал смертью храбрых за свободу и независимость Родины».

...На пустыре танцевали. Бас в оркестре ухал все так же однообразно и скучно, но ликующее веселье живыми волнами плескалось возле танков, кружилось и пенилось цветными нарядами девушек.

Виктора и Маши не было видно. Один только раз Зуев показалось, что он видит их. Дождь уже не шел, ветер торопливо рвал тучи, двигал голубые окна, ища солнце, и оно вдруг стремительно обрушилось, залив город сияющим праздничным блеском.

На большой перемене в класс принесли хлеб. На тяжелый с отрубями ломоть Анна Степановна высыпала наперсток сахарного песка. Сначала был короткий бой старших за горбушки, потом жадно тянущаяся к хлебу очередь. Зуев подошел последним, получил два пайка. Хлеб Виктора он убрал к нему в парту, на своем размазал сахар, лизнул палец и проглотил слюну. Кругом серьезно и молча ели, подставив к подбородку ладонь, чтоб не потерять случайно оброненной крошки. «Ты, чай, на солдатских харчах», — сердито укорил свою совесть Зуев и положил хлеб рядом с пайком Виктора. Желудок протестовал. Тогда он снова достал хлеб, провел по нему мокрым пальцем и засунул свой паек под хлеб Виктора. И отвернувшись, глотая слюну.

Венька быстро сжевал горбушку, ходил по классу, заискивающе и просяще заглядывая в глаза. От него отворачивались.

Анна Степановна положила хлеб Мокееву на парту.

«Попробуй возьми, скажут, что немецкого не нажрался, на советский слюни текут? — Есть хотелось так, что колерики сводили живот. — Сбежал, а нас, как собакам, на растерзание подкинул. — Ненависти к отцу-предателю в нем не было, только глухая смертельная обида, что сбежал тайком, знал ведь, что им ответ придется держать. — Разве жизнь теперь, сплошная мука. Словами еще что, а то и грязью кидаются...»

Слюны набежало полный рот. Мокеев непроизвольно посмотрел на хлеб и захлебнулся, закашлялся до слез, багровея с натуги.

Старательно держал за границей сознания недавнюю, совершенно счастливую сцену, когда вместе со всеми влез в круг радостных, добрых людей, и грязный, белозубый танкист положил на голову руку.

— Звать как?

— Анатолий.

— Почему не в школе?

— Перемена.

— Перемена-а, — передразнил, как-то смешно сморщив нос. — Тут, брат, жизни всей перемена. Теперь бы и во сне прошлое не вспоминать. Спать крепко и вкалывать, вкалывать, чтоб скорей хорошую жизнь восстроить. Ух, руки дело делать чешутся! На! — В избытке нахлынувших чувств сорвал с головы шлем. — Носи не для войны, а чтоб голова не мерзла, мозги не густели. Учись... — И потряс крещиком, сжатым кулаком. — Беги, перемена!

«Анна Степановна вот еще добрая. Взяла бы к себе сыном. Что, я бы не старался по-новому вырасти? А то куда ни повернись... В детдоме как на волка смотрят, будто я их родителей порешил. И тут сразу — как на гада ползучего. Я ведь терплю, терплю...»

Сидел, согнутый бременем отцовской подлости, с отравленным сознанием, запутавшийся, голодный, потому что утреннюю кашу его в детдоме смешали с горчицей, мятущийся и затравленный, не знающий, как подняться.

«Что ж, — сказал он себе. — Теперь терпи. Вот назло всем вырасту и героем стану. Полярником или летчиком. Небось, языки-то и прикусят».

Он потянулся к хлебу, не в силах больше бороться с собой, а хлеб вдруг плавно уплыл из-под руки. Как замороженный, Мокеев проследил за его полетом и уперся в жадно раскрытый с гнилыми зубами рот.

— Г-гнида, — невнятно, сквозь нос сказал Ермачков.

Что-то лопнуло в голове, застывая глаза красным, выбросило из-за парты, откинув нелепо взмахнувшего руками Веньку, и понесло наугад из класса вниз, по коридору, в дверь, сквозь мокрый, туго хлещущий по лицу ветер.

— Положи, — сказал Зуев твердо. — Мы на войне фашистов пленных из своего котла кормили, а ты...

— А че я? — закричал Венька, но хлеб положил. — Таких гадов давить надо. Все кровь проливали за Родину, за товарища Сталина, а они с отцом эту кровушку-то пили. Факт достоверный.

— Сам ты гад. Добывать — последнее дело. Голодный, он что поймет? Одна злоба.

Пришел Виктор. Маша осталась в коридоре.

— Чего этот недобиток сбег? Летит, как снаряд, думал, другую ногу снесет. Пряткий, сучий хвост.

Хлеб он убрал в сумку, спитую из старого стираного мешка, будто и не заметил зуевского дара, сказал только, словно оправдываясь:

— Маленькие-то, ох, жрать горазды.

— Не верно вы, — сказал Зуев. — Не посправедливости. По-вашему, так и всех немцев убить надо.

— Добренький? Да? — закричал Виктор. — А

твоего отца убивали? А мать твоя не кричит по ночам, потому как кроме ужаса ничего ей не снится? — Он задергался, судорожно хватая рубаху, потащил ее вверх, обнажая худую спину, накрест линованную бурными полосами. — А это у тебя есть?

— Моих в сорок первом расстреляли, — тихо сказал Зуев. — И меня... только я отполз.

Третьим был урок чтения.

— Где Мокеев? — спросила Анна Степановна.

— Ермачков у него хлеб взял, — услужливо сказала Мила Карахаева.

— Когда мой Ваня уходил на фронт, я сказала ему: «Не щади врага. Увидишь врага — убей его. Но не дай снизойти своему сердцу до мести. Мечь — это язык фашистов, а общего языка у нас с ними нет...» Вон наши солдаты возвращаются с победой из Германии. Разве мстить ходили они туда?.. А вы?.. — Анна Степановна не знала, что еще добавить. — Сейчас мы будем читать сказку о Кае и Герде.

Анна Степановна открыла книгу:

«Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь...»

Читали по очереди. Для многих это оказалось делом трудным, память ослабла от голода и лишения, буквы забылись, а из них надо было складывать большие красивые слова, и пока добиралась до конца предложения, забывалось его начало.

Анна Степановна сидела за столом, кивала каждому слогу, терпеливо поправляла и быстро вела книгу из рук в руки, ей важно было, наверное, узнать, кто и как владеет чтением.

Зуев, впрочем, читал бегло. Будучи ординарцем командира полка, он имел свободное время, ум его был пытливым и мучила неутоленная жажда знаний.

Виктор читал сидя. Потел. Как некая машина, обрабатывал каждое слово сначала внутри себя и обрадованно выговаривал, утирая рукавом изрезанный напряженными морщинами лоб.

Маша сопереживала. Смотрела, не отрываясь, на Виктора, вместе с ним шевелила губами и радостно вспыхивала после каждого произнесенного им слова.

За окном танки закончили переправу. Машины на пустыре закурились дымом, задвигались. Нарядные девушки побежали к дороге. Танки, облепленные детьми, медленно и плавно стали втягиваться в пестрый, волнующийся коридор. Танкисты без усталости махали руками.

В классе было тихо, только Ильин часто кашлял, закрывая рот синей тряпкой. В таком равном и медленном чтении ребята почти не пони-

мали, о чем рассказывает им книга, но их завораживало и волновало само событие: они слушают сказку, волшебную, добрую музыку, которая звучит только тогда, когда кругом мир и покой.

«...А по свету летало еще много осколков зеркала».

В дверь постучали.

— Да, да, — машинально сказала Анна Степановна.

Вошел Мокеев. Ноги его были мокрыми. Одна рука тонула в кармане широких штанов, другой он смахнул каплю, повисшую на кончике носа. Глаза горели, ноздри качались, рот плотно замыкала прямая складка.

— Садись, Толя, — сказала Анна Степановна спокойным ровным голосом. — Мы тут сказку читаем.

Мокеев пошел медленно, опустив голову, оставляя за собой мокрые следы.

— Читай, Гаврилова, — сказала Анна Степановна.

Мокеев дошел до своей парты, остановился, судорожно дергая головой, и потянул воздух, словно вдруг перестало хватать его, и сделал еще два шага.

— Отца поносите, он заслужил, — глухо, но внятно сказал Мокеев. — А про меня еще кто скажет... — вдруг закричал он и затрясся, стуча зубами: — Во!... — и вытащил из кармана гранату, совсем новую, в рубчатой стальной рубашке «лимонку».

— Ах, ты! — Виктор стал подниматься, скользя протезом в проходе. — Шутки шутить?! — повалился через Зуева, выбросив вперед руки, чтоб

поймать Мокеева, и попал жилистым сильным пальцем в свисавшее кольцо взрывателя.

Мокеев запоздало дернулся. Усики, которые он много раз прежде разгибал и сгибал, надломленные, в этот трагический момент сломались совсем, и Виктор, вдруг потеряв опору, полетел через парту вниз, словно циркулем описывая дугу прямой, длинной ногой.

Все, что произошло потом, укладывается в несколько секунд. В несколько секунд задержки взрывателя.

Чека, которую не могла удержать мальчишеская рука, с сухим щелчком отлетела вверх, раскидав слабые пальцы, и округлое тело гранаты, скользя по взмокшей ладони, упало на пол.

— Ы-ы... — тихо заскулил Венька, уместившийся уже под партой.

Виктор барахтался на полу, не мог справиться с попавшим между парт протезом.

— Сволочь, что надумал!

Граната катилась к учительскому столу, покачиваясь и постукивая ребрышками. Мила Карахаева, вытянув шею, смотрела ей вслед.

Анна Степановна отбросила стул, казалось, ждала, когда граната подкатится ближе, чтобы упасть, накрыть ее собой.

— Стоять! — зычно и властно крикнул Зуев и сделал шаг вперед.

Мокеев, застывший в оцепенении, вдруг неожиданно резко толкнул его.

— Гнида, да? — как стон выкрикнул он, гигантскими шагами догнал гранату, подхватил, словно мяч в игре, и, поворачиваясь спиной, сквозь треск и звон полетел в окно, вниз...

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

Писатель Иван Новиков, автор широко известного романа «Пушкин в изгнании», во время войны был эвакуирован в Каменск-Уральский. Писатель-патриот провел в рабочих клубах десятки платных пушкинских вечеров. Собранные им таким образом сто тысяч рублей были переданы на строительство самолета «Александр Пушкин». Великий поэт России воевал за свободу своей Родины.

ДНЕВНИК БРИГАДИРА ГЕННАДИЯ СЕМЕНОВА

«27.VII.41 г. ... Фашисты бомбили Москву. В ответ на это мы обязались повысить производительность. Выработка в 300—400 % сейчас не диво...

15.XI.41 г. Немцы прут вперед. Окна в цехе задраены. Затемнение. Рабочие копают противоздушные

щели (после смены). Мы в это время работаем в цехе. Работаем, сколько потребуется для выполнения задания.

6.XI.42 г. Всю эту неделю мы с Яковом работали по 16 часов на выполнении острodefицитных работ. Две ночи подряд я ночевал в цехе. Так же работают все ребята. В 8 часов утра 5 ноября Иван Пенелев пришел на завод, а только сегодня в 8 часов утра он ушел домой. За это время он спал всего час, здесь же у верстака.

14.VIII.43 г. 6 часов утра. Спал в цехе на скамейке. Вчера хотел было уже идти домой, но вышел из строя станок. Надя Морозова попросила меня помочь. Провозился до 12, домой не ушел. Сейчас бы умыться с мылом, но мыльца, чтобы умыться, нет. Но ничего. Что-то сегодня происходило на фронтах?

10.IV.44 г. Освободили Одессу. Ура!!! Интересно, что сейчас думают немцы в Крыму?

Два дня не выходили из цеха. Идем впереди всех участков цеха.

В честь взятия Одессы вся наша смена дала слово работать еще лучше. Интересное дело творится: когда мы работали фронтовой бригадой, потом организовались в отряд, но это было тоже не то, мало, всего 18 человек, а сейчас вся смена работает как один. Даже больше — весь участок под руководством Николая Яковлевича Колчанова уверенно набирает темпы. Еще раз скажу, просто удивительно, как у нас, советских людей, сила имеется: чем дальше идет война, тем мы сильнее становимся, чем больше невзгод, тем мы упорнее. Пружина!»

Пермский завод имени Свердлова

Дежурный Хоринской авиаплощадки снова вышел на крыльцо и, сдвинув фуражку на затылок, озабоченно посмотрел в небо. Неровный гул, доносившийся из-за облаков, давно уже беспокоил его. Было такое ощущение, что вот уже в течение десяти минут над взлетным полем кружится, не решаясь сесть, какой-то самолет.

Дежурный обеспокоенно почесал бровь. На этот час по расписанию никаких самолетов не ожидалось. Разве что случайно залетел «Антошка» из службы противопожарной охраны. Но почему он тогда не выходит на связь? Впрочем, судя по звуку, это была двухмоторная машина класса устаревшего «Ил-14», а может быть, и тяжелее.

Почему он кружит? Не находит ориентиров? Но на поле все в порядке. Дежурный придиричливо оглядел свое хозяйство и снова почесал бровь. Честно говоря, хозяйство это было невелико. Весь аэродром состоял из грунтовой взлетно-посадочной полосы да домика, в котором размещались диспетчерская с простенькой рацией на столе, крошечный зал ожидания, касса и квартира директора местного леспромхоза. Типичная площадка для обслуживания пассажи-

ров местных авиалиний. И вывеска с красиво выполненной надписью «Аэропорт Хоринцы», прибитая над дверью, мало что прибавляла к этому огорчительному для дежурного факту. Но за много лет дежурный постепенно свыкся с жизнью в далеком таежном краю, сроднился с местным населением и перестал терзать начальство рапортами с просьбой перевести в более оживленный аэропорт.

Дежурный вернулся к себе и, включив радиостанцию, надел наушники. Эфир молчал. Сквозь шорох и треск атмосферных разрядов, еле слышные, пробивались лишь сигналы радиомаяка. Трогая пальцем бровь, дежурный задумчиво крутил верньер настройки. Но вдруг нарастающий рев моторов заставил его сбросить наушники и кинуться к окну.

На площадку, заходя против ветра, садился самолет. Мгновение — и с выпущенными шасси он стремительно покатился по полосе, поднимая за собой волны пыли. Только теперь, когда он оказался достаточно близко, дежурный сумел разглядеть его. Это был до странного неопрятный внешне двухмоторный моноплан без каких бы то ни было опознавательных знаков на борту, кроме небрежно выведенного на хвосте номера. Катил-

НОЧНОЙ БОМБАРДИРОВЩИК

Фантастический рассказ

Олег МИРОНОВ Рисунки М. Субботиной

ся он, непривычно высоко задрал переднюю часть фюзеляжа, напоминая снятые давно с производства самолеты «Ли-2», но контуром своим и размерами несколько отличаясь от них. Докатившись до конца площадки, незнакомец развернулся и замер, как вкопанный. И сразу натужный шум моторов утих: пилоты сбросили обороты. Но двигатели работали по-прежнему, винты продолжали рубить воздух.

Дежурный надел фуражку и, на всякий случай придав лицу казенное выражение, вышел на крыльцо. Еще издали он заметил, что из самолета никто не выходит, но лишь приблизившись, понял почему. Просто у самолета не было привычной дверцы на борту. У дежурного перехватило дыхание. Стараясь не обнаруживать своего изумления, он осторожно обошел гостя и оказался с хвостовой его стороны. Но и здесь ощущение необычности происходящего не исчезло. Подняв глаза, дежурный увидел силуэт человека под прозрачным фонарем, внимательно наблюдавшего за ним. Дежурного прошиб пот. Все было ясно: в самолете чужие. Да и сама машина, столь необычная по виду, вероятно, тоже издалека. Тут что-то было не так. Но что именно, дежурный не успел сообразить. На дамбе, отделявшей поселок от озера, показались грузовики с рабочими леспромхоза, возвращавшимися с участков. И в то же мгновение взревели двигатели, тугая плотная волна воздуха от раскрутившихся винтов вновь взметнула аэродромную пыль. Самолет, дрогнув, качнул крыльями и стал набирать скорость. Дежурный, что-то крича и размахивая руками, бежал за ним, но скоро подымавшаяся высоко пыль укрыла его с головой. Самолет был уже в воздухе, когда он, растрепанный, запыхавшийся, потерявший где-то фуражку, вбежал в домик и схватился за телефон.

Диспетчер Усть-Вилуйского аэропорта, молодой, начинающий уже полнеть человек с утомленным от частого недосыпания лицом, спустился из своей застекленной башенки и отправился в буфет перекусить, оставив на рабочем месте напарника-студента, отработавшего второй месяц производственной практики. Час был поздний. До подхода очередного «борта» еще оставалось достаточно времени. Самолеты местных линий ночью не летали, а остальные трассы в это время года были не очень оживленными.

По установившейся привычке диспетчер взял стакан сметаны, начавшую черстветь булочку и с флегматичным видом уселся за столик.

Несмотря на поздний час буфет был переполнен. Голоса пассажиров, ожидавших вылета, пи-

лотов и сотрудников аэропорта сливались в ровный нескончаемый шум, к которому присоединялся привычный гул за стеной. Через большое окно можно было увидеть взлетное поле с разноцветными огоньками на нем, силуэты самолетов, вокруг которых разъезжали автомобили вспомогательной службы. Вот промелькнула приземистая двухмоторная машина, разворачиваясь на стоянку, вот проехала мимо тележка с запасными аккумуляторами. Аэропорт жил своей обычной, ни на минуту не утихающей жизнью. Все это было настолько обыденно и знакомо, что даже чуть-чуть наводило скуку. Диспетчер вздохнул, вытер салфеткой губы и отправился к себе.

— Иди, подкрепись,— кивнул он студенту, прикорнувшему на диванчике.— Иди, пока не закрыли.

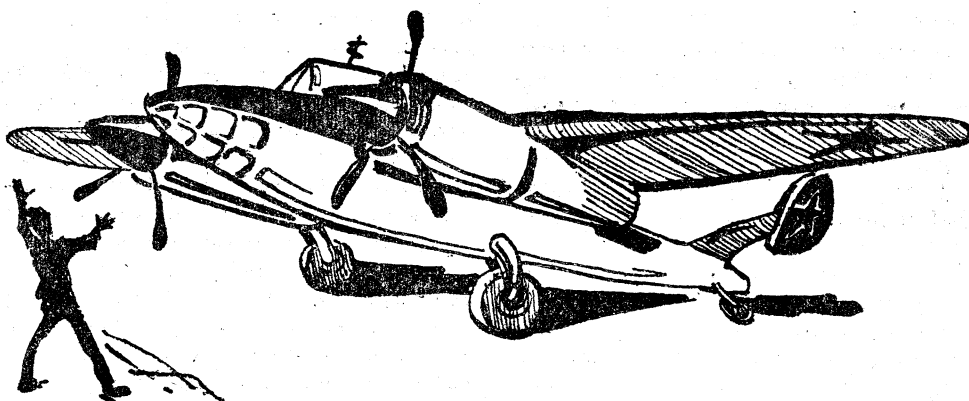
Оставшись в одиночестве, он привычно оглядел приборы и уселся в свое кресло за пультом. Экран локатора был чист, ничто не говорило об изменении обстановки, но тем не менее что-то было не так. И это что-то произошло за время его отсутствия. Диспетчер выключил внутреннее освещение и повернулся к окну. Теперь большая часть взлетного поля была перед ним, как на ладони. Так и есть, чертыхнулся он, схема расстановки самолетов нарушена! На рулежной полосе, под углом к ней, стоял самолет. Его было трудно разглядеть, эта часть поля освещена плохо, но то обстоятельство, что при вырубивании он станет мешать другим, было несомненным. Закипая от досады на практиканта, проспавшего самовольную рулежку на поле, диспетчер передвинул рычажок переговорного устройства и строго спросил:

— Эй, кто там вылез без спроса на пояссу?! Что вам, места на стоянках мало?! Борт на подходе, а вы там карусель устроили...

— Так это не мы, Никитич...— растерянно произнес молодой голос.— Мы еще и двигателями не запускали...

Диспетчер отключился и, выругавшись вполголоса потянулся к планшету-схеме с наклеенными на нее силуэтами самолетиков. Краем глаза он заметил, как отворилась дверь, и уже открыл было рот, чтобы отчитать незадачливого напарника, но, повернув голову, опешил. Перед ним стоял высокий незнакомый человек в кожаной куртке и летной фуражке на голове. Одет он был в хромовые сапоги и галифе непривычного покроя. На широком ремне висела расстегнутая кобура пистолета.

С полминуты они прощупывали друг друга взглядами, причем диспетчеру подумалось, что этих горящих пронзительных глаз, того вдохновенного и целеустремленного, что таилось в них,

он уже не забудет никогда. Наконец, незнакомец шагнул ближе.

— Капитан Сурцов, — представился он, козырнув. — Прошу вас обеспечить 312-й всем необходимым.

Диспетчер с изумлением смотрел на него.

— Черт-те знает что! — наконец воскликнул он, бросая планшет на пульт. — Вы откуда, товарищ? Как вы сюда попали? Сюда нельзя поосторонним...

— Прошу прощения, — грубовато перебил Сурцов. — Мне сказали, что вы здесь главный. Да мне, собственно, некогда, я тороплюсь. Заправьте мою машину, и расстанемся по-хорошему... Ну, давайте, давайте, меня ждут там.

Диспетчер покосился на кобуру, которую Сурцов, словно невзначай, передвинул на живот, и раздраженно сказал:

— Ничем не могу помочь, товарищ. Вы же видите, сколько у меня дел. И все срочные. И потом у нас не частная лавочка, чтобы обслуживать посторонних шоферов. Вы, наверное, из вневедомственной охраны? Вот и обращайтесь туда... Вы свободны, я вас больше не задерживаю.

Сурцов, не мигая, смотрел на него. Этот пристальный обжигающий взгляд выводил диспетчера из себя. Этот человек, ворвавшийся к нему, ведет себя так, как будто ему чем-то обязаны! Нет, это просто нахальство, неужели он не понимает?

— Послушайте-ка, — не выдержал диспетчер, когда молчание стало невыносимым. — Вы что, не понимаете моих слов? Я же вам ясно сказал: здесь вам делать нечего. Вы же видите: человек работает. Работает! А не шляется, как некоторые, по диспетчерским, куда посторонним и вход-то запрещен!.. Ну что еще?

Сурцов не шевелился. Он по-прежнему пристально смотрел на диспетчера, но теперь в его взгляде появилось что-то яростное. Рука сжимала край стола так, что пальцы побелели.

— Вы отказываетесь заправить мою машину... — голос Сурцова срывался; воротник, казалось, душил его, и он с силой рванул воротник. — Вы знаете, как это называется? Это саботаж, и я... Как ваша фамилия?

— Что?! — диспетчер побагровел.

— Я спрашиваю, как ваша фамилия? — резко повторил Сурцов. — Чтобы знать, какую сволочь пускаю в расход!..

Совсем близко от своего лица диспетчер увидел дуло пистолета. На мгновение ему показалось, что он сходит с ума. Происходящее было настолько невероятно, что совершенно не укладывалось в голову. Снится мне, что ли, все это? — подумал он и заморгал, пытаясь стряхнуть наваждение.

Внезапно, так, что оба вздрогнули от неожиданности, ожили динамики над пультом:

— Никитич, тут на рулежке какая-то колымага вклинилась, встала поперек полосы, ни пройти, ни проехать... Убери ты ее, ради бога, а то, на таран возьмем.

Диспетчер щелкнул рычажком.

— погоди, какая еще колымага? Так это не из наших, что ли?

— Да ты никак ослеп, Никитич? Своих от чужих отличить не можешь? Сажает телеги какие-то допотопные, а потом удивляешься...

— Кто сажал?! — закричал диспетчер. — Когда?!

— Да что ты, Никитич, спишь, что ли, там? Минут двадцать уже, как приземлилась, а еще на нас грешишь...

Диспетчер ошарашенно выключил микрофон и бессильно откинулся на спинку кресла. Нет, с этим студентиком определенно надо что-то делать. Проспать посадку — это надо суметь!.. Его взгляд упал на Сурцова, все еще стоявшего перед ним.

— Так это ваш самолет там? — вдруг сообразил он и перевел дыхание. — Это вы встали там поперек полосы?

— Слава богу, разобрались,— усмехнулся Сурцов, убирая пистолет в кобуру.— А то делают вид... Давно бы так.

— Какой вид? — глупо спросил диспетчер.

— Да вот такой... Как будто обязанностей не знаете. Распустились вы тут все... Музыка, огни везде... в буфетах обжираются... Как будто и нет ничего... Вообще, чертовщина какая-то! Ориентиров нет, посадочные знаки на аэродромах не выложены. Сидят тут, сытые, холеные... А там люди кровь проливают... Ну, ничего, мы с этим делом еще разберемся...

— С каким делом, о чем вы говорите? — устало произнес диспетчер.— И вообще, откуда вы взялись на мою голову?

— Ну, хватит! — резко сказал Сурцов.— Можете морочить голову кому-нибудь другому, только не мне. Когда моя эскадрилья вылетала из Фербенкса, нас предупреждали, что на трассе будет много гражданских. Но чтоб до такой степени... Где у вас штаб?

— Фербенкс, Фербенкс... — бормотал диспетчер, растирая пальцами виски.— Это где-то на Аляске. И вы хотите сказать, что прилетели оттуда? На каком самолете вы летели?

— С-47, вы обязаны знать. Нас была целая эскадрилья, но здесь, неподалеку, мы попали в грозу... Нас раскидало, и я потерял остальных из виду.

Диспетчер убрал от лица руку и внимательно посмотрел на Сурцова. Потом не спеша закурил и спросил:

— У вас есть при себе какие-нибудь документы? Желательно с фотографией.

Сурцов нехотя расстегнул куртку. Пока он доставал из нагрудного кармана документы, диспетчер, не отрываясь, разглядывал ордена и медали, легким звоном отзывавшиеся на каждое движение Сурцова.

— Пожалуйста,— проворчал Сурцов.— Только поторопитесь, мне уже давно пора быть в воздухе. Время не ждет.

В диспетчерскую сломя голову ворвался студент:

— Шеф, мне радист только что передал телефонограмму из Хоринцев. Полтора часа назад там садился какой-то самолет. Дежурный утверждает, что военный. Надо бы в милицию сообщить, а?

— Не надо,— сказал диспетчер.— Миша, распорядись, чтобы там самолет заправили. Ну, тот, который только что прибыл... Это тоже были вы? — спросил он, когда студент вышел.

Сурцов кивнул.

— Мы подошли туда уже после грозы... ну, когда растеряли остальных... Штурман у меня что-то в ориентирах стал путаться, кружили над каждым местом минут по десять, пока на тот аэродром не наткнулись. Вообще, после этой грозы что-то непонятное стало твориться. Все ориентиры исчезли. Вилкой — и тот с картой не совпадает. Ну, решили рвануть от греха. Мало ли что...

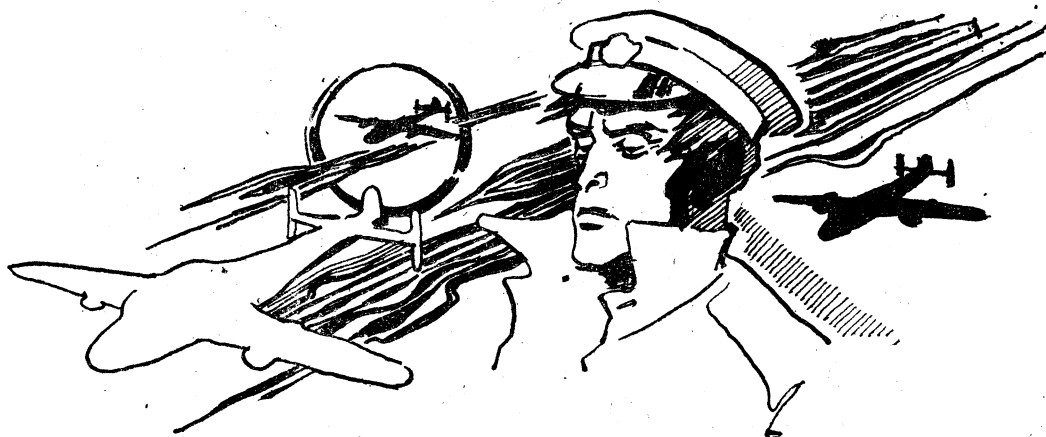
— И правильно,— одобрил диспетчер.— Осторожность никогда не помешает. Вы еще ни с кем тут не разговаривали?

— Некогда нам разговаривать. Эскадрилья, наверное, давно уже на месте, а мы все еще над Якутией топчемся. Связь еще куда-то подевалась...

«Если бы кто-нибудь знал, на каких частотах работают ваши передатчики...» — подумал диспетчер, а вслух сказал:

— Гроза, должно быть, все забывает. У нас тут тоже... со связью не очень. Где у вас следующая остановка?

— В Лесном. Там и отдохнем часиков пять. А потом дальше, до Красноярска. Машины уж

больно тихоходные делают наши союзнички: 240 миль в час — это разве скорость для ночного бомбардировщика?

— Да,— пробормотал диспетчер и машинально предложил сигареты: — Курите?

— Где такими разжились? — завистливо спросил Сурцов.— Тоже, небось, американские?

— Да нет, свои. «Аэрофлот», между прочим. Берите всю пачку, у меня еще есть.

Дверь в диспетчерскую приоткрылась. В нее просунулась голова студента. Увидев диспетчера, он сделал знак и исчез. Извинившись, диспетчер вышел в коридор.

— Шеф, это, похоже, тот самый самолет, военный. Я проверял... У них пулеметы, они все держат под обзором...

— Заправили их? — перебил диспетчер.

— Заправили, я проследил.

— Так вот, Миша, иди к себе и ни о чем не болтай. Я потом все расскажу тебе. Так надо. Кстати, разыщи сводку погоды на ближайшие сутки... Товарищ капитан! — позвал он, открывая дверь.— Все в порядке, машина заправлена.

— Спасибо, товарищ, не знаю, как вас... Я тут немного поскандалил, так вы не держите зла на меня, сами знаете, каково нам... Ну, до встречи, авось, увидимся еще!..

— Прощайте, Сурцов...

«Сказать ему, какой нынче год? И вообще — имею ли я право отпускать их? — мучительно размышлял диспетчер.— Но их все равно не удержать, у них приказ... Нет, капитан, никогда мы не увидимся больше. Гроза еще не кончилась, она ждет вас на вашем пути. И если это гроза забросила ваш С-47 в наши дни, то она должна помочь вам выбраться к себе...»

Он выключил внутреннее освещение, встал у окна. Сурцов уже подходил к самолету. У диспетчера вдруг возникла странная, почти безум-

ная мысль: ведь не поздно, еще есть возможность попытаться изменить свою судьбу, жизнь, стоит только крикнуть, остановить...

— Послушайте, шеф,— донесся до него голос студента.— А вам эти люди не кажутся подозрительными? Меня что-то смущает тип их самолета... Ни разу не приходилось видеть.

— Обыкновенный С-47,— рассеянно сказал диспетчер.— Ночной бомбардировщик американского производства.

— Что?! — воскликнул студент.

Но диспетчер не успел ответить. Внизу взревели двигатели, из носовой части бомбардировщика в темноту ударил слепящий луч прожектора, метнулся прощально крест-накрест и уперся в утрамбованную до твердости камня полосу.

Диспетчер закусил губу. «Сейчас, сейчас...» — шептал он, но не двигался с места. Вдруг он услышал голос студента:

— ...документы, вы смотрели у них документы?

— Смотрел, Миша. Документы в порядке.

«Хотя и датированы 43-м годом,— добавил он про себя,— но дело разве в этом? Дело в том, удастся ли им вернуться обратно, в свой мир, в свое время? Впрочем, они доберутся до цели, они не могут не добраться до нее, чего бы это им ни стоило! Такое уж было время и такие люди...»

Бомбардировщик уже с ревом пронесся над аэродромом и ушел в темноту и ночь, навстречу огненным всполохам грозы, а диспетчер все стоял у окна. Наконец он повернулся к студенту, изучавшему сводку погоды, сказал:

— А знаешь, Миша...

— Что? — поднял брови студент.

— Жалею я, почему не улетел вместе с ними...

Летом 1931 года, более полувека назад, Серго Орджоникидзе и Михаил Тухачевский, заместитель наркома обороны, приняли молодого изобретателя Александра Казанцева, работавшего на Белорецком металлургическом заводе главным механиком. На этом приеме он продемонстрировал Орджоникидзе и Тухачевскому модель электрического орудия (точнее, катапульта), рассчитанного на возможность переброски зарядов или аппаратов с континента на континент. Речь шла не о реактивном способе, о катапульте. К сожалению, в ту пору изобретение А. Казанцева не могло воплотиться на практике: для выстрела катапульты нужна была мгновенная концентрация электрической мощности в миллионы киловатт! Всей тогдашней энерговооруженности СССР не хватило бы для такой концентрации.

Совместно с академиком А. Ф. Иоффе изобретатель попытался решить проблему с помощью конденсаторов тонкослойной зарядки. По мысли академика, именно в

таком конденсаторе можно было накопить требуемую для выстрела межконтинентальной катапульты электрическую мощность. Выдающийся наш физик считал: чем тоньше слой диэлектрика, тем большее количество электроэнергии будет в нем «законсервировано». Увы, это не подтвердила практика, эксперимент. И пришлось расстаться с мечтой о «Днепрогэсе в кармане». Но нет худа без добра: вместо энергоемких конденсаторов А. Ф. Иоффе открыл замечательные свойства полупроводников, новую эру в развитии электротехники XX века.

Электромагнитная катапульта Александра Казанцева намного обогнала время: нужно было ждать, когда энерговооруженность Страны Советов достигнет необходимого уровня.

...Несколько удрученный, А. Ф. Иоффе рассказал о фантасте-изобретателе директору Ленинградского Дома ученых И. С. Шапиро, и тот предложил молодому механику написать о катапульте научно-фантастический сценарий для конкурса, проводившегося Домами ученых Москвы и Ленинграда совместно с «Межрабпомфильмом». И. С. Шапиро уговорил неискушенного в литературе А. Казанцева продиктовать придуманную им фантастическую историю стенографистке. В 1935 году это было сделано, а в январе 1936 года сценарий обоих авторов (Казанцева и Шапиро) под заглавием «Аренида» получил высшую премию конкурса. В сценарии изображалось, как некое космическое тело — Аренида — падает из глубин Солнечной системы к Земле. Столкновение, чреватое катастрофой для нашей планеты, неотвратимо. Весь западный мир охвачен ужасом в ожидании «конца света» — и погружается в атмосферу хаоса и паники. И лишь социалистическое государство рабочих и крестьян (в ту пору — единственное на Земле) не поддавалось всеобщей дезорганизации. Мобилизовав свои энергетические возможности, знания инженеров, техников, рабочих, Советский Союз в кратчайший срок построил гигантские электромагнитные «пушки» — расстрелял Арениду, превратив ее в рой мелких обломков. Человечество было спасено от гибели...

Поставить фильм по сценарию «Аренида» взялся известный кинорежиссер Эггерт. К сожалению, он вскоре умер, и никто больше не решился осуществить сложную постановку фантастического фильма. Сценарий был опубликован в газете «Ленинградская правда». А в 1937 году с этой публикацией познакомились редакторы московского Детиздата — А. Н. Абрамов и К. К. Андреев. Они разыскали начинающего фантаста и без всяких предисловий спросили: «Сможете написать для нас роман на основе сценария?» Подумав несколько мгновений, белорецкий изобретатель ответил: «Буду надеяться, что смогу». Смелости инженеру-механику было не занимать.

Александр Казанцев работал над книгой по ночам и каждую неделю в условленный день привозил К. К. Андрееву очередную главу. Наконец, в 1938 году роман был завершен. Однако именно в этот момент в «Правде» появилась статья секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева о секантах.

КОГДА КНИГИ НЕ УМИРАЮТ

Александр КОЛПАКОВ

Но какая тут, спросит читатель, связь с романом А. П. Казанцева? Самая прямая. Оказывается, сектанты, воспользовавшись публикацией сценария в «Ленинградской правде», объявили своей пастве о близком «конце света»: к Земле приближается, мол, громадный «небесный камень». Страх обманутых верующих сектанты использовали в самых неблагоприятных целях, вымогая у доверчивых простаков деньги, ценные вещи, драгоценности... Без чьих-либо указаний автор «Арениды» понял, что написанный им роман не имеет права на существование. От нервного потрясения Казанцев слег в постель с высокой температурой, однако мозг его без устали работал, и в горячечном бреде фантаст нашел выход: он сохранил основную концепцию книги, но без использования небесной катастрофы — мотива, столь ловко подхваченного сектантами. Глобальная паника, дезорганизация в западном мире вызвана в новом варианте книги самими людьми — как результат применения научного открытия в преступных целях. Какой удивительный прогноз на полвека вперед! Писатель будто предчувствовал, что в наши дни угроза «конца света» воплотится не в безобидном метеорите, а в форме термоядерных ракетных монстров, чудовищ, созданных трудом и мыслями самого человека.

Вот так создавался знаменитый роман А. П. Казанцева «Пылающий остров», известный ныне во всем мире, читаемый третьим поколением людей. С октября 1940 по март 1941 года он из номера в номер печатался в «Пионерской правде», и миллионы детей и взрослых зачитывались этим романом. Вспоминаю далекое детство в казачьей станице на Дону, седьмой класс... На сотни жаждущих школьников у нас приходилось всего несколько экземпляров «Пионерской правды». Вполне понятно, что номера газеты с очередной главой «Пылающего острова» рвали друг у друга из рук, с немалыми трудностями добывали на стороне...

Редакция «Пионерки» и автор романа получили тогда тысячи писем, благодарных отзывов. Характерно, что многие из пионеров, гонявшихся за номерами газеты сорок пять лет назад, стали со временем учеными, инженерами, писателями-фантастами. Это ли не свидетельство общественной значимости жанра?

В 1941 году, накануне Великой Отечественной войны, роман вышел отдельным изданием. Подводя итоги года, нарком просвещения В. П. Потемкин назвал тогда «Пылающий остров» одним из главных достижений времени. В следующем, уже военном году нарком провел у себя совещание по фантастике, в котором приняли участие А. Н. Толстой и военный инженер III ранга Александр Казанцев.

...В 1945 году полковник А. П. Казанцев возвращался с фронта, где был уполномоченным Государственного Комитета Обороны СССР при 26-й армии. Его путь пролегал из Австрии через Румынию в Бессарабию. И тут писатель-фантаст вдруг услышал по радио о взрыве атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Страшные подробности этих катастроф живо воскресили в его памяти последствия взрыва Тунгусского метеорита, с которыми он был знаком еще будучи студентом (Томск, двадцатые годы), когда от «дива», случившегося в бассейне Подкаменной Тунгуски, его отделили какие-то два десятилетия. Вернувшись в Москву, А. П. Казанцев обратился в сейсмологический институт АН СССР с просьбой сопоставить сейсмограмму тунгусского взрыва с такими же данными по взрыву атомной бомбы. Как и предполагал писатель-ученый, сейсмограммы оказались похожими, как близнецы.

Дальше были консультации с академиками И. Е. Таммом, Л. Д. Ландау, П. Л. Капицей. И вот А. Казанцев выступает в печати с ярким рассказом-гипотезой «Взрыв» (журнал «Вокруг света», 1946 г., № 1), в котором объясняет «Тунгусский феномен» аварией инопланетного корабля (возможно, у него взорвался ядерный двигатель). Рассказ породил огромный читательский резонанс.

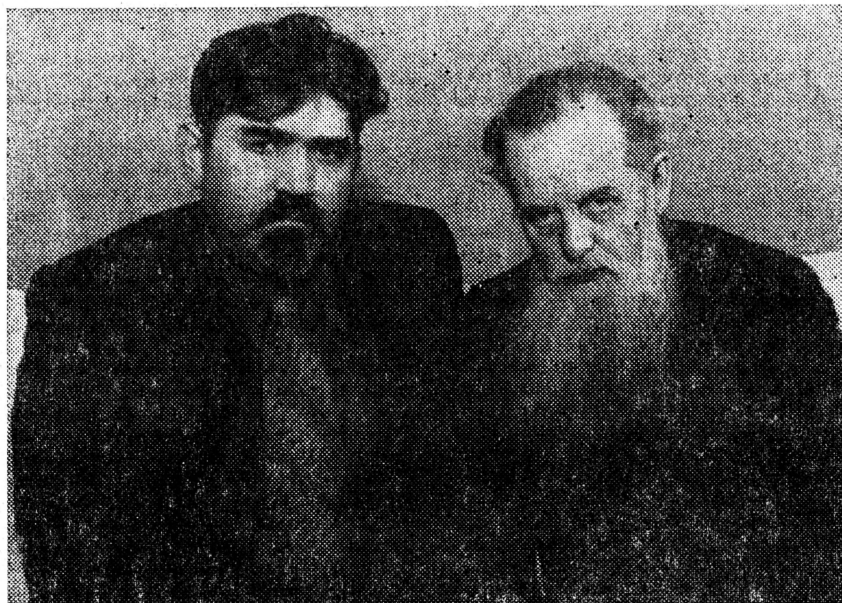
А. П. Казанцев решил включить взрыв над фабрикой Ванавара в сюжет «Пылающего острова». В 1953 году роман был издан в новой редакции Трудрезервиздатом, а через пять лет — Детгизом. В последующие годы книга многократно переиздавалась как на русском, так и на многих языках мира.

...Шло время. Действительность догоняла фантастику. Так, в «Пылающем острове» описаны «стрелы, сами находящие цель» (эпизод охоты-демонстрации для военных чинов, прибывших в ютландский замок Вельта — одного из главных персонажей книги). Теперь идея воплощена в форме самонаводящейся боеголовки ядерных ракет. А накопление электроэнергии в контуре сверхпроводника? Ныне эта идея интенсивно разрабатывается во многих странах мира. Не менее поразительна гипотеза автора о «вездесущем топливе» — шестом окисле азота, который пока еще не найден, но теоретически возможен. Реакция горения азота в атмосферном воздухе (с образованием именно этого окисла) должна сопровождаться чудовищным выделением энергии. На этой идее и основана фабула «Пылающего острова». Маньяк-антикоммунист, глава военного сверхконцерна Вельт похвастается в книге «начисто выжечь на Земле заразу коммунизма» — с помощью «огненной стены», рожденной химической реакцией образования шестого окисла азота. Не с таким ли предложением выступал в английском парламенте и Рональд Рейган, яростно призывая к «крестовому походу» против Советского Союза и стран социализма?

Что же предопределило неумирающую популярность «Пылающего острова» во всем мире? Ведь перед нами — научная фантастика, жанр весьма специфический. Для успеха книги подобного рода мало освоить технику литературного письма. Нужны еще широта и мощь научного воображения, энциклопедическая образованность, особенно в области естествознания и философии, прогностический дар, наконец — идейная убежденность борца за коммунистическое переустройство мира. Этими качествами наделен в полной мере автор «Пылающего острова», выросший из науки и техники нашего времени. Главный механик Белорецкого завода, в годы войны основатель и главный инженер научно-исследовательского института электромеханики в Москве, автор множества изобретений... Добавим к сказанному, что роман создавался в ходе интенсивных контактов с корифеями науки — А. Ф. Иоффе, учеником Резерфорда П. Л. Капицей, академиком Л. Д. Ландау.

Казалось бы, автор «Пылающего острова» мог быть вполне удовлетворен долгой жизнью своего первого детища. Но А. П. Казанцев продолжает совершенствовать роман. В 1978 году издательство «Детская литература» выпускает в свет новую редакцию «Пылающего острова», в которой автор не только привнес органическое соответствие с коллизиями романа международную ситуацию, но и художественно прописал образы положительных героев. Заново отредактирован роман и для последнего по времени издания, выпущенного в 1983 году.

Ныне Александр Петрович Казанцев, старейшина советской научной фантастики, продолжает активно работать над все новыми и новыми книгами. К романам «Арктический мост», «Мол Северный», «Льды возвращаются», «Фазы», к многочисленным повестям и рассказам лишь в самые последние годы присоединились романы «Купол Надежды» и «Острее шага», новые рассказы и повести, среди которых хочется особо выделить автобиографическую «Пунктир воспоминаний». Внушительный общий итог литературной деятельности писателя: тираж его книг составил свыше 5 миллионов 130 тысяч экземпляров, его произведения переведены на тридцать пять языков мира! А вышла вся эта «река» из одного источника — им является роман «Пылающий остров».

Он постучался в дверь кабинета редактора, попросил разрешения войти, поздоровался с сидящим за столом человеком.

— Здравствуйте. Обождите минутку,— буркнул тот в ответ.

Гость, опираясь на тросточку, прошел к старенькому дивану. Ему не терпелось сказать, по какому поводу он здесь, но куда там — хозяин кабинета был занят, дописывал срочный материал в номер.

Только спустя полчаса редактор сухо спросил:

— Слушаю вас, гражданин. Вы по какому делу?

— Да есть одно дельце,— ответил гость, кладя на редакторский стол выписку из постановления Секретариата ЦК партии: «Утвердить редактором газеты «Уральский рабочий» Л. С. Шаумяна...»

— Ну что ж, принимайте дела,— развел руками редактор...

«Первая встреча со Львом Степановичем оказалась вот такой казусной,— вспоминает старейший уральский журналист Евгений Яковлевич Багреев.— Во-первых, обком партии не сообщил мне о назначении нового редактора, во-вторых, я принял его за обыкновенного беженца с запада — очередной, думаю, посетитель, часто они со своими бедами заходили в редакцию».

Лев Степанович Шаумян родился в апреле 1904 года

в семье профессионального революционера-большевика Степана Шаумяна. С юношеских лет стал активным революционером. Ему поручали ответственные задания. Так, летом 1918 года он был направлен бакинскими коммунарками с письмом к В. И. Ленину.

«...до сих пор ощущаю внутреннее потрясение от первой встречи с Лениным, вижу и слышу его — человека небольшого роста, с красивым лбом, пронзительнейшими глазами, улыбающегося», — вспоминал позднее Л. Шаумян.

Лев Шаумян участвовал в ликвидации мятежа мусаватистов, в стычках с ирано-турецкими войсками, сидел в англо-эсеровских тюрьмах.

В сентябре 1918 года была учинена зверская расправа над 26 бакинскими комиссарами, среди них был и Степан Шаумян.

В тюрьму попали и Лев Шаумян с братом. Лев был тяжело ранен в ногу, но находился под строгим надзором. В марте 1919 года по требованию бакинских рабочих Л. Шаумян и его брат были освобождены из тюрьмы.

В апреле 1919 года в Баку Лев Шаумян был принят подпольным комитетом в партию.

После окончания Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова в Москве Шаумян — на пар-

КАБИНЕТ РЕДАКТОРА

Хожа ГЕРИХАНОВ

тигой работе, с середины 1932 года редактировал областные газеты в Ростове-на-Дону, Челябинске, Ленинграде, Москве.

В газете «Уральский рабочий» Льва Степановича Шаумяна быстро узнали как человека высокой культуры, с душой нараспашку, весьма общительного. Не было случая, чтобы он кого-нибудь обидел, зато он любил и умел пошутить, посмеяться, развеселить человека с плохим настроением...

Гитлеровцы потерпели сокрушительное поражение под Москвой. Приближался новый 1942 год. Тогда в редакции родилась идея обратиться с новогодним письмом к Верховному Главнокомандующему. Обком партии горячо поддержал эту инициативу. К сочинению текста письма Л. Шаумян привлек известную поэтессу Агнию Барто, заведующих отделами редакции Иосифа Ликстасова и Сергея Александрова. Трудились они усердно, спорили отчаянно, обращались за советом, как к третьей инстанции, к секретарю обкома партии Ивану Степановичу Пустовалову.

Проект письма был напечатан в виде плаката массовым тиражом и разослан по области. Его обсуждали на предприятиях, в колхозах, совхозах, МТС, в учреждениях, учебных заведениях, подписали письмо 1017 237 человек.

1 января 1942 года документ был опубликован в центральной прессе и в «Уральском рабочем». В нем подробно рассказывалось, как трудятся гвардейцы тыла, какое оружие куют, кто особенно отличился в соревновании за лучшую помощь фронту. Заканчивался документ обязательством трудящихся Свердловской области «отдать все силы, работать дни и ночи, чтобы в новом, 1942 году удвоить, утроить выпуск всех видов вооружения и боеприпасов, еще лучше снабжать всем необходимым нашу доблестную Красную Армию...»

В тексте были и стихотворные строки, в том числе и припев из песни «Уральцы бьются здорово». Слова песни принадлежат Агнии Барто, музыку написал Тихон Хренников. Опубликованная с нотами в «Уральском рабочем», песня эта стала популярной:

Нам светят, товарищ,
Победы огни.
Мы время сжимаем
В горячие дни.
Колхозник и токарь,
Танкист и кузнец
Вместе врагу мы
Готовим конец.

А припев был таким:

Уральцы бьются здорово,
Эх, бьются здорово!
Нам сил своих не жаль.
Еще в штыках стальных,
В штыках Суворова,
Она горела и сверкала,
Наша сталь.

Песня получила первую премию на организованном редакцией «Уральского рабочего» и отделением Союза писателей конкурсе массовых песен «Урал — кузница оружия».

Яркой приметой грозных лет была переписка на страницах «Уральского рабочего» сталевара Верх-Исетского металлургического завода Нуруллы Базетова и пулеметчика Рузимата Усманова.

Усманов писал Базетову:

«Я на фронте с первых дней войны. Если подсчитать, так за это время от моей руки полегло немало фашистов... Счет нарастает с каждым днем — это счет мести, счет ненависти и расправы. Вы у мартена, я у пулемета — давайте вместе бить врага, ворвавшегося в пределы нашей любимой Родины.»

Базетов отвечал:

«Я стараюсь давать металла как можно больше и высокого качества... Несколько тысяч тонн я выплавил сверх годового плана. Все плавки сделал точно по заказу. Кроме того, за год сэкономил целый эшелон топлива... Обещаю варить сталь и впредь только скоростными методами... Пусть наш уральский металл как можно скорее залетит глотку всей фашистской нечисти.»

На Урале тогда действовали выездные редакции «Правды», «Комсомольской правды», «Труда». Выездные редакции «Уральского рабочего» направлялись в горячие точки — на помощь в быстрейшем выполнении заданий Государственного Комитета Оборона по вынужденному танков и другой военной техники, по строительству новых объектов. Во главе выездной редакции на Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле был Л. С. Шаумян. За работу здесь он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Лев Степанович Шаумян привлек к участию в газете широкий круг самых разных людей. Частыми гостями «Уральского рабочего» были ученые-историк В. В. Данилевский, художники А. Н. Яр-Кравченко и П. В. Васильев; композиторы Д. Покрасс и Т. Хренников, московские артисты — да всех, кто дружил с Л. Шаумяном и газетой, не счесть! Нередко в кабинете редактора звучала музыка — за роялем садились композиторы Хачатурян, Хренников, Щелоков...

Самыми желанными гостями, кого газета принимала поистине с распростертыми объятиями, были прозаики и поэты. Впрочем, большинство из них были не гостями, а сотрудниками. Это были авторы, выступавшие в газете и по своей инициативе и по просьбе редакции. Прежде всего это надо сказать об О. Д. Форш. В Свердловск она приехала будучи широко известной писательницей, автором многих романов.

Почти три года жила в Свердловске Мариэтта Шагинян, и родным домом для нее была редакция «Уральского рабочего». Здесь она появлялась преимущественно по вечерам или даже глубокой ночью, когда комнаты Дома печати начинали пустеть. А основное время проводила у сталеплавильных печей, в цехах.

Федор Васильевич Гладков приехал в Свердловск с поручением газеты «Известия» показать, как идет перестройка промышленности на военный лад, написать очерки о труде рабочих на эвакуированных заводах. Он подружился с П. П. Бажовым, бывал у него дома. Помимо газетных материалов Гладков написал изданную в Свердловске в 1942 году небольшую книгу «Мы победим!»

Анна Александровна Караваева работала на Урале

корреспондентом «Правды», почти всегда она была в командировках, писала корреспонденции, очерки, статьи не только в свою газету, но и для местной печати. В 1943 году А. Караваева написала книгу документальных повестей о сталеварах-новаторах.

Корреспондентом «Красной звезды» в апреле 1944 года приехал в Свердловск Алексей Александрович Сурков. На Урале он написал серию очерков, которые опубликовала «Красная звезда» под общим заголовком «Огни большого Урала». В них воспевалась героиня тыла.

Словом, страницы «Уральского рабочего» стали трибуной для выступлений многих известных советских писателей и поэтов. И к каждому из них с большим уважением относился Л. Шаумян. Порой прямо в его кабинете создавались произведения, как, например, сказ П. П. Бажова «Главный вор». И вообще Лев Степанович и Павел Петрович были большими друзьями. Павел Петрович делился с редактором своими творческими планами, знал, что тот всегда даст хороший совет, поможет.

В августе 1943 года бюро горкома партии вынесло решение вновь открыть Дворец пионеров. Член горкома партии Л. С. Шаумян помог сделать это. Деятельную помощь оказал он и в организации для детей фронтовиков пионерского лагеря в деревне Кашино. Весной 1943 года начал свою жизнь знаменитый Уральский народный хор. И рождение хора происходило при горячем участии Л. С. Шаумяна.

В 1946 году Л. С. Шаумян уехал на учебу в Москву. После окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС долгое время работал в издательстве «Советская энциклопедия», был заместителем главного редактора.

25 мая 1971 года Л. С. Шаумян выступал по Центральному телевидению, рассказывал о 26 бакинских комиссарах. Передача подошла к концу, а он остался в кресле — сердце вдруг остановилось...

На снимках: Л. С. Шаумян и П. П. Бажов; Л. С. Шаумян и А. А. Сурков. Снимки публикуются впервые.

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

Тяжелый «КВ» из Челябинска, командиром экипажа которого стал заводской слесарь Александр Бойко, 7 ноября 1941 года защищал подступы к Москве.

В декабре 41-го командир погиб. Его место занял Закир Юсупов, бывший мастер механического цеха... Больше года разил врага бесстрашный экипаж, укомплектованный первыми челябинскими добровольцами. Танку дали на фронте имя «Илья Муромец».

Только на защиту Москвы в 1941 году Урал направил 16 стрелковых дивизий и 10 стрелковых бригад...

375-я Уральская Харьковско-Бухарестская Краснознаменная стрелковая дивизия освободила от фашистского ига 1205 населенных пунктов; уральская 175-я дивизия взяла ключи

от Потсдама; в рядах уральской 167-й дивизии сражались более ста Героев Советского Союза.

За первую декаду февраля 1942 года в школах Тюмени собрано 1255 вещей для детворы освобожденных от фашизма районов — верхней одежда, платья, фуфайки, костюмчики, шапки, платки, чулки, посуда, игрушки, книги...

Железнодорожники Тюмени решили построить для фронта на свои деньги поезд-баню. Весь город подключился к работе: собрали к весне 42-го более 200 тысяч рублей — на две бани на колесах!...

Мастерство, искусство ижевских оружейников давно известно. С 1941 года они начали выпускать для фрон-

та и 37-миллиметровую авиационную пушку, хотя для этого потребовалось создать 900 (!) новых видов приспособлений, 4000 (!) калибров, 2000 (!) видов нового инструмента.

В годы войны ижевцы освоили выпуск более десяти видов боевой продукции, стали главными поставщиками стрелкового оружия.

А. Д. Швецов был известен в нашей стране как создатель первого советского авиадвигателя. Под руководством выдающегося конструктора на Пермском моторостроительном заводе в годы войны были выпущены тысячи двигателей для истребителей Ла-5 и Ла-7. Завод поставлял также моторы для пикирующих бомбардировщиков Пе-2.

Командир 2-й чехословацкой бригады «За свободу славян» Е. П. Волянский, 1944 г.

Младший лейтенант С. Ф. Кырчанов, 1942 г.

Однажды, ремонтируя квартиру, я снимал старые обои. На стенах кое-где остались обрывки пожелтевших газет. Из любопытства попытался прочесть частично сохранившуюся страницу «Комсомольской правды» за 19 сентября 1942 года: «...но продолжал вести бой. Протаранив и сбив один «мессершмитт», летчик благополучно...» Дальше текста не было.

А ведь это подвиг! Кто он, этот воздушный герой?

Не составляло труда взять в библиотеке подшивку «Комсомолки» за 1942 год. И вот под рубрикой «Фронт-овая хроника» читаю:

«На летчика Кырчанова, возвращающегося с задания, напали три немецких истребителя. Горючее у Кырчанова кончалось, он был ранен в руку, но продолжал вести бой. Протаранив и сбив один «мессершмитт», летчик благополучно опустился с парашютом».

Кырчанов. Жив ли он? Разыскать человека, зная лишь одну фамилию, да еще через десятки лет после войны — дело почти безнадежное.

Переворочил множество книг о летчиках, прежде чем попалась в руки брошюра «Воздушный таран» А. Ф. Важина. В очерке «На бреющем полете» описывалось, как Герой Советского Союза майор Г. А. Троицкий протаранил фашистский самолет. Малая высота не позволила советскому летчику спастись. Далее автор рассказывал: «На аэродроме шел митинг личного состава 721-го истребительного авиаполка. Однополчане провожали в последний путь командира эскадрильи майора Троицкого».

Слово взял летчик-истребитель Степан Кырчанов:

— Я буду до последней капли крови сражаться с врагами, беспощадно разить их метким огнем. А если потребуется, то пойду на таран...»

Теперь, кроме фамилии пилота, стали известны его имя, номер авиачасти, в которой он сражался. Это облегчило поиск. Вскоре из архива Министерства обороны СССР пришел официальный документ: «Младший лейтенант Степан Федорович Кырчанов, рождения 1917 года, демобилизовался из рядов Советской Армии в 1946 году. В 1950-м состоял на военном учете в Краснотурьинском военкомате Свердловской области».

Звоню в Красноуральск. Выясняется, что Степан Федорович жил там, но в 1955 году переехал в Богданович. Обращаюсь по новому адресу — опять неудача: Кырчанов уехал в Артемовский... В конце концов нашел его в Свердловске. Встретились. Сразу стала ясна причина его частых переездов: он работал в разных партиях Уральского геологического управления.

...Осенью прошлого года С. Ф. Кырчанов посетил Чехословакию. Как бывший командир партизанского отряда имени Тельмана он участвовал в праздновании 40-летия Словацкого национального восстания. А за несколько лет до этого в «Книге летописи» чехословацкого поселка Томашевцы появилась запись:

«Местный народный Выбор на праздничном заседании единогласно постановил: Степана Кырчанова именовать почетным гражданином поселка Томашевцы».

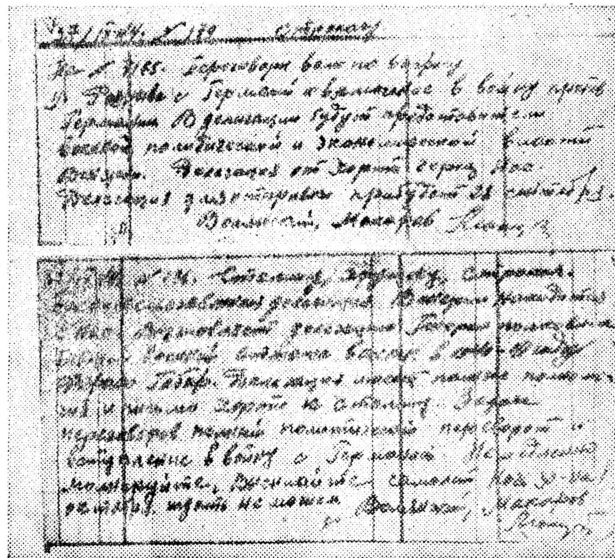
С. Кырчанову присвоено также звание почетный гражданин города Зволена.

В Чехословакию Кырчанова забросила суровая военная судьба. С первых дней Отечественной войны он сражался в составе 721-го истребительного авиаполка. О том, как воевал Степан Кырчанов, говорится в письме комиссара авиаполка майора А. И. Голубенкова, адресованное матери пилота Ольге Моисеевне Кырчановой из маленькую уральскую станцию Таватуй:

«Командование части выражает Вам большую бла-

В СЛОВАКИИ, В СОРОК ЧЕТВЕРТОМ...

Александр АБРАМОВ

годарность за то, что Вы воспитали такого мужественного и храброго сына. Он доблестно защищает нашу любимую Родину и Вашу спокойную старость... В одной из воздушных схваток он вступил в единоборство с тремя вражескими самолетами. Фашистам удалось подбить его машину, но Степан не покинул поле боя. Он пошел на таран и богатырским ударом сбил гитлеровца. А сам спасся, выбросившись с парашютом... Правительство наградило его орденом Красного Знамени. Отвечая на высокую награду, Степан за короткий срок сбил еще три самолета противника...»

В январе сорок третьего года тройка «лавочкиных» во главе с Кырчановым произвела разведку дорог в районе Курска. На обратном маршруте летчики внезапно атаковали шесть «месершмитов». В неравном бою Кырчанову удалось всадить точную очередь в фашистский истребитель, но и его «лавочкин» загорелся. Испытанным маневром со скольжением Степан сбил пламя. Однако прибор показывал, что давление масла катастрофически падало, значит, пробита масляная система. Летчик понял, что домой ему не дотянуть. Если без промедления не приземлится — гибель неминуема. Заметив мало-мальски подходящую поляну, пошел на вынужденную.

Поврежденный истребитель, пробороздив фюзеляжем поле, смолк. Летчик знал, что приземлился на вражеской территории.

Много дней и ночей он, раненый и голодный, пробирался на восток. В лесу лежал глубокий снег. С большим трудом преодолевал Степан каждый метр. Несколько раз терял сознание, падал в снег. Потом приходил в себя, поднимался и снова шел.

Последний раз сознание покинуло его, видимо, надолго. Когда он очнулся, то увидел прямо перед собой немецких солдат с автоматами наизготовку.

Плен. Концлагерь Мосбург, что под Мюнхеном.

...Кырчанов решил бежать во что бы то ни стало. Первый побег был, казалось, удачным. Почти семьдесят суток Степан чувствовал себя свободным. Он шел только ночами, обходя населенные пункты. Ему удалось переправиться через Дунай, он пересек австрий-

скую границу и оказался на чехословацкой земле. И здесь, близ селения Паланка, что восточнее Злина (ныне город Готвальдов), не уберется — нарвался на гитлеровцев. Его избili до полусмерти и отправили в лагерь Ламсдорф.

Спустя некоторое время Степан предпринял новую попытку вырваться из фашистской неволи. Но и на этот раз побег закончился провалом: его настигли и, как особо неблагонадежного военнопленного, отконвоировали в лагерь на окраину польского города Олава. Он знал, что если и в третий раз его поймут, то расстрелять не миновать.

Степану повезло: познакомился с двумя пленными летчиками, которые сообщили, что в лагере действует подпольная группа, устраивающая побег.

Прошел месяц. И однажды на утренней переключке охранники недосчитались двух заключенных, одним из них был Степан Кырчанов.

В деревне Сведерник Степан постучался в дом крестьянина Стефана Гложного.

Вскоре у Стефана Гложного нашел приют еще один советский офицер, бежавший из плена, — Мелетий Вотинцев, тоже уралец, из села Большая Соснова Пермской области.

Однако кто-то донес гестаповцам, что Стефан Гложный прячет у себя двух русских. Кырчанову и Вотинцеву в сопровождении местного коммуниста-подпольщика Павла Гривика пришлось поспешно уходить. Гривик помог раздобыть оружие и привел русских в район, где уже шла подготовка к Словацкому национальному восстанию.

Еще в июле сорок четвертого года по просьбе Московского правления Коммунистической партии Чехословакии Украинский штаб партизанского движения забрасывал в Словакию десантные группы советских партизан, а также словацких солдат и офицеров, перешедших на сторону Красной Армии.

Кырчанов с Вотинцевым попали во 2-ю чехословацкую партизанскую бригаду «За свободу славян», которой командовал Ладо Калина, а затем — капитан Евгений Павлович Волянский.

29 августа 1944 года началось Словацкое национальное восстание. На вторые сутки Волянский поручил Кырчанову и коммунисту Павлу Болко отправиться в город Зволен:

— Необходимо сколотить там партизанский отряд.

Не прошло и недели, как Кырчанов доложил Волянскому, что в отряд записалось более ста пятидесяти человек. Поначалу повстанцы кырчановского отряда, которому присвоили имя Эрнста Тельмана, базировались в замке Зволен, а когда в нем обосновался штаб Волянского, заняли оборону в населенном пункте Томашевцы, что на границе с Венгрией.

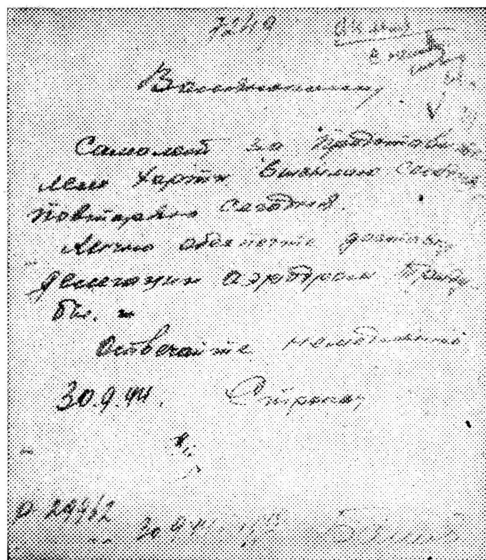
Два месяца отряд Кырчанова не давал покоя гитлеровцам. Партизаны взрывали мосты, нападали на тыловые подразделения, громили склады и обозы немцев, вели агентурную разведку. Дважды группа разведчиков во главе с Геннадием Щукиным ходила со специальным заданием на венгерскую территорию.

Словацкое восстание ширилось.

В архиве Украинского штаба партизанского движения сохранились донесения одной операции. Командир бригады капитан Волянский поручил Кырчанову провести ответственное задание. Это произошло, когда среди европейских союзников Гитлера осталась лишь одна Венгрия. В пограничном поселке Томашевцы, где держал оборону отряд имени Тельмана, появились венгерские связные: капитан Киш и граф Зичи. Они обратились к Кырчанову с просьбой помочь представителям фашистского диктатора Хорти встретиться с главным командиром партизанского соединения. Согласовав вопрос с Волянским, Кырчанов с группой автоматчиков, соблюдая все меры предосторожности, доставил в штаб бригады трех членов венгерской правительственной делегации: генерала Габора Фараго, графа Бела Телеки и советника министерства иностранных дел Домокоша Сент-Ивани.

После переговоров, в которых принимал участие и Кырчанов, на Большую землю ушла радиограмма: «Сталину, Хрущеву, Строчаку.

Правительственная делегация Венгрии находится у нас. Возглавляет делегацию генерал-полковник, бывший военный атташе в СССР в 1940—1941 годах Фараго Габор. Делегация имеет полные полномочия и письмо Хорти к Сталину. Задача переговоров — полный политический переворот и вступление в войну с Германией. Высылайте самолет ночью 30 на 1 октября. Сообщите. Ждать не можем. Волянский. Макаров».

Специальный самолет в обусловленное время прибыл на повстанческий аэродром. Вечером 1 октября из Киева радиовали о благополучном прибытии венгерской делегации.

Словацкое национальное восстание серьезно встревожило гитлеровских генералов. Для борьбы с повстанцами они перебросили в районы действия партизан отборные, отлично вооруженные дивизии «Рейх», «Хорст Вессель», «Татра», «Принц Евгений», а также авиационные части.

Штаб бригады принял решение уходить в горы. С тяжелыми боями через село Зволинская Слатина повстанческие отряды пробились в район Низких Татр.

Наступил ноябрь. В горах заметно похолодало, дожди сменялись снегопадами. Не хватало продуктов, одежда и обувь сильно поизносились. Фашисты надеялись, что повстанцы не вынесут лишения и погибнут. Но партизаны выстояли.

Прорывались одновременно в трех направлениях. Особенно тяжелое положение складывалось на правом фланге, где сражался отряд Кырчанова. С потерями партизанская бригада все же пробила брешь в обороне врага и вырвалась из окружения.

После войны Степан Федорович окончил Свердловский горно-металлургический техникум и последние годы работал в Уральском тресте инженерно-строительных изысканий. Сейчас он на заслуженном отдыхе, нередко встречается с летчиками-однополчанами и с бывшими партизанами — участниками Словацкого национального восстания. В Пермской области, например, свердловчанин был гостем своего боевого друга, сельского учителя Мелетия Ефремовича Вотинцева, а в Киеве встретился с командиром бригады Евгением Павловичем Волянским. Почти ежегодно С. Ф. Кырчанов бывает в Чехословакии, встречается с соратниками по борьбе, посещает места бывших сражений, где остались могилы павших партизан.

Бывший комиссар отряда Павел Болко по приглашению Степана Федоровича побывал в Свердловске.

Не забывает своего отважного командира-уральца словак Милош Марко, который работает в Братиславе заместителем генерального директора Чехословацкого телевидения. Он подарил Степану Федоровичу свою книгу «Черным по белому», выпущенную на русском языке московским издательством «Прогресс». На титульном листе книги — авторская надпись: «Товарищу Кырчанову С. Ф. с благодарностью за его героичество и вклад в освобождение Чехословакии».

Волнующая встреча произошла у Кырчанова в селе Сведерник со Стефаном Гложным — тем самым Гложным, который когда-то приютил его, спрятал от гестаповцев и помог перебраться к партизанам.

А спустя месяц из Сведерника пришло письмо.

«...Степан! Если можно будет, приезжай еще в Словакию, она тебя радостно примет. Еще живут люди, которые тебя знают и рады будут тебя видеть... Я, при моем здоровье, не решаюсь приехать к Вам, в такую далекую дорогу, но я мысленно всегда с тобой... Часы, которые ты мне подарил, стали в нашем доме самой дорогой реликвией. Мы носили их по очереди, сначала — жена Вероника, потом — я, затем — сыновья. Потом их положили на память внукам и внучкам, чтобы знали... что я имел славянских друзей, а если по правде сказать — братьев...

Навсегда твой брат Стефан Гложный».

«Дорогая редакция!

Прошу рассказать на страницах вашего журнала об оружии великой Победы, в частности — о гвардейских реактивных минометах. Один фронтовик рассказывал мне, что при острой нехватке времени — всякое ведь бывало на войне! — расчеты, обслуживающие тяжелые реактивные минометы, запускали снаряды прямо с заводской упаковкой... Как не гордиться смекалкой, сноровкой, находчивостью наших солдат!..

С. МАТВЕЕВ,

старший ветврач Сибайского мясокомбината»

Салют Победы венчал не только подвиг тех, кто с оружием в руках в смертельной схватке с врагом отстоял свободу и независимость нашей Отчизны. Он гремел и в честь тех, кто варил сталь, точил снаряды, строил танки и самолеты, кто своей трудовой доблестью был достоин воинской доблести фронтовиков, кто ковал оружие Победы.

...С первых дней войны фронт и тыл сжались в один кулак, страна превратилась в единый боевой лагерь. Более полутора тысяч предприятий, эвакуированных на восток страны, уже весной 1942 года вступили в строй. Строгое целенаправленное использование промышленных ресурсов позволило наладить выпуск военной техники и оружия в количествах, значительно превосходящих производство оружия у противника. В 1942 году выпущено почти 4,7 тысячи танков, 75,2 тысячи наземных артиллерийских орудий, 288 тысяч пулеметов, 1 миллион 506 тысяч 400 пистолетов, около 9,5 тысячи истребителей, 7,7 тысячи штурмовиков, более 2,5 тысячи бомбардировщиков. Уже с июля 1941 года армия стала получать «катюши». За первые полгода войны на фронт поступило 4220 реактивных установок.

В 1943—1944 годах более ста заводов, десятки научно-технических центров работали над созданием новейших образцов стрелкового, в первую очередь, автоматического оружия. Советский Союз в годы войны производил оружия и военной техники в два раза больше и лучшего качества, чем

Германия. Всего же советская промышленность с 1 июля 1941 года по 1 сентября 1945 года выпустила 112,1 тысячи самолетов, 102,8 тысячи танков и самоходных установок, 834 тысячи орудий и минометов.

Цифры весьма убедительные. И не вспомнить их сегодня нельзя хотя бы потому, что за рубежом есть немало фальсификаторов, пытающихся, с одной стороны, принизить достижения нашей экономики в годы войны, а с другой — чрезмерно преувеличить значение поставок нам вооружения союзными державами. В действительности же поставки союзников по ленд-лизу (ленд — давать взаимы, лиз — сдавать в аренду) составили: по зенитным орудиям — около 2 %, по самолетам — до 13 %, по танкам — 7 %.

Советская военная техника и оружие — свидетельство таланта наших ученых и конструкторов. В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев, С. Г. Симонов, В. Г. Федоров в годы войны разработали новые образцы стрелкового оружия. В. Г. Грабин, И. И. Иванов, Ф. Ф. Петров, Б. И. Шавырин сконструировали замечательные артиллерийские системы. А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, А. И. Микоян, М. И. Гуревич, А. Н. Туполев, В. М. Петляков создали боевые самолеты, обеспечившие превосходство в воздухе над врагом. Большая заслуга в создании отечественных танков принадлежит Ж. Я. Котину, Н. Л. Духову, М. И. Кошкину, Н. А. Кучеренко, А. А. Морозову.

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ:

«КАТЮША»,

«ВАНЮША»,

«АНДРЮША»

Борис МАРКОВ

Рисунок Ю. Морозова

ПЕРВАЯ РАКЕТНАЯ РОТА

Прообразом ракетного оружия, вероятно, были стрелы, к которым прикреплялась бумажная гильза, наполненная взрывчатым веществом, близким по своему составу к пороху. На Руси ракеты упоминаются в XVII веке Онисимом Михайловым в Уставе ратных, пушечных и других дел. В XVIII веке ракетами занимались К. В. Данилов и А. П. Демидов.

Изобретателем пороховых ракет был Александр Дмитриевич Засядко. Он участвовал в Отечественной войне 1812 года, заслужил шесть боевых орденов, пшягу «За храбрость» и чин полковника.

В 1815 году Засядко на собственные средства открывает пиротехническую лабораторию, где начинает работу по созданию боевых фугасных и зажигательных ракет, а также приспособлений для наведения и пуска их, позволяющих вести залповый огонь шестью ракетами.

После удачных испытаний Засядко получает большую известность, и в 1817 году ему присваивают чин генерал-майора. Оружие привлекает внимание фельд-маршала Барклая-де-Толли...

В 1826 году на Волковом поле близ Петербурга создается специальное ракетное заведение, которое становится своеобразным заводом по производству ракет. За 24 года здесь было изготовлено свыше 49 тысяч ракет.

В 1827 году формируется постоянная ракетная рота № 1, которой командовал подпоручик П. Ковалевский. А спустя год ракеты были впервые применены в русско-турецкой войне. Затем ракетная рота участвует в осаде Варны, в штурме Силистрии, в других боях.

Начатое дело продолжил русский инженер К. Константинов. Его ракеты успешно применялись в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Активное участие в создании ракетного оружия принял командир ракетной роты № 1 П. Ковалевский.

В конце XIX века в связи с быстрым развитием нарезной артиллерии ракеты временно потеряли свое значение. И лишь через полвека ракетное оружие появляется вновь.

РОЖДЕНИЕ БМ-13

В 1920 году сотрудники артиллерийского полигона под Петроградом В. А. Артемьев и Н. И. Тихомиров занимались изготовлением ракет. Неудачи следовали одна за другой: ракеты упорно не хотели летать.

Скептики советовали бросить затею — сколько людей уже билось над этим, а ракета так и осталась игрушкой для праздничных потех. До праздников ли сейчас?! Но конструкторы знали, что боевые ракеты А. Засядко и К. Константинова летали и поражали противника. И потом, уж слишком заманчивая идея поместить заряд, сообщающий движение, в самом снаряде, отказаться от дорогостоящего и тяжелых оружейных стволов, использовать лафет для пуска не одного, а одновременно многих снарядов. А если еще поставить пусковую установку на автомашину, — равной ей по маневренности артиллерийской системы не было бы!

И вот создана специальная лаборатория, названная впоследствии газодинамической. Часами Артемьев рассматривал в лупу пороховые шашки, служившие источником газов, необходимых для движения ракеты. Но всякий раз с досадой замечал разбегающиеся лучами тончайшие трещины. Из-за них-то и разваливались шашки, площадь горения при этом увеличивалась, лишний газ разрывал ракету.

Лишь спустя несколько лет Артемьеву удалось создать специальный порох. †

Получив шашки нужного качества, Артемьев и Тихомиров вместе с другими сотрудниками лаборатории начали разрабатывать два образца реактивных снарядов — калибров 82 мм и 132 мм. Особенно сложно было добиться устойчивости снаряда в полете. Какие только способы стабилизации не предлагались и не испытывались! Наконец для опытных образцов приняли стабилизатор в виде оперения, не выходящего за размеры снаряда.

3 марта 1928 года ракета, оставив длинный шлейф огня и дыма, взвилась в воздух. Определили расстояние от старта до места падения — около 1300 метров. Победа? Не совсем. Хотя снаряд оказался достаточно устойчив в полете, точность попадания оставляла желать лучшего...

К 1930 году в лаборатории были в основном отработаны два образца снарядов: 82-миллиметровый пролетел 5 тысяч метров, а 132-миллиметровый — даже 6 тысяч. Но вот точность по-прежнему не удовлетворяла ученых. А когда перешли к образцам с оперением, выходящим за габариты снаряда, она значительно повысилась.

Оба снаряда после тщательной доработки (она закончилась в 1937 году) были приняты на вооружение авиации. Почему? А потому, что пуск ракеты с летящего самолета благодаря сообщавшейся при этом дополнительной скорости позволял достигать точности попаданий большей, чем при стрельбе с наземных установок. Через год эти снаряды впервые в мире были применены в боевой обстановке на реке Халхин-Гол...

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

Трудящиеся Свердловской, Челябинской и Пермской областей внесли в фонд обороны к концу 1942 года 500 миллионов рублей.

В тылу так было повсюду. Люди сдавали в фонд обороны деньги и облигации Государственных займов, кольца, сережки, другие золотые украшения, отчисляли заработки.

На сессии Верховного Совета СССР в 1944 году было объявлено,

что общая сумма поступлений в этот фонд и реализации новых займов, лотерейных билетов превысила 54 миллиарда рублей.

Урал стал родиной самоходной артиллерии. В течение 1943—1945 годов было разработано 29 образцов САУ. Ведущим предприятием по их выпуску был Уралмаш. На мотовилихинском заводе в Перми готовили тяжелое вооружение для САУ.

...Когда гитлеровцы выставили новые тяжелые танки с «устрашающими» названиями «тигр» и «пантера», наши бойцы встретили их «зверобоем» — так называли они самоходную артиллерийскую установку «152». Броневой снаряд этой установки весом 48,7 килограмма имел начальную скорость полета 600 метров в секунду и крушил любую вражескую броню.

Уральские САУ были страшнее!

Немало творческого упорства проявили конструктор А. Костиков и его товарищи, чтобы обеспечить успех блестяще доказанной впоследствии на полях сражений мысли — создавать многозарядные, залповые наземные установки. Их пусковая установка имела 24 направляющих и монтировалась на шасси автомобиля «ЗИС-5». Испытания новой установки подтвердили правильность избранного пути, но выявили крупные недостатки опытного образца: огонь велся только попеременно, что приводило ее к раскачиванию при стрельбе, зарядание производилось спереди, что требовало много времени и создавало неудобства.

...Стояли обычные летние дни 1939 года. Что писали газеты о больших и малых событиях? Вот, к примеру: «Управление завода «Красное Сормово» отпускает своим рабочим долгосрочную ссуду в сумме 3 миллиона рублей на индивидуальное жилищное строительство. В этом году сормовичи построят около 500 новых жилых домов». Или: «Студия Дома художественной самодеятельности Советского района г. Москвы показала трехактную пьесу Е. Шварца «Снежная королева»... Особенный успех выпал на долю Юры Катина-Ярцева, игравшего сказочника...»

Но об одном из значительных событий тех дней страна узнала только через много лет: 7 июня 1939 года под Москвой успешно прошли испытания установки залпового огня, имевшей 16 рельсообразных направляющих и смонтированной на шасси автомобиля «ЗИС-6...» («Правда», 3 сентября 1981 года).

Трехосные грузовые автомобили «ЗИС-6» имели необычный вид. На них были установлены сооружения, напоминающие мостовые фермы. Стрельба велась поверх кабины водителя. Зарядание производилось с казенной части, сзади. Позже эти установки получили наименование БМ-13. За несколько секунд установка выпускала 16 мощных снарядов.

21 июня 1941 года, буквально за несколько часов до начала войны, после осмотра образцов ракетного оружия руководителями партии, правительства и представителями Красной Армии было принято решение о развертывании серийного производства реактивных снарядов М-13 и пусковой установки БМ-13 и о начале формирования ракетных войсковых частей. Ни в одной из армий капиталистических государств в середине 1941 года не было реактивных снарядов и пусковых установок, подобных советским. Так было положено начало существованию полевой реактивной артиллерии.

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Рапорт с просьбой отправить на фронт слушатель Военной артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского Иван Андреевич Флеров написал 22 июня. Именно там больше всего нужны его знания и фронтный опыт, полученный в боях с белофиннами, — в то время Флеров командовал гаубичной батареей. За мужество и отвагу, проявленные в боях у озера Сауноари, он был награжден орденом Красной Звезды.

На шестой день войны Флерова вызвали в Главное артиллерийское управление Красной Армии. Заместитель начальника управления по специальному вооружению военный инженер 1-го ранга Аборенков сразу же зачитал приказ Народного комиссара обороны: капитан Флеров назначается командиром экспериментальной артиллерийской батареи Резерва Главного Командования. Аборенков от себя добавил, что, собственно, батареи еще нет, ее предстоит сформировать, а техника уже прибыла. Предупредил: она совершенно секретна. Новое оружие не прошло войсковых испытаний, так

что придется испытания проводить в боевой обстановке. Срок на формирование батареи и освоение техники — трое суток.

В Московском артиллерийском училище началось комплектование взводов и расчетов. Отбирали лучших — артиллеристов, электриков, водителей, связистов. В основном эти были коммунисты и комсомольцы.

Батарея имела в своем составе около 170 человек. 44 транспортные автомашины позволяли одновременно перевозить 600 реактивных снарядов, а также снаряды пристрелочной гаубицы, горюче-смазочные материалы, достаточные для трех заправок автотранспорта, и семисуточную норму продовольствия.

Расчет, БМ-13 состоял из семи человек. На пусковой установке в два ряда располагались шестнадцать 132-миллиметровых снарядов весом 42,7 килограмма каждый. Максимальная дальность полета снаряда — 7900 метров.

В 10 часов утра 1 июля Флеров и военный инженер Кривошапов доложили Аборенкову: батарея сформирована, личный состав обучен и готов выполнить боевое задание.

На Западном фронте наши войска с тяжелыми боями отходили на восток. Вражеские танки ворвались в Оршу.

Утром 14 июля Флерова и Кривошапова вызвал заместитель начальника артиллерии Западного фронта генерал Г. Кариофили. Приказ был коротким: уничтожить вражеские эшелоны, скопившиеся на станции.

БМ-13 развернулись на окраине леса, примыкавшего к шоссе.

Первой открыла огонь пристрелочная гаубица. После уточнения координат стрельбы капитан Флеров командовал: «Огонь!» Часы показывали 15 часов 15 минут. Раздался громopodobный рокот. Огненной стеной ушли в небо десятки реактивных снарядов. А спустя несколько секунд земля содрогнулась. Вагоны, станционные строения, железнодорожные пути окутало море огня. Пылали танки, автомашины, орудия. Уцелевшие гитлеровцы в панике разбегались.

Враг не скоро пришел в себя. Лишь через час на станцию Орша прибыли специальные команды, чтобы погасить пламя. В воздухе появились фашистские самолеты. Они бомбили, поливали пулеметным огнем лес, откуда был произведен залп, но батареи там уже не было.

На пять суток было задержано продвижение вражеских танковых колонн со стороны Орши!

Между тем всего через полтора часа после первого залпа флеровцам пришлось еще раз вступить в бой. Батарея, совершив стремительный марш, остановилась неподалеку от переправы через реку Орщица. При отходе наши части не успели уничтожить ее. С десяток танков и бронетранспортеров врага вступили на настил, и Флеров дал команду: «Огонь!» Над переправой взметнулись клубы дыма и огня. Ее разнесло в щепки, танки и бронетранспортеры сбросило в воду...

Поздним вечером 14 июля Флеров получил приказ срочно направить батарею под Рудню: там резко обострилась обстановка, крупные силы танков и мотопехоты врага штурмовали позиции 229-й стрелковой дивизии, пытаясь прорваться к Ярцево и оседлать шоссе Смоленск — Москва.

Занималась утренняя заря, когда батарея прибыла в указанный район. Вскоре раздался рев реактивных снарядов. Лавина огня накрыла цель. Не успели фашисты прийти в себя, как последовали еще два точных залпа. Врагу были нанесены такие потери, что он вывозил раненых и подбирал убитых, остановив на-

ступление на сутки. В ставку Гитлера срочно полетели донесения: «Русские применили многоствольную огнеметную пушку, наносящую удары потрясающей силы...», «...на Восточном фронте у русских появилось реактивное оружие... На том месте, где лег его залп, мгновенно плавится железо и горит земля...» Из ставки последовал приказ: во что бы то ни стало захватить русскую реактивную установку.

Забегаю вперед, скажу: ни одна установка за все время войны не была захвачена фашистами.

В августе на Резервный фронт прибыли три батареи реактивных установок. Сюда же перебросили и батарею капитана И. Флерова. А когда в начале сентября на фронте появилась батарея капитана В. Смирнова, впервые сложилось нечто вроде оперативной группы реактивных подразделений.

С двадцатых чисел августа 24-я армия Резервного фронта наносила контрудар под Ельней. Командующий фронтом генерал Г. Жуков собрал в кулак все батареи реактивных установок. В ночь на 6 сентября их залпы прогремели в полосах атакующих 19-й, 100-й и 107-й дивизий. Особенно эффективные удары были нанесены по главному узлу обороны противника в селе Ушаково. Спустя много лет Маршал Советского Союза Г. Жуков писал: «РС своими действиями производили сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым велся обстрел РС, и видел полное уничтожение оборонительных сооружений. Ушаково — главный узел обороны противника — в результате залпов РС было полностью разрушено, а убежища завалены и разбиты».

...Поздним вечером 2 октября батарея капитана Флерова передислоцировалась под Рославль. Ночью она выехала из предместьев Ельни и свернула на грунтовую дорогу, пересекающую лес. От встречных солдат Флеров узнал, что вражеские танки прорвались на Юхнов. Если так, то... На рассвете флеровцы встретились с батареей старшего лейтенанта Черкасова — она тоже следовала в сторону Рославля. Оказалось, что Черкасов располагал такими же сведениями. Вышло, что батареи — во вражеском тылу?! Решили стать на дневку. А за это время провести разведку. Командир разведки лейтенант М. Науменко доложил, что гитлеровцы уже восточнее Рославля, они навели переправу через реку Стомать, а до переправы путь свободен. Флеров и Черкасов решили ударить по переправе и скопленню врага, а затем форсированным маршем уйти в сторону Вязьмы. Вскоре к переправе подошла большая колонна вражеских машин. Прогрохотали залпы двух батарей. Переправа вместе с техникой и живой силой фашистов взлетела на воздух...

Вечером 7 октября Флеров вывел батарею к лесу, за которым находилась деревня Богатырь. Машины

одна за другой зашли в самую чащобу леса. Их укрыла непроглядная осенняя темнота. Разговаривать командир запретил. Было тихо. Казалось, ничто не предвещало беды...

К деревне подъезжали с потушенными фарами. И вдруг с двух сторон на батарею обрушился огонь врага. Флеров выскочил из кабины. В то же мгновение неподалеку разорвался снаряд. Командира ранило. Но он успел отдать команду, и тут же огненные стрелы снарядов сошли с направляющих. А вслед за этим взлетела на воздух БМ-13 — Флеров вместе с собой взорвал установку. Фашистов охватила паника. Пользуясь паникой врага, расчеты подорвали и остальные установки.

Спустя два-три дня после тревожной ночи братья Бабулкины и Кащеев вместе с жителями деревни похоронили погибших бойцов и командиров. Втайне от оккупантов они сняли с капитана Флерова и других офицеров пистолеты, пластмассовые патрончики с записками, в которых были указаны звание, фамилия, имя, адрес семьи. Все это передали учительнице с просьбой сохранить до возвращения наших войск.

(Жители деревни рассказали, что работала тогда в начальной школе учительница комсомолка Шура Ерошенкова. После возвращения наших войск, в 1943 году, она уехала из деревни. Александру Михайловну (ныне ее фамилия Лихачева) с помощью адресных столов удалось найти под Москвой. Она подтвердила, что ей передали оружие и опознавательные знаки капитана Флерова и его товарищей. Брат Шуры Николай вместе с сыном председателя колхоза Николаем Бойковым зарыли их. Вскоре по доносу предателя фашисты расстреляли комсомольцев Николая Ерошенкова и Николая Бойкова, обвинив их, в связи с партизанами. Найти спрятанные ими оружие и опознавательные знаки невозможно).

Наутро после гибели батареи гитлеровцы собрали обломки взорванных боевых машин, стащили их в кучу и поставили охрану. Несколько дней в обломках рылись какие-то фашистские чины. Затем обломки снова разбросали и сняли охрану, — разгадать секрет нового оружия не удалось.

Все оставшиеся в живых флеровцы храбро сражались с врагом. Некоторые из них — В. Овсов, А. Втюрин, Д. Матвеев, М. Науменко — стали командирами подразделений реактивных установок.

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

В октябре 41-го было принято решение создать в Ирбите мотоциклетный завод. Уже через четыре месяца первый эшелон с уральскими мотоциклами отправился на фронт.

На пожертвования юных сибиряков построены и ушли в бой с врагом авиаэскадрильи «Омский комсомолец», «Омский мопровец», звено катеров «Тюменский комсомолец», бронепоезд «Омский осовавиахимовец», тан-

ки «Павлик Морозов», «Малютка», самолет «Юный патриот Тюмени»...

Газета «Тобольская правда» опубликовала 21 марта 1943 года письмо первоклассницы Оли Танкилевич:

«Дорогой дядя редактор! Я прошу мое заявление напечатать в газете. Мне 7 лет, но я уже хожу в школу. Учусь хорошо. Я слышала по радио, что все дети вносят свои деньги на танк «Малютка». Я тоже вношу свои 101 рубль и 18 копеек и прошу

передать бойцам на фронт, чтобы они скорее разбили фашистов, а я вернулась в свое Запорожье».

Я прошу всех ребят внести свои деньги на танк «Малютка», который поможет Красной Армии разбить немцев».

За годы войны Верх-Нейвинским заводом Свердловской области было переплавлено более двух тысяч «мессершмиттов», «хейнкелей» и «юнкеров».

ПОЧЕМУ — «КАТЮША»?

Грозному реактивному оружию фронтовики дали имя «катюша». Кто и когда сделал это — неизвестно. Существует несколько версий.

На пусковых установках стояла заводская марка «К» (Воропежский завод имени Коминтерна). Вероятно, это и породило среди бойцов, обслуживающих их, импровизированное название «катюша», быстро распространившееся в войсках.

Другая версия. «...Мы вчитывались в строки сообщения Информбюро и гадали, — вспоминает офицер-артиллерист В. Дружинин, в годы войны служивший на подмосковном артиллерийском полигоне, где испытывалось новое оружие. — Целый залп? Значит, пушка автоматическая. В районе поражения все горело? Ясно: снаряды зажигательные — термические. Огненные хвосты? И тут понятно — это ракеты. А кто тогда считался их создателем, мы знали: Костиков!

После войны стало известно, что создателем реактивных снарядов и пусковых установок был коллектив конструкторов. Но тогда, в далеком 1941-м, имя Костикова было хорошо знакомо в кругах военных и связывалось с новым оружием.

— Да ведь это КАТы, — сказал я тогда представителю Наркомата боеприпасов А. Слуцкому. — Костиковские автоматические термические — сокращено КАТ...

Как ни странно, слово КАТ применительно к новому оружию быстро прижилось среди нас. На полигон часто приезжали фронтовики, узнавали это слово... Отсюда было уже недалеко и до «катюши», тем более что в тактике использования нового оружия многое перекликалось с песней: «Выходила на берег Катюша...»

Еще одна версия. Бывший начальник цеха московского завода имени Владимира Ильича Ленина С. И. Невструев вспоминал: «Как появилось название? Можно только предполагать. Скорее всего где-то на передовой получили партию реактивных снарядов. Распаковали и прочли на корпусе сделанную мелом надпись: снаряд Кати такой-то. Автографы наших рабочих на снарядах были не редкостью».

ОГОНЬ ВЕДУТ «КАТЮШИ»

Формирование частей полевой реактивной артиллерии (РА) началось в августе 1941 года. Им сразу же присваивалось наименование гвардейских. Делалось это для того, чтобы подчеркнуть большую значимость нового оружия и особые требования к укомплектованию частей личным составом. В эти части направлялись преимущественно коммунисты и комсомольцы. Были случаи, когда формировались исключительно комсомольские полки.

«Катюши» успешно применялись во всех крупных наступательных и оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Они действовали в основном на главных направлениях как средство усиления войск. Мощь этого оружия сыграла немалую роль под Сталинградом. В передовой статье «Гордость Красной Армии» газета «Красная звезда» 17 марта 1943 года писала: «На первом этапе боев, когда полчища немецко-фашистских захватчиков бешено рвались к Сталинграду, 18-й гвардейский минометный полк, ныне награжденный орденом Красного Знамени, вместе с другими частями Красной Армии упорно и стойко бился за каждый метр советской земли. 30 августа под деревней Ивановка (юго-западнее Сталинграда) противник пытался массированным танковым ударом прорваться к Бекетовке, выйти к Волге. 18-й гвардейский минометный

полк мужественно отразил натиск немцев, открыл с предельно короткой дистанции уничтожающий огонь по фашистским танкам. В результате трехчасового боя немцы отошли, оставив 24 сожженных и 8 подбитых машин. Во время другой вражеской атаки полк уничтожил 37 немецких танков из 80, ринувшихся на наши позиции».

В ночь на 31 января 1945 года группировка противника прорвала кольцо окружения и начала продвигаться на соединение со своими войсками на левом берегу Вислы. Одна из вражеских колонн вышла к огненным позициям 325-го гвардейского минометного полка с тыла. «Катюши» открыли огонь по фашистам прямой наводкой. Враг не прошел.

В декабре 1942 года в войсках приступили к созданию первых четырех гвардейских минометных дивизий. На вооружении дивизии имелось 96 боевых установок БМ-13 («катюши») и 576 рам М-30 («ваюши»). Залп дивизии составлял 1536 мин М-13 и 2304 мины М-30 общим весом 230 тонн.

«Ваюши» — так их называли солдаты — отличались от «катюш». Это были установки, состоящие из металлических рам, приподнятых под углом, а на них размещались двухметровые снаряды. Стоял каждый «ваюша» на земле, а не на автомашине. Включалось зажигание, и огромный снаряд уносился в сторону врага.

Подчас единичные реактивные снаряды запускались непосредственно из ушаковки. Стрельба в этом случае велась так: снаряд в ящике укладывался на подоконник или в пролом стены, наводился на цель. Присоединялся электропровод и в нужный момент производился выстрел. При дальности 150 метров снаряд М-13 пробивал кирпичную стену толщиной до 80 сантиметров. Наши солдаты нарекли этот вид оружия «андрушей».

«Катюши» применялись не только как полевая реактивная артиллерия. История минувшей войны знает случаи, когда гвардейские минометы использовались на бронепоездах. 31-й отдельный особый Горьковский дивизион бронепоездов состоял из двух бронепоездов — «Илья Муромец» и «Кузьма Минин». На двух зенитных площадках располагались реактивные установки, предназначавшиеся для монтажа на шасси танка. Удлиненные направляющие повышали точность 24-снарядного залпа.

В начале апреля 1942 года «Илья Муромец» и «Кузьма Минин» прибыли на боевой участок в районе станций Скуратово — Чернь — Мценск. Первый залп бронепоезда произвели по скоплению эшелонов гитлеровцев на станции Мценск. В несколько секунд 96 осколочных и зажигательных реактивных снарядов ушли к врагу. Сменили позиции. Через полчаса прогремел второй залп.

Залпы «катюш» нанесли большой урон противнику на станциях Жлобин и Карачев, на крупном железнодорожном узле Брянск-II. Вели бронепоезда огонь по району вокзала и станции Ковель во время тяжелых боев у стен этого города.

В годы второй мировой войны только в Советской Армии полевая реактивная артиллерия выросла в новый вид артиллерии, имеющий свою систему вооружения, организацию и вполне сложившиеся методы боевого применения.

ГДЕ ИХ ДЕЛАЛИ

«Здесь в суровые годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. рабочими завода «Компрессор» ковалась грозное для врага оружие — реактивные мино-

меты, прославленные «катюши». Такие слова написаны на мемориальной доске, укрепленной недалеко от проходной этого московского завода.

30 июня 1941 года завод получил правительственное задание: готовиться к производству установок для пуска 132-миллиметровых реактивных снарядов. Это была задача чрезвычайной сложности. Опыта по артиллерийским заказам у компрессорщиков не было, потребного оборудования — тоже. В первые дни войны на фронт ушли сотни квалифицированных рабочих... Правильное, можно сказать, единственно верное решение принял и провел в жизнь главный конструктор завода В. П. Бармин. Он объединил две конструкторские службы, сформировал штаб из ведущих конструкторов. К работе были привлечены предприятия-кооператоры. На первых порах организовали консультации авторов опытной установки.

В октябрьские дни сорок первого, когда фашистские орды рвались к Москве, завод получил приказ эвакуироваться на Урал. Прибыв на новое место, коллектив уже через десять дней выпустил первую боевую машину БМ-13.

На завод прибыли учащиеся школ ФЗО, многие предприятия направили сюда своих рабочих. Вскоре было создано 57 комсомольско-молодежных бригад. Трудились по 12 часов в сутки, порой не покидая цехов. Спали урывками.

Не простаивало и оборудование, оставшееся в заводских цехах столицы. Вначале оно использовалось для ремонта «катюш», а потом было принято решение вновь начать производство боевых установок. Несмотря на нехватку нужных узлов, деталей, приборов, москвичи вскоре начали поставку продукции.

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР есть необычный экспонат — старенький и маломощный токарный станок. Установлен он по соседству с легендарной «катюшей». Соседство не случайное. Перекочевал станок в музей с завода имени Владимира Ильича. Когда завод эвакуировали на восток, остался один лишь

механический цех. Осенью 1941 года цех получил необычное задание. Долго и внимательно рассматривали инженеры цеха чертежи нового оружия. Снаряды — словно кислородные баллоны, только сзади крылья стабилизаторов... За станки встали подростки, девушки, старики, наспех обученные. Стараются. Только детали не простые. Каждую втулку на станке по несколько раз закреплять приходится. А зажим ручной. Вот силенок у многих и не хватает. Бригадир инструментальщиков П. Талынин предложил оборудовать станки пневматическими зажимами. Это было впервые в нашей стране. Выпуск деталей для «катюш» сразу увеличился...

За годы Великой Отечественной войны оборонная промышленность страны изготовила около 10 тысяч «катюш».

Еще не закончилась вторая мировая война, когда в небе Хиросимы и Нагасаки прогремели атомные взрывы. Варварская атомная бомбардировка не вызывалась никакой военной необходимостью. Единственная цель ее — запугать Советский Союз, доказать военнотехническое превосходство США. Империалисты начали безудержную гонку вооружений.

Естественно, в таких условиях партия вынуждена была предпринять энергичные меры для укрепления обороноспособности нашей Родины. Среди нового оружия, в частности межконтинентальных и баллистических ракет, созданных нашими учеными, видное место занимают современные «катюши». Впервые мы увидели их на ноябрьском параде 1952 года, когда по Красной площади столицы прошли новые системы реактивной артиллерии. Система БМ-14, например, представляла собой 16-ствольную самоходную установку на шасси автомобиля «ЗИЛ-151». Дальность ее стрельбы составляла 10 километров. При полете снаряд вращался вокруг продольной оси, что обеспечивало его устойчивость. БМ-14 имела хорошую маневренность, могла открыть огонь через 1,5 — 2 минуты после сигнала.

Майским вечером мы возвращались из Домашинского Дома культуры с торжественного собрания, посвященного Дню Победы. Вижу, что теплые слова односельчан пробудили в отце моем, фронтовике-разведчике Степане Гавриловиче Орешко, воспоминания.

Придя домой, я достаю из ящика стола снимок фотохроники ТАСС, на котором отец вместе с товарищами салютует только что водруженному над рейхстагом алому стягу. Я знал, что знамя над рейхстагом водрузили Егоров и Кантария. А как объяснить этот снимок? Вопросительно смотрю на отца.

Отец сел за стол, не снимая форменного пиджака лесничего с орденами Красной Звезды и Красного Зна-

мени, с медалями «За отвагу», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над гитлеровской Германией», со значком «Отличник-разведчик». В тот вечер мы — отец и сын — говорили и думали об одном — о войне, о ее последних тяжелых и радостных победных днях.

— Это было 30 апреля 1945 года. Наша 150-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Василия Митрофановича Шатилова подошла к рейхстагу. Предстоял штурм. Каждому было понятно, что тяжело нам достанутся последние метры Королевской площади: Все пространство прямой наводкой простреливала зенитная артиллерия, от взрывов бомб стоял небообрази-

ФЛАГ над рейхстагом

Анатолий ОРЕШКО

мый гул. У некоторых бойцов не выдерживали и лопались барабанные перепонки, из ушей и носа шла кровь.

Я находился в 674-м стрелковом полку. Утром к нам пришли командиры — подполковник Алексей Дмитриевич Плеходонов, заместитель командира по политической части майор Евгений Сергеевич Субботин, парторг взвода — Виктор Правоторов. Они объявили о приказе командования водрузить над рейхстагом кумачовое знамя. Правда, знамя Военного совета 3-й Ударной армии было передано в другой полк, а нам предстояло водрузить еще одно над куполом рейхстага.

Все хотели идти первыми, но командиры отобрали семерых разведчиков. Это были: Михаил Почковский, Григорий Булатов, Виктор Правоторов, Павел Брюховецкий, лейтенант Семен Егорович Сорокин, Иван Лысенко и я.

Нашли куски красного материала, быстро соорудили древко, прикрепили к нему знамя. Конечно, оно не было таким красивым и торжественным, как знамя Военного совета 3-й Ударной армии, это было наше знамя, знамя полка!

— Ну, а теперь, — сказал парторг, — или грудь в крестах, или голова в кустах, но наше знамя мы донесем до рейхстага.

Все дружно, как по команде, ответили:

— Готовы!

И пошли. Метрах в ста пятидесяти от здания оставались, осмотрели все вокруг. Окна замурованы, подготовлены к длительной обороне, отовсюду смотрят злые зрачки пулеметов и автоматов.

В 13.00 наша артиллерия открыла огонь по центру рейхстага. После хорошей такой обработки в атаку пошли штурмовые подразделения. Вскоре пришлось залечь. На пути — шестиметровый ров, заполненный водой.

Лейтенант Сорокин и Павел Брюховецкий остались прикрывать нас, мы же, стараясь двигаться скрытно, переправлялись и, оказавшись на суше, вмиг смяли точки врага. Подоспели Сорокин и Брюховецкий, мы ворвались в рейхстаг.

Помню, в стене была огромная дыра. Прежде чем проскочить, запустили гранату, залегли. Как только дым развеялся, бросились вверх по лестнице. Драться пришлось за каждый проем, прокладывая путь гранатами,

штыками. Нашу группу поддерживала огнем рота лейтенанта Петра Греченкова из батальона Давыдова, впоследствии Героя Советского Союза.

Наконец пробилась к скульптурной группе на фронте рейхстага и в пробонну от снаряда укрепили свое победное знамя. Увидев его, бойцы, прижатые огнем противника к земле, в едином порыве поднялись в атаку. Часы показывали 14 часов 25 минут.

Оказалось, что нас фотографировал и заснял на кинолентку известный кинорежиссер Роман Кармен. Встретился я с ним во время штурма совершенно случайно. Запомнил, что был он в кожанке, с перевязанной головой, в руках держал кинокамеру и на ходу снимал последние шаги победы: как мы бежали по Королевской площади и как салютовали на крыше рейхстага.

Однажды смотрели по телевидению фильм «Битва за Берлин». Когда поплыли кадры взятия рейхстага, отец, волнуясь, крикнул:

— Толя, смотри, это же мы! Вот, вторым бегу я, вот Булатов, Правоторов, Иван, Михаил, Пашка, наш лейтенант...

Назавтра же пошел в областную газету, рассказал об отце и попросил, чтобы редакция официально запросила в Центральном архиве Министерства обороны СССР копию наградного листа.

Какова же была моя радость, когда из редакции позвонили, что пришел ответ из Центрального архива.

С волнением читал я эти строки:

«29.04.45 года полк ведет ожесточенные бои на подступах к рейхстагу, вышел на реку Шпрее. Товарищ Орешко был одним из тех, кому было приказано, пользуясь мощной поддержкой нашей артиллерии, на подручных средствах форсировать реку Шпрее, пробиться в здание рейхстага и водрузить над ним Знамя Победы. Беря с боем каждый метр площади, разведчики в 13.00 30.04.45 года ворвались в здание рейхстага, с ходу захватили один из подвалов, задержав тем самым до 300 немецких солдат гарнизона рейхстага. Над рейхстагом в 14 часов 25 минут товарищ Орешко с группой разведчиков водрузил Красное знамя».

Спасибо, отец!

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

Уралмашевский мастер, рсточник по профессии, Михаил Попов организовал первую фронтную бригаду.

В 1945 году на заводах Среднего Урала было уже более одиннадцати тысяч фронтных бригад.

В январе сорок второго года на имя заместителя наркома танковой промышленности пришла телеграмма из Челябинска:

«В связи с тем, что на счет строительства танковой колонны имени Челябинского комсомола на 11 января 1942 года поступило средств в сумме 9 245 725 рублей 47 копеек... бюро областного комитета ВЛКСМ просит оформить заказ на строительство танковой колонны имени Челябинского комсомола, приурочив выпуск ко дню 24 годовщины РККА». Просьба была удовлетворена. 23 февраля с конвейера Челябинско-

го завода сошел последний сверхплановый танк.

В середине сорок второго года по инициативе казачьего населения Троицкого, Верхнеуральского, Звериноголовского, Куртамышского и других районов была сформирована Южно-Уральская казачья дивизия ополчения. Она состояла из шести полков и была оснащена и обмундирована за счет местных фондов.

Школьники Свердловска, Нижнего Тагила, Асбеста, Карпинска, Кургана, Усть-Каменогорска, Белгорода, поселков и деревень Челябинской, Пермской областей, Удмуртской АССР откликнулись на нашу анкету о войне и мире — горячо и искренне, ибо мир и война это не только близкая тема для них, это судьба их отцов и дедов, их судьба. Они, наши дети, вместе с нами озабочены будущим страны, земли. Как выразился ученик 8-го класса одной из свердловских школ Олег Вахрушев в своем отклике: «Мы родились в мирное время, но это совсем не значит, что мы не знаем войну — о ней напоминает каждый камень в сожженных фашистами городах, боль и горечь воспоминаний самых близких нам людей да сам сегодняшний день, в котором не утихает тревога за судьбу человечества...» Около тысячи писем из разных уголков Урала легло на редакционный стол — разных, частью личностных, но схожих в одном — в ненависти к войне, готовности отдать себя защите Мира и Отечества.

В этих письмах — разговор о своей причастности к судьбам мира.

«НЕНАВИЖУ ВОЙНУ!..»

Для меня война — самое черное слово.

Олег УФИЛЬКИН, 17 лет.

Иногда идешь и просто радуешься жизни: улыбаешься прохожим, солнышку и, кажется, весь мир погружен в радость и покой. Как же может быть война? Зачем? Когда бабушка рассказывает о военном времени, то невозможно не плакать, а когда читаешь письма деда с фронта (он пропал без вести), то просто ненавидишь все то, что породило фашизм. Наш сосед — ветеран. Мы с ним никогда не говорим о войне, но его орден, его раненая нога — тоже война.

Лариса РАЗУМОВА, 17 лет.

Ненавижу войну, там погиб мой дед, оба мои дяди и другие родственники. В нашей семье было много людей, а война унесла почти всех... Недавно умерла моя бабушка, она была санитаркой, остались только дети воевавших.

Таня КУДРЯВЦЕВА, 15 лет.

Война — это как стихийное бедствие, после которого все раз-

рушено, а главное — искалечены человеческие судьбы, мечты, надежды... Но в это грозное, суровое время очень четко и ярко проявляются самые лучшие человеческие качества — стойкость, преданность, самопожертвование ради всех — минувшая война нашему поколению как урок, который никогда нельзя забыть. Заменяя своих отцов и братьев, вставали за станок девочки и мальчики нашего возраста, работали по 14 часов в сутки — и выдержали!

Анна ШЕЙБ, 13 лет.

Не видела ее, но знаю, что она такое... Моей маме, Тамаре Семеновне Родыгиной, во время войны было 7 лет, она жила в Ленинграде и знает, что такое каждый день бомбежки и хлеб по карточкам. Отец, Родыгин Владимир Федорович, жил в деревне. Война убила его отца, а сам он ел лепешки из травы и мерзлой картошки...

Светлана РОДЫГИНА, 18 лет.

«СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ...»

Я уважаю ветеранов за душевную скромность. Они стараются как-то не выделяться — ведь только в большие праздники они наде-

вают свои ордена и медали. Просто пожилые люди, разве что седины и морщины побольше... Таков и мой отец — просто человек, он не любит рассказывать о войне, и только изредка, услышав какую-то знакомую военную песню или название города, скажет, что это было в войну...

Ольга ЧЕРНЕЦОВА, 16 лет.

Я, как и многие советские люди, чту память погибших за наше счастливое будущее и с глубоким уважением отношусь к живым свидетелям войны. Но есть категория людей, которая, к сожалению, забыла, а может, просто не хочет думать и вспоминать о тех страшных днях. По их мнению, война — дело прошлое, а жить нужно сегодняшним днем... Мой отец, Горбунов Семен Федорович, часто рассказывает мне о боях, в которых участвовал. И порой, когда смотрит кинофильм о войне, плачет. Я знаю, что из деревни, в которой жил мой отец, ушли на фронт 16 человек, а вернулись двое.

Алла ГОРБУНОВА, 12 лет.

Сейчас все меньше и меньше становится людей, переживших войну, и потому мы должны по-сильно помогать им во всем, не

ЮНЫЕ — О мире, войне, подвиге

забывать их, навещать чаще и быть более чуткими. Директор нашей школы Михаил Антонович Десятник — ветеран войны. Он во всем для нас пример.

Наташа ОРЛОВА, 13 лет.

У меня был дедушка — ветеран. Мы храним его ордена. Я даже не успела спросить, за что он их получил. Я ненавижу войну!

Ирина КАРПУШИНА, 13 лет.

А знакомых ветеранов у меня нет, и это очень жалко. А то бы я многое выспросила про их фронтовую жизнь.

Лариса НЕВЬЯНЦЕВА, 14 лет.

Ветераны для меня люди, без которых бы ни меня, ни моих родителей не было бы на земле. Мой дедушка — ветеран, а моя бабушка во время войны училась в Москве в институте и сдавала кровь для раненых, а ведь ей тогда было почти столько же лет, сколько мне... Она спасла своей кровью около 10 раненых. Вот, значит, сколько кровных родственников у нас!

Люда ЮДИНА, 17 лет.

Ветераны — это очень хорошие люди, и мне жалко, что так много горя выпало на их долю. Мой дедушка — Василий Евгеньевич Волков — ветеран.

Оля КУЗНЕЦОВА, 12 лет.

Есть у меня бабушка и дедушка и дед Витя — они ветераны, и я их слушаю больше, чем других людей.

Паша КРАВЦОВ, 11 лет.

А вот когда, стоя в магазине, в очереди, видишь, как румяная, здоровая женщина ругает седого фронтовика за то, что он (заметьте, по праву!) решил купить что-то без очереди, и когда пытаешься ее одернуть, а она же еще и обругает тебя такими словами, что ноги подкашиваются... то думаешь: неужели же людская память так коротка, неужели эта женщина не понимает, что если бы не эти люди, не стояла бы она сейчас в этом магазине, не было бы на ней дорогого пальто, модных туфель и золотых серег в ушах! Ведь ветеранов войны осталось так мало — и неужели нельзя сделать их преклонные годы жизни счастливыми.

Лена КОЧЕТКОВА, 17 лет.

«ДОРОГА К ПОДВИГУ»

Наверное, каждый человек задает себе такой вопрос: какая жизненная дорога приводит к подвигу? Я считаю, что это вопрос воспитания. По тому, как воспитывается человек в семье, какие в ней традиции, можно судить — готов человек к подвигу или нет. Если же не иметь таких понятий, как честь — собственная честь, честь семьи, честь класса, честь школы и дальше, — то это прямой путь к измене. Когда совершают подвиг, то не думают о всех людях, о будущем. И не воспринимают это как героическое, а просто как свой долг.

Ирина ЛЫНЕВА, 18 лет.

Подвиг — самопожертвование ради жизни других. Если люди сэберегут мир — это будет самым большим подвигом человечества.

Алла ДЕРЯБИНА, 18 лет.

Подвиги бывают разными. Иногда человек совершит подвиг, который длится минуту, а иногда подвиг длится всю жизнь. Мне кажется, подвиг длиною в жизнь — труднее. Он требует от человека полной самоотдачи, упорства, воли и доброты.

Анна КОФАНОВА, 15 лет.

«Я НЕ ДОПУЩУ ЭТОГО!»

К сожалению, сейчас все чаще встает вопрос о возможности новой войны. И мы, люди, требующие мира, должны еще сильнее сплотить свои ряды и заявить еще громче: «Опомнитесь, разжигатели новой катастрофы, в этой войне победителей не будет!» Я не только голосую за мир, но и вношу посильный вклад в Фонд мира. Он мал, но я знаю, что таких, как я, много, и вместе у нас получится капитал... И еще у меня есть мечта. Я хочу быть физиком. Заниматься ядерной энергией. Я хочу переделывать все ядерные бомбы и поставить атом на мирную работу. Хочу найти такое средство, которое уничтожит радиацию... И я буду прилагать все усилия, чтобы выучиться и осуществить задуманное.

Ольга ЧЕРНЕЦОВА, 18 лет.

Вопрос о возможности войны постоянно мучает меня. Мне представляется невыносимым, что все прошедшее может повториться в

еще более страшной форме... Чтобы предотвратить войну, я лично должен участвовать во всех политических акциях, помогать делу мира всей своей жизнью. Потому у меня есть желание стать военным и охранять завоевания нашей Родины.

Толя УФИМЦЕВ, 16 лет.

Я не хочу быть подопытным кроликом для обезумевших заокеанских маньяков. Неужели американцам не тяжело было смотреть на страдания Хиросимы? Неужели им хочется посмотреть на страдание всего человечества? Трудно сказать, что я сделаю, случись война. Я пойду на завод, в военкомат...

Игорь ПАШИН, 18 лет.

Я нередко задумываюсь над личной готовностью, но каждый раз теряюсь, потому что я просто не могу все представить безжизненным, цветы, травы, деревья, птицы... Да разве это можно представить? Мы живем, чтобы жить, любить, смеяться, трудиться на благо Родины, а для этого нужен мир. И мы не должны допустить войны!

Елена СТРЮКОВА, 15 лет.

Наша маленькая голубая планета не только должна существовать как небесное тело, но и как планета, которой природа доверила разумную жизнь! Неужели мы, разумные люди, допустим уничтожение разума?

Да, самый главный вопрос: а ты сам какой вклад в дело мира внесешь, лично ты?

Анна СИНЯКОВА, 16 лет.

Никогда не должно повториться такое горе, как война, я не допущу этого!

Паша КУЗНЕЦОВ, 11 лет.

Все помыслы, все думы советских людей — и взрослых и детей — о мире. Мы не хотим войны, но наша память о Великой Отечественной войне — священна. Армия мира многомиллионна! В ней и те, кто стоит на страже покоя и счастья на рубежах обороны. И те, кто сегодня сидит за партой, трудится на заводе и в поле.

Всех ветеранов, всех близких их, детей и молодежь, всех — с днем великой Победы над фашизмом!

Успехов вам в жизни, дорогие читатели, мирного неба!

В мае 1945 года в семье Василия Васильевича и Антонины Васильевны Кудрявцевых родился сын. Сегодня 40-летний офицер-ракетчик Виталий Васильевич Кудрявцев охраняет мирное небо над Уралом.

Разговор с офицером состоялся в его рабочем кабинете. Изредка он прерывался телефонными звонками — докладывали подчиненные подполковника Кудрявцева. Судя по довольной улыбке офицера, на боевом дежурстве все обстояло нормально.

— Виталий Васильевич, воины-ракетчики — в особом почете. Оружие, которое находится в ваших руках, — грозное и могучее...

— Да, очень! Но мы помним, что оно, это оружие, дорогое, и учим молодого солдата проявлять к нему максимум внимания, воинского профессионализма.

Мы должны быть готовы всегда. Это аксиома. И мы готовы. Уральские ракетчики доказали это 1 мая 1960 года, сбив американский самолет-разведчик.

— Виталий Васильевич, юным читателям «Уральского следопыта» интересен и личный момент в выборе профессии ракетчика.

— Конечно, решение возникло не вдруг. Еще на строительстве Качканарского горно-обогатительного комбината, куда я приехал по комсомольской путевке после окончания школы, часто встречался с людьми, которые прошли всю войну и много рассказывали нам, молодым рабочим, о героях Великой Отечественной. Среди ветеранов были бывшие фронтовики. Как у нас горели глаза! Мы видели живой подвиг!

Отец мой, Василий Васильевич Кудрявцев, вырос в семье, где было 16 детей. Здесь знали, как достается трудовая копейка. Да и мое детство было далеко не безоблачным. Первый в своей жизни костюм надел лишь в десятом классе...

Уже тогда я понял, почему так тяжело жилось людям. Нормальное течение жизни нарушила война. Мы — шести-, семилетние деревенские мальчуганы видели, как бедствовали семьи вдов, как возвращались демой после мытарств по госпиталям безногие и безрукие солдаты Великой Отечественной. На всю жизнь врезался в память эпизод, который произошел в деревне с нашим

ЩИТ НЕОБОРИМЫЙ

Беседу ведет Сергей МУРЗИКОВ

соседем Николаем Васильевичем Зязевым. Восемь сыновей проводил он на войну и на семерых получил похоронки. Все надеялся, что вот-вот возвратится младший. Но судьба была беспощадна. Когда к дому Николай Васильевича подходил почталыон с восьмой похоронкой, не удержался мужественный человек — горько заплакал на людях. Мы все тогда плакали вместе с ним. Всего же в деревне из 70 дворов домой вернулись только восемь хозяев...

Все это врезалось в мою детскую память, и я твердо решил посвятить свою жизнь военной службе. Я хотел эту жизнь охранять. Прочно. Сколько хватит сил.

— А в наши дни Великая Отечественная война чем-нибудь напоминала вам о себе?

— По традиции, которая установилась в нашей семье, мой день рождения отмечается в праздник Победы. Однажды, когда я уже стал офицером и после долгой разлуки приехал в родную деревню, как раз девятого мая, на торжество в родительский дом пришел брат моего деда — Николай Васильевич Кудрявцев. О том, что он участвовал в трех войнах — в первой мировой, финской и Великой Отечественной, я хорошо знал, но о его наградах ничего не слышал. И вдруг увидел на груди родственника боевые медали и ордена. Оказалось, парадный костюм был надет в мою честь.

И еще. Однажды мне довелось побывать в Германской Демократической Республике. Уютная, ухоженная трудолюбивыми немцами земля не могла не вызвать у меня восхищения. Постоянно чувствовал себя как на празднике. Но вот забрел в незнакомый район. Передо мной — забор из колючей проволоки, за ним — бараки с настежь открытыми дверями, всюду виделись вышки для часовых. Да, это был концентрационный лагерь, который наши немецкие друзья сохранили таким, каким он существовал 40 лет назад. Сохранили в назидание потомкам.

Перед нами, тогда еще будущими офицерами-ракетчиками, выступал узник Бухенвальда и говорил о том, что ему довелось пережить. Фашизм, войну я представил себе как никогда явственно. И возненавидел.

Была в моей жизни и еще одна памятная встреча — с матерью Любови Шевцовой, легендарной комсомолки из организации молодогвардейцев. Женщина тогда произнесла запомнившиеся мне слова: «Моя дочь, все герои-молодогвардейцы считали, что врага можно одолеть лишь в том случае, если будешь ненавидеть его настолько сильно, насколько беззаветно любишь родное свое».

— Угроза войны в наши дни, как отмечалось уже не раз, не уменьшилась. Больше того, военная техника шагнула в своем развитии далеко вперед. Наши идеологические враги вынашивают отнюдь не мирные планы...

— К сожалению, это так. Говорю, как профессиональный военный. Обстановка в мире сегодня накалена. Особенно это стало ощущаться после того, как конгресс США развязал администрации руки в новой, особо опасной области гонки вооружений. Пентагону разрешено провести испытания противоспутникового оружия в космосе. На что же делается ставка? На то, что они смогут нанести первый удар по наземным и морским целям, а себя прикроют противоракетным щитом. Американские дояки разрабатывают систему беспилотных летательных аппаратов (БЛА), способную собирать разведывательную информацию, уничтожать наземные, морские и воздушные цели. Диапазон применения таких систем очень широк. Летчик-оператор дистанционно-управляемых БЛА, находясь на командном пункте, с помощью каналов телевизионной и радиотехнической связи получает с борта самолета информацию. Он может изменить траекторию полета, включить ту или иную аппаратуру, осуществить пуск ракет, сбрасывание бомб и так далее.

Наши идеологические враги строят иллюзии: они, мол, смогут защитить себя эшелонированной системой противоракетной обороны (ПРО). Эту систему они хотят оснастить новейшим видом оружия — лазерным, пучковым, радиолучевым. Предусматривается создать четыре эшелона обороны, каждый из которых будет решать свои задачи: поражение стартующих баллистических ракет на активном участке полета, перехват отделившихся боевых ступеней ракет на этапе разведения боеголовок, перехват боеголовок на пассивном участке полета, поражение их после входа в атмосферу. Пентагоновские теоретики подсчитали: если каждый рубеж преодолеть не более 10 процентов единиц потенциальных целей, то эффективность системы составит 99,99 процента.

Мы, советские ракетчики, не пересчитываем десятки и сотые доли процента надежности. У нас иная крепость. В речи на Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций товарищ К. У. Черненко подчеркнул: «Наша армия сегодня, как и всегда, сильна не только современной техникой и хорошей выучкой, но и своей идейной заряженностью, высоким морально-политическим духом».

Воинов-ракетчиков отличает и высокая военно-техническая культура. Это не только эрудиция, но и черта нравственная, помогающая понимать роль и место техники в выполнении поставленных задач. И еще — уверенность в нашем оружии, стремление максимально использовать заложенные в нем громадные возможности.

Ракеты — коллективное оружие. Учебные пуски связаны с напряжением всех сил воинов, умением переносить предельные морально-психологические и физические нагрузки. Именно советский коллективизм, выкованный в великих ратных боях, воспитывает у сегодняшних молодых солдат непреклонную волю и неукротимое стремление к победе.

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

В годы войны на Урал была эвакуирована Военно-воздушная академия имени Н. Е. Жуковского. Профессорско-преподавательский состав, находясь в глубоком тылу, считал себя бойцами передовой линии фронта. Группа ученых под руководством генерал-майора инженерно-технической службы, доктора технических

наук Т. М. Мелькумова и генерал-майора Я. Д. Митницкого переделала авиационный двигатель М-17 для установки его на танк, разработала аппаратуру для быстрого запуска двигателей танков в зимнее время.

Профессором академии В. Ф. Болховитиновым был сконструирован пер-

вый советский реактивный двигатель. 15 мая 1942 года впервые в мире с аэродрома Кольцово, что под Свердловском, поднялся в воздух на новом самолете летчик-испытатель Г. Я. Бахчиванджи.

В поселке Кольцово ныне воздвигнут памятник пионеру реактивной авиации.

Сперва я пугался ее голоса. Всегда неожиданно, с какой-то внутренней болью она спрашивала:

— А ты помнишь его?

Я вскидывал от бумаг голову и снова видел ее, стоявшую у жаркой печки, прямую и неподвижную, как мумия. Меримея Васильевна подслеповато смотрела поверх меня на выцветший портрет на стене. А с портрета смотрел на нее молодой чубатый парень в кубанке. И что-то неуловимо схожее было в печальных глазах обоих.

— Да, говоришь, не помнишь? — обидчиво переспрашивала старуха. — Как же ты забыл моего Ваню, он ведь вон на сколь моложе тебя!

В который раз я принимался объяснять, что помнить ее сына никак не могу, потому что не знал его, повторял, что если бы даже и знал, все равно забыл бы: когда он погиб, мне было четыре года...

Меримея Васильевна не понимала:

— Ведь ты же старше, в отцы ему годишься, а забыл...

Эти нелегкие разговоры повторялись из вечера в вечер, а точнее — второй год. Именно второй год на лето я снимаю в старухином доме комнату. Она, как и в прошлый раз, отвела мне просторную горницу с круглым столом посредине, с геранями на окнах и деревянной кроватью, заваленной горой подушек. Еще в горнице был комод с фарфоровым петухом-копилкой, развесистый фикус в кадке и тот самый портрет на стене. Сама старуха занимала смежную комнатушку за печкой, и даже не занимала, а только часами грелась у этой печки, спать же ложилась, не снимая заплатанных шерстяных носок и обвислого платья, в кухне на широкой лавке.

Она была высокая и сухая, как расколотая молнией безлистая осина в огороде, ничего у меня не просила, ни на что не жаловалась, а лишь винила за то, что забыл я убитого на войне ее сына.

— Он ведь один у меня был, соколик мой, все

любили его, все знали, а ты не помнишь, — грустно укоряла старуха.

Давно мы с ней сжились, по-родственному привыкли друг к другу, а неназойливые, старчески-безрассудные ее упреки я воспринимал как откровение, желание высказать доверительно человеку самое сокровенное и самое больное. Да и понятно: старуха была совершенно одинока.

Перед войной она овдовела — муж Федор, колхозный конюх, спасая угодившую в полынь лошадь, промок в ледяной воде, остыл на морозе и слег. Всего и промаялся две недели — умер, как рассказывали соседи, от крупозного воспаления легких. Перестрадала Меримея, перенесла потерю, полагаясь на единственную теперь отраду — сына. А Ваня в ту пору служил в кадровой. Только бы возвращаться домой — и вдруг война. На фронте оказался в первые же месяцы. А за месяц до победы погиб под Берлином...

После похоронки стали деревенские подмечать за Меримеей всякие непонятные выходки: то она готовит застолье, будто бы ждет Ваню, то с узелком отправляется в ближайшую дорогу, на железнодорожную станцию, будто бы встречать его. Это когда еще не старая была.

Ну, а дальше — больше. Стала заговариваться Меримея. Всех выспрашивает, не видел ли кто Ивана, не получал ли от него писем. Вечерами обходила избы фронтовиков, насадала на каждого по-разному: как, мол, так, ты хоть и безногий, но пришел, а Иван где? Ивана-то где оставил? Другого страдала: «Погоди, придет он, спросит тебя, пошто не дождался!» Зачастила и на почту — не доверяла уже почтальонше. Никакие уговоры не помогали, сердилась, махала руками, оскорбленно твердила свое: невзлюбили вы Ивана, потому и скрываете вести от него...

И всем стало ясно: Меримея маленько не в уме. А как понимать иначе, если прошло уже больше десятка лет после войны, а она все ходит на автобусную остановку встречать сына; и ругается с каждым, кто пытается ее образумить.

ЧАСЫ Фирмы „МОЗЕР“

Леонид ФОМИН

Нет, не в обиду она была на людей. Понимала, обида плохой помощник во всяком горе. Ее же горе было давнее, застарелое, как неизлечимая болезнь, и старуха притерпелась к нему. Давно жила придуманным ожиданием. А уж если сердилась, так это на тех, кто хоть словом, хоть намеком пытался разуверить ее в неизбежной своей надежде.

И вот совсем уже много минуло времени, поумирали от фронтовых ран Ивановы ровесники, вовсе состарилась мать убитого солдата. А все жила, все тянула свой век. Как знать, может быть, ожидание и хранило ее все эти долгие годы. Жила не для себя, для сына: неуж он вернется и не повидает мать?

Теперь уже не каждый вечер, а только по большим праздникам — в День Победы и в день рождения Ивана — приходит Меримея Васильевна на автобусную остановку. И часами стоит под козырьком-навесом, невменяемо-терпеливая, древняя, как легенда, уже привычная для всех — в черной плюшевой жакетке, в черном же платке, навалившись плоской грудью на залощенную суковатую палку-батожок. Привычная для всех, даже малым детям. Лишь новый приезжий из районного центра, почувствовав на себе пронзительный взгляд старухи, поспешно обойдет ее...

А в будни, меж этих праздников? Не раз замечал: смотрит Меримея Васильевна бессонными ночами на портрет сына, и скорбные ее губы в паузине морщин невятно шепчут что-то. Все разговаривает с Ваней и никак не может наговориться...

И в ту ночь Меримея Васильевна долго не спала, ворочалась на лавке, вставала, выходила на крыльцо, возвращалась и снова ложилась. Из-за нее не спалось и мне. Слышу, опять поднялась. Я взял сигареты, пошел к ней. Старуха сидела, низко склонив голову к коленям. Колоколом взбугрилось платье на ее острых лопатках.

— Дак слушай про Ваню, — одышливо сказала она, продолжая свои думы. — Раз встал, дак слушай. Я вот тебе сейчас расскажу, и ты вспомнишь его. Махонький он был ишо, совсем махонький. Головенка белая — вымытый одуванчик. Не ходил ишо, а мы его уже на покос с собой возили. Дак вот, на покосе и было. Накормила я его это, уложила на телегу, и пошли мы с Федором грести. И тут послышалось мне, — ревет Ванюшка. Подбегаю к телеге, а робенка нет. Попона отброшена, а робенка нет! Попоной-то укрывала его от мух. Я — в крик. Тут с граблями подоспел Федор, че да как. А ты из кустов это

выходишь, держишь Ванюшку на закорках и хочешь. «Что, напужалась? Да я же пошутковал!» Тебя тогда Федор и огрел граблями за шутки за такие. Теперь-то уж вспомнил?

Тяжело мне было слушать больную старуху, и я вышел на крыльцо покурить. Светало. Снизу от речки Снегирихи на огороды волнами накатывался знобкий туман. Над ним поникло зависли бахромистые шляпы подсолнухов. Как-то пугающе-неприятно резанул слух неуместный в тиши крик проснувшегося петуха. Красный, будто жар в загнетке, он разом обозначился среди нахохлившихся пестрых кур. Птицы тесно мостились на верхней прясline ограды.

Когда я вернулся, Меримея Васильевна сидела все в той же позе. Ждала меня.

— Накурился, табакур? А Ваня в рот не брал. Ни к чему ему это зелье. И теперь не курит. Вон он, кисет-от, в комодке лежит. Подарили ему на войне, он и прислал домой...

Она умолкла, что-то припоминая, потом сказала:

— Верно, в комодке. Постой уж, покажу. Все тебе покажу Ваню, но сперва карточки. Может, и вспомнишь...

Меримея Васильевна с трудом выдвинула ящик комода, долго шарила в нем, наконец вынула обрямканый по углам альбом. Из-под толстых матерчатых корок торчали мятые фотографии. Многие из них, как и портрет на стене, уже выцвели.

— Тута ишо первый раз его снимали, — ткнула старуха черным негнущимся пальцем в фотографию, где еле просматривался круглоголовый карапуз в зыбке-качалке. — Верно, первый. Фотограф-то у нас был свой, деревенский. Семен Базлуков, вот он и снимал всех.

Она долго всматривалась в фотографию, то поднося ее к самым глазам, то отдаляя, в чем-то засомневалась, зашаркала носками на кухню. Сняла с гвоздика тусклые очки с тесемкой вместо дужек, склонившись к лампе, еще раз пристально взгляделась в фотографию.

И заговорила не по делу:

— Нет, спутала я тебя, не ты это. Семен тогда пошутковал на покосе, он спрятал от меня Ванюшку. Вот такохонький в те поры сынок-то был. Семен-то ведь свояком нам приходился, сено наладился пособить убрать, ну и это... Царство ему небесное, в войну убило...

Она переложила несколько снимков, снова ткнула пальцем в один.

— А это уже в школе, когда Ваня учился. Вишь, какой стройненький, ровно колосок...

На фотографии в рост стоял тоненький мальчик с ясными глазами и светлыми вьющимися волосами. На шее был повязан пионерский гал-

стук, перехваченный по-старинному металлическим смычком. Правая рука мальчика, тоже на старинный манер, лежала на узорчатой пирамидке.

— В пятом классе он тут, — уточнила Меримея Васильевна. — И здесь Семен снимал. Один он у нас был фотограф-от.

Старуха подумала, напрягая память, опять отвлеклась:

— А этот, аппарат-то — или как? — еще с той гарманской привез. Трофея, говорил. Да как вот, и снимал всех, пока не ушел на войну. Теперь-то вспомнил Ваню?

Меримею Васильевну по-настоящему разгневалась, когда я — в который раз! — принялся объяснять... Но она резко перебила:

— Какой ты наивный, право, втемяшил — пет да нет! Неуж у тебя ум отшибло? Ну ишо смотри, пуше смотри, вспомнишь!

Она торопливо заперевирала трясущимися пальцами линялые, с блеклыми разводами фотоснимки, нашла нужный. Он лучше других сохранился, и на нем я без труда сам узнал Ваню. Здесь он уже юноша, но так же светловолос и тонок. Фотография групповая, Ваня — в центре, а по бокам и сзади такие же молодые парни и девушки. Врезка сбоку вещала, что ребята эти — выпускники Верхне-Снегиревского лесотехникума. И дата: июль 1940 года.

— Неуж и теперь не вспомнил? — требовательно спросила старуха, выпрямляясь во весь свой высокий рост, глядя мне прямо в глаза. И столько упрека прозвучало в ее голосе, что я тоже встал и твердо сказал:

— Вспомнил. Я знал твоего Ивана...

— Вот, вот, — обрадовалась Меримея Васильевна, — говорила, вспомнишь. Это хорошо, раз вспомнил. Шибко плохо, когда забывают... Тем же годом, в сороковом, он и ушел в армию. А тут — на тебе! — война... Писал мне письма. Да покажу ужю, про че писал-то.

Она снова порылась в комод, нашла перетянутую бельевой резинкой пачку писем. На ветхих теперь листочках самой что ни на есть подручной бумаги то простым карандашом, то химическим писал с фронта солдат торопливо послания матери. В каждом письме сын успокаивал ее, просил не беспокоиться, не переживать: он жив и здоров, крепко бьет фашистских гадов и после победы непременно вернется в родную Снегиревку. И хотя на всех письмах-треугольниках ответный адрес был однозначен и по-военному краток — такой-то фронт, такая-то полевая почта, — все же, внимательно вчитываясь в них, я угадывал фронтовые пути-дороги солдата: Киев, Брянск, Смоленск, Великие Луки, опять Смоленск, опять Киев, а дальше пошли заграничные

города — Варшава, Познань, Дрезден. Последнее — Зееловские высоты...

Разнокалиберные листочки были так зачитаны, что на сгибах перетерлись совсем и распались от легкого касания, и на многих, размывая строчки, темнели расплывчатые фиолетовые пятна...

И вот старуха подала мне еще одно письмо. Отдельно. Подала и ушла на кухню. Его писал не Иван. Прочитал раз, другой. Встал ближе к лампе, в третий раз перечитал. Нет, не то, чтобы уж очень сильно потрясло меня это письмо, и не читая, я догадывался — о чем оно; подобных скорбно-убийственных писем приходило военной порой великое множество; просто я не знал, как поступить, что сказать в утешение. И надо ли говорить? Давно все отболелось, отплакалось, ступшевалося за давностью лет. Но так думал я. Меримею Васильевну ждала на кухне моих слов.

— Ну дак прочитал, нет, че молчишь? — спросила она глухо. И так же глухо попросила: — Прочитай ишо, чтобы я слышала.

И я с запавшим дыханием в четвертый раз принялся читать письмо:

«Уважаемая Меримея Васильевна. Как не тяжело сообщить Вам, но сообщаю. Ваш сын Иван Федорович Снегирев погиб смертью храбрых. Погиб в логове фашистского зверя, под самым Берлином. Последний для Вани бой был тяжелым, кровопролитным. Много полегло в том бою наших. Ваня командовал артиллерийским расчетом. Когда расчет перебило, он один стрелял из орудия. Сам видел, как накрыл его немецкий снаряд... Случилось это днем двенадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. Похоронили его в братской могиле возле местечка Бухгольц на правом берегу реки Одер.

Мы клянемся отомстить немецким извергам за Вашего сына и нашего боевого друга, клянемся отомстить за Ваши слезы, за всех матерей нашей Родины! Не долго час окончательной расплаты. Когда рассеется пороховой дым, Берлин уже видно...

С письмом высылаю личные вещи Вани: записную книжку, комсомольский билет, боевые награды и часы фирмы «Мозер».

По поручению боевых товарищей — комсорг роты, старший сержант Николай Порошин».

И мы опять молчали, долго молчали. Снова свое урочное прогорланил красный петух в ограде, закудахтали, захлопали крыльями, слетая с насеста, куры. Старуха как бы очнулась, встала с лежанки, раздернула занавески на окне. Голубо упал ранний свет в дверной проем моей комнаты.

— Да как самовар раздувать, че ли? — наконец подала голос Меримея Васильевна. — Светат уже...

Она говорила еще о чем-то отвлеченном, незлобливо поругивая кур, утайно кладущихся где попало, жаловалась на ломоту в поясице, на плохие глаза, но я чувствовал, все ее мысли — о сыне, о роковой той минуте, когда Ивана накрыло снарядом. И вот будто проснулась, сказала, о чем думала:

— А опосля похоронку принесли. Эдакую гүмажку желтенькую. Мол, убит мой Ваня там-то и там-то. Ну, как в письме...

Меримея Васильевна вдруг посуровела лицом, глянула на меня строго:

— Только я ни письму, ни похоронке той не верю. Обманывают старуху. И ты не верь. Живой Ваня, ниче с ним не сделалось. Мало ли паговорят. Девки, дак те вон завидуют. Все выспрашивают, где да че с ним. Он ведь у меня не то что жениться, невесту ипо не выбрал. Вот и зарятса. Нет, ниче с ним не стало, — убежденно повторила старуха. — Примета одна верная есть...

Меримея Васильевна еще раз подошла к комоду, еще раз надела тусклые, с выпуклыми стеклами очки, бережно достала, прикрыв в черепашьи свои ладони какой-то искристо блестящий мешочек... Что же я говорю? — достала вышитый бисером бархатный кисет. Конечно, тот самый, фронтовой подарок Ивану. Склонившись над столом, мучительно медленно развязывала непослушными пальцами шелковые его шнурочки и наконец извлекла большие карманные часы.

— Вот она, примета-то! — не то сказала, не то выдохнула Меримея Васильевна. — Они ведь идут, только завести надо. Тут ключик привязан. Заведи-ко.

Я взял из протянутых ее рук очень старые, с помятыми боковыми крышками часы, с усохшим скрученным ремешком, на конце которого болтался ключик-трубочка. Благородный металл от долгого непользования покрылся темным налетом. Осторожно надавил на головку. С легким щелчком откинулась крышка. В свете настольной лампы ярко воссиял белый циферблат с золочеными латинскими цифрами. Выше стрелок прочитал латинские буквы: «Moseg».

— Да-к ты заведи, заведи их, они ведь идут, — нетерпеливо требовала старуха.

Я открыл крышку с другой стороны, нашел в корпусе отверстие, вставил ключ, легонько покрутил. Часы сразу так нежно-звонко затикали, что не было необходимости убеждаться в их исправности, подносить к уху. Бойко побежала по кругу секундная стрелка.

Наполовину утратившая зрение, Меримея Васильевна сохранила хороший слух и тоже услышала ход часов. Лицо ее вроде бы даже освети-

лось и нечто подобное улыбке проступило на запавших губах.

— Слышь, идут! — восторженно произнесла она. — Вот знай, живой Ваня, не то бы не шли...

На внутренней части корпуса, изузоренного тонкой гравировкой, был означен и год выпуска часов — 1884-й. А мы с Меримеей Васильевной жили-пребывали в 1984-м. Бог ты мой, ведь это же ровно век! Что-то трагически-символичное почувдилось мне в этом громадном временном отрезке...

— Да-к вот че я хочу сказать тебе, — прервала она мои раздумья. — Ты ведь кого-то все пишешь, пишешь. Не про одних, поди, воробушков. Взял бы да и написал про Ваню. Вон сколько бы народу узнало! Напиши-ко...

Меримея Васильевна помолчала, поглаживая на груди, словно волосы сына, мягкий бархат кисета, привычно подняла глаза на портрет. Губы ее опять шевельнулись. То ли советовалась с Ваней, то ли спрашивала что.

— А часы возьми себе. Все равно скоро помру, кто ждатель-то станет? Они ведь у нас фамильные... — как великий секрет, сообщила Меримея Васильевна. — Тяти еще моего покойного, Василия Прокопьевича, были. После тяти муж Федор носил, а оюсла, как помер, Ване достались. Гордился Ваня часами-то, все при себе держал. С ними и на войну ушел. И вот прислали ребятки...

Еще подумала, еще посмотрела на сына и довбавила с надеждой:

— Вишь, как все складно выходит, ровно время-то из рук в руки передаем. И ты бери, раз даю. Не часы, фамиль напу даю. Оно, время-то, ведь не остановишь, не указ оно никому, идет и идет своим чередом. Только память и остается. Ты ипо поживешь, может, и дождешься Ваню. А нет, дак сыну или кому там передашь. Лишь бы доброму, незабывчивому человеку...

Никаких моих слов, никаких доводов не хватило убедить старуху взять часы обратно. Мне на минутку даже сделалось жутко: откажись я — и она умрет. Так велико было ее желание сохранить память о сыне.

...Пишу я этот рассказ, а на столе передо мной часы убитого солдата. Вечно юного парня в кубанке. И мнится уже мне, как и престарелой его матери, что пока не остановится время, бессмертным будет имя каждого, погибшего на священной войне.

ОТ АВТОРА

Ровно два года назад, накануне Дня Победы, было открыто новое здание свердловского госпиталя для инвалидов и участников Великой Отечественной войны.

Новому зданию два года, а госпиталь живет вот уже сорок лет, у него не только свои постоянные больные, но и утвердившиеся традиции.

Мне довелось два месяца пробыть в этом госпитале. Эти короткие рассказы — о тех, кто там лечится, и о тех, кто лечит.

Наташа Елисеева

— Из нашего выпуска согласилось сюда ехать работать пять человек. Все девчонки так волновались, так волновались... Таня увидела больных, тут же домой, в Красноуфимск, уехала. Всего четыре часа в госпитале пробыла.

Вера Григорьевна, главная медсестра, нам сказала: «Девочки! Вы вслушайтесь: «сестра» — слово-то какое! Ласковое, что-то родное, домашнее в нем есть. А они, больные наши, как раз в ласке и нуждаются. Они ведь и за вас, внучек своих, воевали».

Особенно трудно было в самом начале. Наши больные, они... они... ой, ну я не знаю... Как-то среди ночи подъехал ко мне на колясочке безногий Никандр Симонович: «Поговори со мной, доченька, не могу спать — бой снится». Я говорила с ним, говорила... Он рассказывал, как ноги ему оторвало... плакал... и я плакала...

Столько им пережить пришлось... А они же тогда совсем-совсем молоденькими были, как мы сейчас... еще моложе. Некоторые кроме как о войне больше ни о чем говорить не могут. Я их понимаю. Кому что досталось, кого и на всю жизнь исковеркало. Теперь я уже пять лет здесь проработала: честное слово, больные меня слушать стали, зовут чуть чего.

Еще первая смерть запомнилась...

Я про себя уже все решила — буду в медицинский поступать. И с госпиталем никогда не рас-

станусь. Он уже моим домом стал. Во сне снится.

Когда я сама прихворнула немножко, оказалась в больнице, ко мне столько народу приходило... и сама Вера Григорьевна пришла.

Здесь все как одна семья, одним кровным делом заняты, как больные говорят — «боевая дружба».

Борис Герасимович Рассохин

— В небо меня с детства тянуло. Еще до войны окончил авиационное училище. Родной самолет Ил-2. Работал на нем почти до конца войны. Особенно много по разведке. Разбомбил четыре эшелона с танками, бензином, техникой... Эрэсы легли удачно.

Получил задание от командующего фронтом Рокоссовского. Ушло восемь экипажей. Вернулся я один. Задание выполнили...

Падал в тылу у фашистов. Ушел. Героя Советского Союза получил за то, что неплохо работал.

Случилось прямое попадание снаряда в самолет. Пришлось садиться без шасси. Перебит позвоночник... Госпиталь. Но был молодой, любил авиацию.

Сбежал из госпиталя. Меня, как Героя, как лучшего разведчика, уважили — допустили работать на Ли-2.

Но начал терять сознание в воздухе...

ГОСПИТАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Леван ЧУМИЧЕВ

Стал инвалидом войны.

Работал на заводе, директором школы ФЗО...

В сорок девятом поступил в Уральский политехнический институт на физико-технический факультет. На лекциях часто терял сознание.

Выручил меня от смерти вот этот госпиталь. Останавливалось сердце. Спасли врачи. Вы о них напишите. Это благодаря им я жив, стал кандидатом химических наук и до сих пор работаю в Уральском научном центре. Солдатское спасибо госпитальным врачам.

У рентгенкабинета

Сидело нас трое перед рентгеновским кабинетом, вернее, четверо, четвертым был молчаливый парень-санитар, приведший сюда слепого инвалида.

Вообще-то к здешним кабинетам очередей не бывает. Назначат тебе заранее время, придешь, а тебя уже поджидают, по имени-отчеству величают. Да и разве очередь это — три человека?

Когда я подсел на кушетку, слепой инвалид заканчивал рассказ:

— Под Киевом нас шибануло. Ничего не помню — и как из танка вытащили слепого и обгорелого, и как в госпитале оказался... Из госпиталя долго о себе знать не давал, но все-таки вернулся домой. Приехал, а отец не пускает, мол, никто тебя, пацаненка, на фронт не звал, зачем документы поддельывал. Зачем добровольился? Твой-то год сих пор не воюет. Может, не выбитым твой год останется, а ты уже урод. Насмотрелся кино-то! (Я до войны киномехаником в деревне работал.) Девчоночка, что меня сопровождала, чуть не загрызла отца-то, а он еще пуще уперся. Из кержаков мы — упрямые.

Вот и стал для меня свердловский госпиталь домом родным.

А тут младший братишка ФЗО кончил, приютил меня...

— А со мной тоже смешно получилось, — стал рассказывать второй инвалид с простоватым,

улыбчивым лицом. — Я призывался, ростом сто сорок девять сантиметров был. Прибыли на Калининский фронт, выгрузились из эшелона, построили нас. А тут: «Смирно, равнение направо!» Батюшки мои, сам командующий! Обходит он шеренги и тычет пальцем:

— Выйти из строя! Выйти из строя!

Ну, и в меня ткнул. Человек десять нас, шпендиков, вышло, все мал-мала меньше.

А генерал говорит:

— Отправить их в тыл, пусть дорастают!..

Открылась дверь из рентгенкабинета:

— Шушканов, проходите!

Рассказчик поднялся, но прежде чем скрыться в рентгеновском полумраке, успел дорассказать:

— Домой-то я вернулся — метр семьдесят два имел. Так на фронте и вырос...

Павел Евсеевич Пехташев

— Значит так, Пехташев я, Павел Евсеевич, проживаю в поселке Шаля Свердловской области. всю жизнь в торговле проработал, это прошу особо подчеркнуть, потому что я не встречал, чтобы у продавцов рассказывали, как они воевали. И еще договоримся, чтобы без вранья. Ужасно как не люблю, когда про войну врут. Смотрю фильм по телику, и как только вошли солдаты длинноволосые — выключаю. Че они там не знают, что мы наголо почти все стриженные были? А раз артистам своих волосьев для правды жалко... пусть другие смотрят.

Я девятнадцатого года рождения. В сорок первом двадцать первого декабря меня забрали и с ходу — в сто двадцать девятую бригаду, в роту автоматчиков. Это дело под Москвой было. Окопались мы в лесу недалеко от Волоколамска. Ты встречал кого, чтоб в атаку два раза ходил и уберегся? Взяли мы Волоколамск, а я в ногу ранен и в лицо, видишь, вот она, отметина. Ладно, пока я неделю в санбате валялся, нашей роты автоматчиков уже не стало. И направили меня в

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

Из свода раскаленной печи неожиданно выпали кирпичи. А в печи — 80 тонн сталинита (так называлась стеклянная броня для танков, кораблей, самолетов-штурмовиков). Устранить аварию вызвался коммунист каменщик Ирбитского стекольного завода Илларион Туханов. Шесть часов он вел поединки с толпой, температура в которой достигала 1400 граду-

сов. Не раз прогорала спецодежда, не раз Илларион терял сознание, — отливала водой. Плавку завершили успешно.

На послевоенной праздничной демонстрации Илларион Туханов нес врученное заводу знамя ГКО.

Нижнетагильский фрезеровщик Д. Ф. Босый первым решил выпол-

нить за смену по 10 норм. Усовершенствовал станок — и добился своего. Так возникло движение «тысячников».

Челябинский строгальщик комсомолец Владимир Тарасов 6 мая 1942 года дал 2050 процентов сменной нормы. Следующего примеру, в цехе стали «тысячниками» еще двадцать пять станочников.

танковый десант. По шесть человек на танк полагалось.

Я про один день расскажу. Значит, командиром танка у нас был старший лейтенант Требнев. Водителем — Кравчук, он хохол из Киева, а наверху — старшина Блинов. Послали наш танк деревню разведывать. А деревня-то одно название, только трубы торчат да церквушка целая топырится. Ну, мы мимо прокатили, тут и появился старик. Из-под печной трубы откуда-то вылез.

— Сыночки, — говорит, — а ведь в церкви-то немцы. Засада там у них. Они нарочно вас пропустили.

И вот тут я не понял старшего лейтенанта Требнева. Вместо того, чтобы о немцах старика выспросить, он давай его о церкви пытаться: мол, что да как.

Старшина говорит: мол, давайте жажнем из танковой пушки по этой церкви. Ведь хоть один немец да уцелеет, его и возьмем как «языка».

А старший лейтенант так распорядился:

— Церковь старинная, ее крушить не будем, а скрытно подойдем и атакуем. Я первым пойду.

Ну, взяли мы эту церквушку. Помню, по витым лестницам вверх рвались... Взяли. И «языков» взяли... А старший лейтенант погиб. Церковь пожалел, а сам погиб.

Гробов не было, так в шинели его и схоронили...

Воевал до августа сорок третьего. Автоматчиком все время. Ну, всякое бывало. Когда бежишь в атаку, строчишь — не видишь, убил кого или нет. Помню, в окопе одного фрица упредил. Да танк немецкий хорошо запомнился, я его двумя гранатами свистанул. Он развернулся и ни с места. И Красная Звездочка за это дело как-то почти сразу пришла...

В общем, шабаркнуло меня 24 августа. Так отделалось, что до сих пор кашляю. Понимаешь, во время перебежки рвануло, и весь мой позвоночник осколками уляпало.

Короче, вернулся я в сорок четвертом к себе в Шалю инвалидом первой группы. Отлежался, отдышался. Сестренка ходить учила. Ей Зоинька помогала, совсем девчужка девчужкой. «Э, — думаю, — вставай-ка, Пашка, да принимайся за работу».

В начале сорок пятого сделался я заведующим овощной базой. Работа знакомая, все в порядке у меня, и со здоровьем вроде поправилось, хоть и осколочки во мне, но хожу помаленьку. Раз такое дело, поженились мы с Зоей. Стала она Зоей Константиновной Пехташевой. Три дня прожили.

И заявился ко мне на базу местный главврач. Дай, говорит, мне тонну картошки. Понимаешь, не для больницы, а ему лично дай. Хоть он и врач, хоть и лысый, а послал я его далеко-далеко... А он

меня еще дальше послал. Снял группу инвалидности... и направили в трофейную команду. Понимаешь, во мне осколочки ходят, я же ходить не могу, и везут меня собирать трофеи.

Я этому гаду, главврачу, перед отъездом в глаза плюнул. Такой, мол, ты рассяжкой, да я, если бы мог, разве бы сидел в Шалях? У меня уже два брата родных погибло и я вон какой, а ты, паразит...

Короче, доехали до станции Развадево, это в Винницкой области, и разболелись мои раны, распухли. Высадили меня и снова давай по госпиталям операции делать. Во Львове в Киеве... И достают, и достают эти осколочки... Снова пять месяцев провалялся, снова шервая группа... А дома жена беременная...

Когда вернулся, этот доктор уже укатил. Он из Шалей вагон добра увез, шесть бочек меду, масла топленого... Он, видишь ты, всю войну кого хотел — оставлял, кого хотел — на фронт отсылал, а сам для войны якобы по возрасту не подходил. Потом-то, говорят, вlepили ему на всю катушку...

А я так и зажил в своих Шалях. Трое детей у меня: сын Володя — автокранщик на Уралмаше, Аркадий — офицером служит, дочь — крановщицей на Севере. Шестеро внуков... А Зоя Константиновна померла недавно... Проситесь вот буду выписываться, годины ей скоро, на могилке побыть надо.

В курилке

В обычных-то больницах заядлые куряки по туалетам да укромных уголках прячутся. А вот в госпитале курилки оборудованы с комфортом. Да и то сказать: шестьдесят, а то и больше лет дымил, чего его маять? Ну, не смог, не захотел от проклятой привычки избавиться, пусть уж додымливает по-человечьи.

Среди ночи застал в курилке грустного молодого парня. Сидит один в полумраке, за окно в ночную темень смотрит.

Вообще-то молодых в госпитале почти нет. Женщины тоже редко встречаются, в основном здесь народ пожилой, отвоевавший сорок лет назад.

Я предложил парню сигарету.

— Не курю, бросил, — ответил парень и снова уставился в невидимый законный мир.

Хоть и чувствовал, что не в себе маленько парень, но спросил, как он оказался в госпитале инвалидов войны.

Парень щелкнул себя по горлу:

— От этого дела лечусь. Столяр я шестого разряда, вот и направили сюда. Сначала-то думал,

проваляю ваньку, чтоб с работы не уволили, а там опять с получки... А вот проработал-пролечился тут с месяц, посмотрел на фронтовиков... Они в мой-то годы... а я? Без рук, без ног, слепые — работают. А моя молодость, здоровье куда уходят? Понимаете, совестно мне здесь перед ними стало. Вот, думаю, едрихен-шприхен...

...А днем в курилке оживленно. Шайдуллин Карим Шайдулович рассказывает:

— Я под Витебск двадцать первого июня прибыл. В двадцать второй артполк. А в воскресенье началось... Я тогда по-русски совсем мала-мала калякал. Зачем-то все нехорошие слова знал. Я из деревни в армию гулял. У нас дома еще мулла был. Я ураза держал до войны. Вроде в аллаха верил.

Теперь комбат Самойлов мой бог. Двадцать семь день и ночь из окружения гуляли. Травкам кушал, ягодка мал-мала кушал, больше ничего не кушал... Двадцать семь суткам...

Комбат Самойлов — уй какой отчаянный башка! Только четыре человека погибли, сорок целым пришел...

Рядом дымит сигаретой Иван Михайлович Брошкин:

— Я на юго-западном направлении войну начинал. В районе Краматорска. Командиром танка Т-60 был. Отступать — и то на таком танке не способно. В общем, с двумя ранениями отлежался маленько в Саратове, а к Курской дуге меня врачи подправили. На «тридцатьчетверке» я командиром был, Ваня Поднивеко водителем, Саша Горелов стрелок-радист, сибиряк Никандр заряжающий. Под Курском мы «фердинанда» и двух «тигров» шелкнули.

— А меня зимой сорок третьего контузило, — рассказывает худощавый, какой-то простоватый человек. — Но я еще и Венгрию, и Чехословакию прошел. Потом уж так ранило, что я и везать не смог. Ну, раны болят, ладно. А вот контузия в пятидесятом сказала — глохнуть стал. Теперь я совершеннейший пень. Вернее, был пнем. А вот госпиталь одарил этим аппаратиком.

Человек любовно огладил вставочку за своим правым ухом.

— Ребята! Пора обедать! — это раздатчица Мария Афанасьевна Буницина в курилку вошла. «Ребята» кидают окурки в урны. Расходятся.

Нина Густавовна Стадухина

— После института я сразу ушла в действующую армию. Всю войну на фронте.

А с четырнадцатого февраля сорок шестого года работаю в этом госпитале. Двадцать шесть лет заведу отделением.

Мне легче находить контакт с больными — мы вместе шли по дорогам войны.

Эти люди отдали все за Родину. Им современники обязаны абсолютно всем. Пусть молодежь это помнит. Многие из бывших солдат стали совсем старенькими. К боли ран добавилось много других болезней. Но мы, врачи, стараемся им всячески помочь. На смену врачам-фронтовикам сюда приходят достойные люди, это Лидия Ивановна Май, Юрий Михайлович Ворончихин, Михаил Павлович Капустин, Александр Васильевич Матвеев... Ой, да хоть всех перечисляй! Просто плохой врач, а тем более — человек не может быть членом нашего коллектива. Ни традиции, ни, главное, специфика больных не позволят этого.

Надо сказать, нам очень везет с начальниками госпиталя. Анна Моисеевна Есикова... Рафаил Львович Рохлин... А нынешний Семен Исаакович Спектор! Во-первых, это нейрохирург высочайшего класса: И, во-вторых, он совершенно неопеним как организатор. Он не просто чуток и внимателен, он предан нашим больным, они для него — святые люди.

Что еще вам сказать? День Победы — наш особый праздник. Мы не только радуемся, но и грустим по погибшим. Ведь они были так молоды.

Фролов из Рязани

— Ну, чего вы все про войну-то? Я не то что говорить, я о ней думать не хочу. Нас четверо вместе с отцом на фронт ушло, а я один вернулся, и то, видишь, какой?

Ты лучше про вчерашний день послушай. Пошел я после ужина погулять. Тут же лес кругом, воздух, а я недавно курить бросил. Гуляю и сам с собой беседую: мол, видишь, Паша, какой воздух, а если бы ты дымил своим «Беломором», ты такой воздух не унюхал бы.

Иду я и вдруг:

— Ай, дорогой, иногородний, давай погадаю! Цыганка! Их, оказывается, здесь в окружности ужас сколько сконцентрировалось. Ну, так-то бы она мне на фиг нужна, но почему «иногородний», откуда она узнала, что я из Рязани? Короче, такого мне эта цыганка нагадала, что я бегом к госпиталю кинулся. Знаю, суеверие же это, наука доказывает, что такого быть не может. Так думаю, а ноги к госпиталю несут. И Пашка-внук перед глазами стоит. Он один у меня внук, Пашка-то! Представляешь — двенадцать внучек, две правнучки, а внук один.

Бросаюсь я к междугороднему телефону, а он не работает. Времени — десять вечера, куда деться — не знаю. Я давай искать сигаретку у кого бы сшибить, забыл совсем, что курить бросил.

Тут он ко мне и подошел:

— Что у вас случилось?

В нашей палате все о нем очень даже хорошо говорят. Будто бы он всех-всех инвалидов войны и в лицо и по фамилиям знает. И будто у него мешок осколков хранится, которые он из наших голов добыл. А велик ли он, осколочек, в голове?.. Я-то из Рязани! Первый раз в этом госпитале..

Скажу, думаю, а он вдруг засмеет? А, была не была. Так, мол, и так... Цыганка-стерва нагадала... А у меня в Рязани внук Пашка, потенциальный очень... А телефон не работает...

— Идемте со мной!

Пришел в кабинет, набрал рязанский номер...

Поговорил я с Пашкой-внуком. Все в порядке у него — по химии четверку получил, а по физике пять. Он физику уважает, внук-то мой. При нагревании, говорит, тела расширяются... Ну, легчало мне, наука все-таки права, зря эта цыганка каркала. Видишь, не курю.

— Кто в Рязань-то позвонил?

— Спектор, начальник госпиталя.

О сестре-хозяйке

Может ли больничная сестра-хозяйка способствовать выздоровлению больного? Она что делать-то обязана: за имуществом больничным следить, постельные принадлежности вовремя менять, ну, наверное, чистота в палатах — тоже ее епархия... еще что-нибудь в обязанностях сестры-хозяйки наскребется...

Так может или нет?

Все, как говорится, от человека зависит.

У Наташи, сестры-хозяйки нашего четвертого отделения, с прямыми обязанностями все в порядке. Я уже двадцать лет по разным-всяким больницам ошиваюсь, а здесь впервые на мою брюхасто-спинастую фигуру отыскалась казенная пижама. Сбегала куда-то Наташа на другой этаж, договорилась, обменялась...

А в соседней палате одному раненому в позвоночник больному неловко спать было. Наташа угостила плотника (он в библиотеке полки для книг делал), и тот смастерил какой-то деревянный щит, и раненый успокоился, спать стал, а то днями-ночами маялся.

Ой, многое может больничная сестра-хозяйка! Хорошо, чтобы она «сестра» была, худо, если она только «хозяйка».

...Сидели мы в коридоре, про то про се беседовали. Один больной и пожаловался:

— Такой, — говорит, — душ здесь хороший, а мочалки у меня нет. Хоть домой в Тамбов ийши.

Надо сказать, что теперь в госпиталь со всей

страны едут — и из Рязани есть, и из Уфы... Ну, не присылать же, действительно, мочалку из Тамбова!

Наташа мимо шла, краем уха разговор слышала, а на следующий день тамбовчанин новой вехоткой шоркался.

...В нашей палате один больной капельницы не переносил, не нравились они ему очень, пугали. Как назло реопологлюкин ему назначили — банка там будь здоров, по три с гаком часа лежать надо. Процедура сестра занята очень, мы, соседи, по назначениям расходимся, вот больной этот лежит один под капельницей и психует. А один раз ему что-то там показалось, и он иглу из вены выдернул.

Конечно же, наша Наташа воцарилась около этой койки. Капли считала, истории рассказывала. Проехали-прокапали реопологлюкин.

Серрапион Иванович Богданов

Читатель, наверное, заметил, что я почти нигде не описываю внешность своих героев. Ну, а Серрапиона Ивановича обязательно надо «нарисовать».

Бот он за бильярдным столом. Стремительно кружит вокруг, цепко вглядывается в белые шары. Вдруг что-то высмотрит, замрет, прицелится и ударит. Чаше всего шар оказывается в лузе, но даже если и «смажет», Серрапион Иванович обязательно бережно огладит свою бороду-красавицу. Она красавица у него — окладистая, начинающая сесть бородача. Чувствуется, что не моды ради воцарилась она на этом добром, русском-русском лице. Моды приходят и уходят, а борода остается.

Играет Серрапион Иванович в бильярд, а проходящие мимо женщины заглядываются на него.

Откровенно говоря, и он иногда оценивающие на них смотрит. Особенно когда не его очередь бить. Если женщина несет что-нибудь тяжелое, Серрапион Иванович галантно старается помочь.

...А вот он в госпитальном бассейне. Мускулистый, подтянутый, без единой жиринки. Правда, шрамов на этом апоплонистом теле многовато — и на спине, и на ногах...

Говорит он так:

— Мне семьдесят шесть лет. Я еще до войны профером был. Финскую всю отбухал, снаряды возил. На Отечественную ушел 12 июля 41 года. Тоже на «ЗИСе» воевал. В сорок первом на «ЗИСах» тяжело воевать было... И мою трехтонку авиабомба догнала. Случилось это тридцать первого октября. Оказался в сарапульском госпитале, где пролежал шесть месяцев, и прибыл домой инвалидом второй группы. Давай тренироваться, закаливаться... перед медкомиссией схитрить пришлось. В общем, двадцать шестого августа сорок

второго года я уже катил свою трехтонку, свой «ЗИС», по фронтовым дорогам. До Венгрии доехал, до города Дева.

Вернулся в Реж шестого ноября сорок пятого года. Машин не было, я на завод — токарем. На шестишпиндельных автоматах работал. До 71 года трудился. Я и сейчас работаю. Дворником, но работаю. Мне семьдесят шесть лет, а я ни дня не бездельничал. И токарь, и комбайнер, и пимокат, и шофер, и кузнец, и сапожник... Свой дом у меня в Реже. Семнадцать овец имею. Овцы очень даже помогают против болезней и старости... К тому же у меня три сына и двое зятьев. А внуков... двадцать две пары одних носков вязать для них приходится. В общем, болеть мне некогда. Да и правнуков очень дожидаться охота. Они уже вот-вот пойдут-посыпятся.

Нынче, правда, прихватило сердечко маленько... Но здесь такие врачи... хотя, чтоб дольше жить, я в овец больше верю. То есть тут побыть можно, конечно, но основное лечение для человека — это работа, движение и чтоб интерес к жизни был.

...Очень даже красивый человек, этот бывший гвардии сержант Серапион Иванович Богданов.

Семен Исаакович Спектор

— Это здание заселено к Дню Победы два года назад. Оно построено на средства, заработанные во время коммунистических субботников.

Старый госпиталь имел чуть более двух тысяч квадратных метров, здесь — девятнадцать тысяч.

На сегодняшний день только в Свердловской области зарегистрировано двадцать тысяч восемьсот тридцать семь инвалидов Великой Отечественной войны и девяносто пять тысяч девяносто девять ее участников. Это только по нашей области.

С вводом нового здания к нам стали поступать больные из других областей Российской Федерации.

Новое здание рассчитано на триста больных. Мы одновременно лечим триста шестьдесят — триста семьдесят.

Специфика наших больных заключается в том, что к ним необходимо применять комплексное лечение, они, как правило, страдают от трех-четырех болезней одновременно — тут и нервы, и хирургия, и терапевтические болезни, урологические...

Теперь скажу о наших задачах, планах, перспективах... Необходимо начать строительство еще одного корпуса на пятьсот мест. Имеющиеся подсобные службы справятся с таким количеством больных.

Нужен пансионат. Мы лечим не только инвалидов, но и участников войны. Кстати сказать, количество инвалидов войны все время увеличивается — дают о себе знать старые фронтовые раны.

Необходимо жилье для врачей и в первую очередь для медицинских сестер.

...Вот и все, пожалуй.

1941 · ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА · 1945

Свердловчанка Александра Алексеевна Липинская сдала для раненых за годы войны более двадцати литров своей крови.

Донорство в те годы стало массовым. В Пермской области доноры сдали более 24 000 литров крови.

Постоянно дежурили в госпиталях старшеклассники свердловских школ — помогали врачам, сестрам, раненым. Они же приводили в порядок обмундирование бойцов и командиров, находящихся на излечении.

Эвакуированный на Урал Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова дал в госпиталях почти 3,5 тысячи военно-шефских концертов.

Жители уральских сел развернули движение за расширение посадок овощей, за дополнительные «госпитальные гектары» зерновых и добровольные пожертвования госпиталям продуктов.

РОДОМ ИЗ МОТОВИЛИХИ

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР установлена гаубица № 3922. Она изготовлена в сорок первом году на знаменитом Мотовилихинском заводе.

К августу сорок четвертого войска Третьего Белорусского фронта, форсировав Неман, вышли на границу с Восточной Пруссией. Впереди — немецкий город Ширвиндт.

Наступающую пехоту поддерживала огнем 142-я армейская пушечно-артиллерийская орденов Суворова и Богдана Хмельницкого бригада. С долговременных огневых позиций стрелять не имело смысла — расстояние до Ширвиндта превышало расчетную дальность орудий. И тогда командующий армией приказал выдвинуть одно из орудий.

Каждый из расчетов страстно надеялся, что выбор падет на него.

Залп не был обычным, он имел огромное символическое значение. До этого часа приходилось гнать немцев, стрелять по своей же земле. А сейчас впервые за три года войны советская пушка должна была сделать первый выстрел по территории фашистской Германии. Эта честь выпала на долю пушки № 3922.

Командир дивизиона Пелипас выбрал место для огневой позиции, взял за ориентир городскую ратушу и сам произвел наводку. В двадцать два часа второго августа орудие было готово к бою.

Тридцать снарядов выпустил по немецкому городу расчет Никифорова.

Начав свою фронтовую биографию боями под Москвой, пушка закончила ее сражением под Берлином. В составе 22 тысяч советских орудий и минометов мотовилихинская гаубица проложила огнем путь к рейхстагу, к Великой Победе.

Давно уж я не курю, а она все у меня на столе. Сорок лет — на самом видном месте! Лежит тихо, мирно, только боком своим бронзовым поблескивает.

Иногда возьму в руку — холодок от нее. Пока не согреется. Потом крутану колесико, и пучком брызнут белые искорки.

Вроде бы никому не нужна эта безделушка из винтовочной гильзы, а выбросить не могу. Не имею права. Потому что она на войне была.

Курили мы тогда много, сигарки крутили в палец толщиной, не меньше. Шла осень сорок первого — тревожно было на сердце, что там говорить. И все больше моршанскую махорочку смолили. На все лады ее разделявали: и в обрывки газет потуже заворачивали, и в козьих ножках утрамбовывали, и в самодельные трубки набивали. А огонек добывали кресалом.

Первый раз я увидел эту немудреную механику под Великими Луками. Заходит как-то в нашу землянку старшина взвода. Вытащил из кармана огрызок веревки и один конец стал на огне подпаливать. А мне говорит:

— Сбегай, Серега, на большак, принеси кварцевый камешек. Круглый не бери, не годится.

Нашел я остроугольный камень со спичечный коробок, притащил.

— Сейчас, — говорит, — будем огонь добывать. Первобытным способом.

Взял он в одну руку мой камень, большим

пальцем прижал к нему обгорелый конец веревки. Другой рукой достал из кармана железную плитку в пол-ладони.

— Это, — говорит, — кресало. Древнейшее средство возжигания огня. Смотрите.

Мы толпимся вокруг, наблюдаем. Размахнулся старшина железным кресалом и врезал по камню сверху вниз, со скользом. И сразу белугой взвыл. Что, думаем, такое? А видно, врезал, да не туда. Сунул он в рот палец, по которому кресалом шарахнул, стоит, пританцовывает. Мы притихли, молчим.

— Промахнулся, — говорит, — черт его по носу дерит!

Командир отделения Мишка Говорухин осторожно замечает:

— Первобытный способ, ничего удивительного...

— Тут, — говорит старшина, — главное что? Научиться искры высекать. Понятно? — И опять замахнулся, прицеливается.

— Если, — говорит, — искры полетят, то какая-нибудь обязательно влетит в обгорелый конец. А он в саже, видите? Сразу начинает шаять. И тут уж не дремли, дуй на этот фитиль во все меха. Чтобы не потух. Чуть опоздал — пропало дело. Значит, не взялось. Опять кресалом долбай.

Старшина снова саданул по камню. Схватил фитиль, дует на него. Смотрим, верно: зацепился огонек, тлеет помаленьку!

— Вот так, ребята, — старшина веревкой пома-

ЗаЖиГаЛКА

Сергей КОРКОДИНОВ Рисунки Н. Крутикова

хивает из стороны в сторону. — Теперь ветерком раздует. Разгорится — налетай, прикуривай.

Скоро такой же агрегат и я раздобыл. Выручал он безотказно. Солдатское спасибо ему надо сказать, честное слово.

И все-таки охота мне было зажигалку достать. И случай подвернулся — сама в руки пожаловала. А случай незабываемый. И печальный.

С боями отходили наши армии на восток. Все дальше и дальше. А фашист пер нахально, напропалую — силу чувствовал. Конечно, и мы не стеснялись давать ему по зубам. Встречали непрошеного гостя, как полагается. Как умели.

Один раз всю ночь топали под дождем, грязища непролазная. Идешь, переставляешь свои ходули и сон видишь. Ей-богу. Сами ноги уже не идут, а все-таки их каким-то образом переставляешь. Матушка-пехота научила.

К рассвету добрались до маленького городка Ленино. Здесь можно передохнуть. Попросту говоря — отлежаться, забыться, поспать хоть пару часов. Иначе уже не вмоготу.

Подошли к избе на окраине города. Старшина постучал в окошко, негромко говорит:

— Извини, хозяйшкa. Надо бы передохнуть ребятам чуток. Может, найдется местечко?

Вышла маленькая женщина в телогрейке. И улыбается, и тут же плачет:

— Найдется, ребятки, найдется...

— Им только поспать, мамаша, — говорит старшина. — Первое отделение, заходи!

Она завела нас в чистенькую горницу, и плюхнулись мы сразу на пол. Как были, прямо вповалку.

Только я заснул — слышу голос старшины:

— Ну все, ребята. Подъем. Три часа дрыхнули без задних ног, даже бомбежку проспали. Пора.

Три часа, как три секунды. Мало сна отпущено солдату на войне. Но уже веселей стало, полегче.

— Спасибо, — говорят ребята хозяйке. — Тепло у вас. Как дома.

А я решил переобуться. Снял левый сапог, расправил портянку. Гляжу, хозяйка стоит около двери, молча смотрит на нас и вдруг спрашивает:

— А обратно когда же будете? — стоит и ждет, что скажем.

Старшина подошел к ней и за всех так ответил:

— Загадывать нельзя, мать. Война. А потарапливаться будем. Одним словом, жди. На обратной дороге заглянем.

Ушли ребята. Натягиваю я сапог, а хозяйка и говорит:

— У меня вот такой же сынок погиб. В первый день войны. Степой звали...

Чувствую, сердце мое заколотилось — жалко ее стало до последней степени. И обидно, и больно на душе. Достал я кيسет с махоркой, завернул козью ножку, стал прикуривать. Бью кресалом по камню — ни в какую. Волнуюсь, не та искра идет.

А мать все смотрит. Вытирает слезы и смотрит на меня. Потом открыла сундучок, достала вот эту самую зажигалку, подает мне.

— Бери, Степина... Она ему больше не нужна... Дружок прислал. Когда Степу убили... — Она показала фотографию на стене. — Вот он какой был у меня...

Что, думаю, делать? Зажигалка — память для матери. А она видит, что я замаялся, и тихопошко кладет зажигалку в мою ладонь. Глаза ласковые.

— Ты не стесняйся, бери. Тебе с ней, может, потеплее, может, ловчее будет на войне...

Жаль, что я так и не успел узнать, как зовут эту женщину. А зажигалка грела меня и служила мне, как могла. Грела мои ладони, когда я прикуривал и защищал от ветра третью часть пламя. Светила, когда по вечерам склонялся над письмом из родного дома. От нее разгорался жаркий костер в морозном зимнем лесу, от ее фитилька топились в какой-нибудь деревушке долгожданная баня, где мы парились от души и хлестали друг друга русским березовым веником.

В самые скорбные дни ее огонек ловко перескакивал на бикфордов шнур, быстро бежал по нему. Потом глухо и тяжело стонала мерзлая земля — появлялась еще одна братская могила. Маленькое бензиновое пламя рождало порой страшные и горестные пожары. Если без них нельзя было обойтись.

Ржев мы оставляли с тяжелым сердцем. Приказ был простой: сжечь все, что может пригодиться врагу, никаких стен ему не оставлять, пусть замерзает на нашем морозе.

Недалеко от Волги увидели мы деревянную двухэтажную школу. Здесь совсем недавно зазвенели ребячьи голоса. Поднялись с Петром Золотавиным на второй этаж и сразу попали в просторный зал. Шведские стенки, кольца, волейбольные корзины... Около стены — новенький черный рояль на толстых точеных ножках.

Молча стоим, смотрим. Через несколько минут ничего этого не будет — у Петра бутылка с горючей смесью. Только чувствую, не поднимается у него рука.

Подошли к роялю. Открыл Петр крышку, пробежался пальцами по клавишам и простуженным голосом запел под гулкие последние аккорды:

— Из-за острова на стрежень...

Вдруг слышим, Мишка Говорухин кричит у дверей:

— Немецкие танки в городе!

Отбежали мы с Петькой поближе к выходу, размахнулся он бутылкой и запустил ее прямо в полированный бок замолкнувшего инструмента. Только брызги да осколки полетели во все стороны. А пламя не вспыхнуло, не поднялось! Что-то, видать, не сработало в этом простом зажигательном снаряде.

Увидел я на рояле тетрадку с нотами, скомкал ее, достал зажигалку.

— Быстро уходите,— говорю ребятам.

Чиркнул колесиком и бросил огненный комок в темную лужу. Когда выбежал на улицу, пламя уже бушевало...

На восточном берегу Волги, у самого Калинина, остановились мы накрепко. Здесь врагу уже не пришлось погулять.

С той стороны реки из городских домов каждый день строчили немецкие крупнокалиберные пулеметы. По ночам трассирующими поливали. Фашист прощупывал нашу оборону, страху нагонял.

Как-то в вечерних сумерках заметили мы, что на середине реки что-то темнеет. Прямо на льду. А лед тонкий еще был. Командир взвода вызывает нас с Мишкой Говорухиным, спрашивает:

— Что там, как думаете?

— Вроде убитый,— отвечает Говорухин.— Опять крупнокалиберными лушили. А может, замерз кто.

— Немедленно достать,— приказал лейтенант.

И решили так. Я полегче, поползу с веревкой на лед, а Мишка прикроет меня пулеметом. И по сигналу веревку потянет. А сигналы — искорки от моей зажигалки, их далеко видно. Два раза чиркну — значит, «все в порядке, приготовиться». Три вспыхки — «тяни».

Надел я маскхалат, автомат на шею повесил. Старшина притащил моток веревки. Один конец Мишка привязал к пеньку, другой к моему ремню прицепил. Чтобы можно было меня вытащить, если что. Сам лег рядом с пулеметчиком.

Ползу я, распускаю моток, а на душе жутковато — в любую секунду могут продырявить. Нет-нет да и замру. Присмотрелся, темное пятно маячит впереди. Значит, не сбился. Приготовил автомат, подполз поближе — черт возьми, немец лежит! Потрогал руку — не окостенела, теплая. Живо, стервец!

Обмотал я веревкой обе ноги у него, затянул потуже. Снял каску, ребром поставил на лед, придерживаю. Свободной рукой спрятал зажигалку в каске, чтобы на том берегу не видно было сигналов, и чиркнул два раза. А пламя тут же пальцами зажимаю.

Потом поджал пружинку для верности и три раза крутанул колесико. Искры — как бенгальские огни! Опять жду. Смотрю, веревка натянулась и поволокла моего немца к нашему берегу.

Одним словом, вытащили мы его. Оказалось, шел к нам, с нашей листовкой в кармане. А стреляли по нему из того самого, крупнокалиберного...

Вскорé чуть было не распрощался я со своей зажигалкой. Калинин мы взяли шестнадцатого декабря и шли теперь уже только на запад.

Недалеко от Старицы прислали нашему взводу пополнение. Остановились на опушке леса. А тут как раз стояла одинокая заброшенная избушка. Лесник когда-то, наверное, жил. Заходим — все целехонько! Стол, табуретки, русская печь с заслонкой. Пузатые чугуны стоят.

Сашка Басов осторожно залез в подполье, кричит:

— Картошка в сусеках!

Двое новобранцев спустились к нему, набрали пару чугунов картошки, затопили печь.

Когда картошка была готова, все уселись за стол и так ее стали уплетать, что только держись. Сорвешь с одного боку тонкую шкурку, бросишь щепотку соли на рассыпчатую белую мякоть и сразу в рот ее, горячую. Откусишь быстренько, покаешь во рту, пока не остынет малость, потом

с наслаждением раздавишь, а тут уже пора и отправлять, куда следует. Короче говоря, блаженствовали.

Не успел я распалить козью ножку — перед домиком снаряд разорвался. Стекол как не бывало. Что такое? Может, шальной какой? Сидим, прислушиваемся. И тут второй прошелестел. Теперь уже сзади, в сосняке рванул.

— Ну, ребята, пора удирать, — говорит старшина. — Третий накроет, как пить дать. В вилку попали.

Только выскочили, отбежали кто куда — третий тут как тут. Разнесло избушку до основания, одна печь осталась. Да и та без трубы. Старшина поднялся с земли и говорит:

— Такой обед испортил, черт его по носу дери... Надо в лес перебираться.

В лесу подходит ко мне один повобранец и вежливо так спрашивает:

— Можно у вас прикурить?

— Пожалуйста, — говорю. — И лезу в карман.

И тут меня прямо в жар бросило — забыл зажигалку на столе!

— Ребята! — кричу. — Зажигалку искать надо!

Облазили мы все вокруг, каждый обломок перевернули — никаких следов. А я взял да на пачку еще заглянул. Смотрю, лежит моя родненькая на кирпичках как ни в чем не бывало. Взрывом забросило. Чиркнул колесиком — опять бенгальские огни брызнули!

...И пришел час вернуться нам в городок, откуда начала свой солдатский путь моя зажигалка. Разыскал я в Оленино тот домик на окраине, увидел хозяйку и сразу узнал ее. Обнял, как родную мать. У самого слезы на глазах. Она тоже плачет.

— Вот мы, мама, и вернулись, — говорю.

Смотрит на меня, улыбается. Я достал зажигалку, показал ей.

— Подарок, — говорю, — ваш я храню. И вас часто вспоминал. И вашего Степу...

Она взяла зажигалку, подержала. Мне показалось, что незаметно погладила ее. Потом вытерла слезы, спросила:

— Тебя как звать-то, сынок? Откуда ты?

Я сказал.

— Меня, — говорит, — Степанидой Тимофеевной можешь называть. А фамилия у нас Ивановы...

Никогда не забыть мне эту добрую женщину с судьбой горькой и мужественной. А зажигалка много дорог прошла вместе со мной. Прошла до самой победы. И лежит теперь тихо, мирно, только боком своим бронзовым поблескивает. Я, дескать, могу и послужить еще...

*«Дорогой «Уральский следопыт»!
Посылаю пословицы и поговорки.
Я записал их в разные годы.
Пусть ознакомится с ними молодежь.*

Георгий ФЕДОРОВ, ветеран партии».

Родина — мать, иди ее защищать.

Любовь к Родине сильнее смерти.

С родной земли — умри, а не сходи.

Смело иди в бой — Родина за тобой.

Россия с давних пор давала врагу отпор.

Фашисты войну начали, а мы кончим.

Фашисты хуже зверей — они не щадят детей.

Где фашисты побывали, там и цветы завяли.

Хочешь свободно жить — иди фашистов бить!

Гитлер пришел к нам незваным, а уйдет от нас драным.

Посмотрим, как Гитлер завоюет, когда наши огонь по Берлину откроют.

С нами ленинское знамя — победа будет за нами.

Вдохновляют полки большевики.

Хочешь, счастья для рабочих и крестьян — вступай в отряд партизан.

И в бою подает пример отважный пионер.

Фашистов столько набили, что не уместили в могиле.

Партизанский девиз таков: всюду уничтожай врагов.

Теперь военная година — фронт и тыл — воедино.

Крепость нашего тыла — для фашистов могила.

Норму давай не сто, а триста, бей проклятого фашиста.

Без доменных печей не разбить фашистских палачей.

Работаем на оборону — строим танковую колонну.

Чтобы Красная Армия сильнее стала — больше давай металла.

Мастерами из Тагила фрицу роется могила.

Без дисциплины — нет и силы!

Отвага и труд — врага сотрут.

В тылу наши женщины — молодчины: работают, как мужчины.

Муж на фронте командир, а жена бригадир.

Прогул на руку врагу.

Лодырь в цехе, что трус в бою.

Наша победа одержана во имя мира и жизни на земле. И здесь уместна еще одна, уже сегодняшняя пословица:

Советская Армия врага разгромила, она стоит на страже мира.

МЕТКОЕ СЛОВО

В годы войны лозунгом егоршинских шахтеров было:

«Бур, молоток, лопату свою
Держите, как держат винтовку
в бою».

А вот строки из решения рабочего собрания шахты № 7: «Фашисты найдут себе могилу у стен города Ленина. Обязуемся ежесуточно давать сверх плана не меньше 40 тонн угля. Согреем героев обороны сверхплановым углем!»

Молодежь Уфалейского района Челябинской области предложила собрать деньги на строительство подводной лодки. Собрали несколько миллионов рублей и весной 43-го вручили морякам-североморцам подлодку «Челябинский комсомолец». Экипаж ее был сформирован также в основном из челябинцев, и в первом же боевом походе подлодка потопила фашистский транспорт водоизмещением 7000 тонн.

Свердловский клуб служебного собаководства за время войны подготовил 259 инструкторов, 126 вожатых, 75 дрессировщиков. Любители-собаководы передали через клуб для Красной Армии 2310 собак.

Февраль 44-го. Из отчета Самаровского рыбаколхозсоюза Ханты-Мансийского округа:

«...инвалид Отечественной войны Кузьма Чучелин руководил звеном юных рыбаков, куда входили: Ушаевы Ирма (13 лет) и Лида (11 лет), Чучелины Ваня (10 лет) и Ирина (12 лет). Каждый из них выловил и сдал государству по 200 кг рыбы.

...звено школьников под руководством жены фронтовика Кузнецовой выполнило задание по добыче рыбы на 391 процент и сдало рыбы сверх плана 54 центнера».

Многих подростков война лишила крови...

В Челябинской области к концу войны было уже 480 молодежных общежитий, в них жили 56 000 человек. И уже с 43-го были открыты школы рабочей молодежи, которые позволили многим эвакуированным на Урал юношам и девушкам, а точнее — мальчишкам и девчонкам получить среднее образование.

Училища и школы трудовых резервов Челябинской области подготовили за годы войны более 100 тысяч рабочих.

Камские речники за навигацию 1942 года сделали 191 рейс во фронтовые районы — под снаряды и бомбы врага.

Нижне-Иртышское пароходство. Февраль 1943 года. 2135 работников, или 34 процента численности личного состава флота и береговых служб,— женщины. В том числе 16 помощников капитанов и механиков судов, 4 шкипера, 406 матросов, 171 кочегар, более 300 грузчиков...

После школы, в пятидесятых годах, я работал токарем в мастерских Уральского политехнического института. Старшие товарищи-станочники не раз вспоминали, как здесь, в институте, они выполняли заказы фронта... Потом узнал, что ничего необычного в этом не было. Оборонные участки, цехи организовывали в годы войны не только в институтских лабораториях, но и в помещениях магазинов, в складах, гаражах, даже в клубах и музеях!.. Когда не хватило станков, сделали учет списанному, изношенному оборудованию, восстановили и пустили. За первые полтора года войны на предприятия Свердловска пришли более 40* тысяч молодых людей. На машиностроительном заводе имени М. И. Калинина 14-18-летние составляли 70 процентов всех рабочих!..

Говорят о городах и крепостях-героях: там сражался каждый дом. У нас, в Свердловске, можно сказать, на фронт работал тоже каждый дом, каждый человек.

Декабрь 41-го. Потерпев поражение под Москвой, гитлеровцы начали откатываться. А с Урала на восстановление шахт Подмосквовного бассейна, предприятий, колхозов и совхозов освобожденных районов сразу двинулись эшелоны с машинами, материалами, кадрами рабочих и специалистов. К весне 42-го уральцы отправили туда семена, скот, одежду, продукты.

Подмосковный угольный бассейн уже в сентябре 42-го давал топлива столько, сколько до войны.

Школьники Прикамья и Среднего Урала собрали для сверстников-москвичей и калининцев учебники и учебные пособия, тетради, книги, канцелярские принадлежности.

В течение 1943 года колхозы и совхозы Башкирской АССР направили в Ворошиловградскую область 15 тысяч лошадей, 18 тысяч овец, 9 тысяч свиней, 7 тысяч коров и быков.

На личные сбережения купил 45 вагонов строевого леса для восстановления Кишиневской железной дороги начальник станции Шемары Кунгурского отделения Пермской железной дороги И. Мысик.

Самую большую помощь уральцы оказали освобожденному Донбассу. Заказы Донбасса приравнялись к заказам фронта.

Александровский завод горного машиностроения (Пермская область) по инициативе рабочих-комсомольцев решил перевыполнять задания. В 1944 году коллектив предприятия отправил в Донбасс 150 вагонов сверхплановой горной техники.

Челябинцы в 1945 году ежемесячно отправляли в Донбасс по сто и более вагонов сверхплановой продукции.

Из обращения стахановцев Свердловска к трудящимся области: «Красная Армия готовится к штурму столицы фашистской Германии — Берлина. Мы обращаемся к вам с призывом. Товарищи! Начнем трудовой штурм Берлина! Всю нашу жгучую ненависть к врагу вольем в наши боевые машины, которые будут штурмовать Берлин!»

На многих предприятиях области были открыты счета в фонд штурма фашистского логова. Только уралмашевцы внесли в этот фонд в январе 45-го сверхплановую продукцию на сумму более 4,5 миллиона рублей.

За подвиги в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов более 850 сынов Урала удостоены звания Героя Советского Союза, а 8 из них — звания дважды Героя Советского Союза.

Из списка работников Тюменского фанерокombината, награжденных в июне 1945 года медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»:

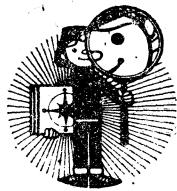
709. Зенцова Надя, ученица.

710. Иноземцев Витя, ученик.

711. Мальцев Аркаша, ученик.

712. Мотовилов Юра, ученик.

1941. ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОДВИГА .1945

МИР НА ЛАДОНИ

Более сотни глухарей из Томской области перелетели в леса Подмосковья и Прибалтики. Перелетели, конечно, не сами, а с помощью Ту-154. В томской тайге отлавливают также тетерева. Птицы из Западной Сибири живут сейчас и в Польше, и в Норвегии, и во Франции.

Участок старого сибирского тракта в Омской области, протяженностью 17 километров, объявлен заповедным. Он восстановлен в прежнем виде по остаткам бревенчатого настила, земляным валам и канавам, которые удалось разыскать краеведам. На участке вновь появились верстовые столбы, в окрестных селах открыты мемориальные доски, рассказывающие о том, что по этой дороге шли ссыльные, ехали первооткрыватели сибирских земель, ученые и писатели.

А в Иркутске преобразился уголок старого города, связанный с именами декабристов. Отреставрирована усадьба С. Волконского, открыт музей С. Трубецкого. По проекту московских и местных архитекторов здесь создается мемориальный комплекс «Декабристы в Сибири».

Крупный кристалл, лишь немного уступающий по весу знаменитому бриллианту «Шах», находящемуся в Алмазном фонде СССР, добыли рабочие обогатительной фабрики № 3 объединения «Якуталмаз». Его форма — правильный октаэдр. Вес — 71,55 карата. Кроме всего прочего, это алмаз чистой воды.

В память о большом друге нашей страны Индире Ганди кристалл назван ее именем.

Уже несколько месяцев открыто рабочее движение поездов на всем протяжении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Чтобы это стало возможным, на главной стройке Ленинского комсомола проложено через тайгу, по болотам и вечной мерзлоте более 5 тысяч километров путей (включая станционные), подготовлено почти 4200 мостов и других искусственных сооружений.

Американские инженеры разработали проект 8-местной космической станции. Она будет состоять из пяти герметизированных модулей, один из которых — жилой.

Робин Гуд — не легенда, — утверждает англичанин Джон Холт. Ученый обнаружил в архиве города Йорк такую запись 1226 года: «Движимое и недвижимое имущество отъявленного преступника и клеветника Роберта Гуда оценивается в 32 шиллинга и 6 пенсов». По мнению Холта, народная молва лишь чуть изменила имя реального героя. И обитал он со своими молодцами не в Шервудском лесу, а на севере Англии — в графстве Йоркшир.

Сноза исчезло с лица Земли озеро Джордж в Австралии. С 1820 года оно появлялось и исчезало пять раз. Причины такого «поведения» озера пока не известны.

Небывалое скопление северных оленей обнаружили советские ученые и летчики осенью 1984 года на Таймыре. У самого берега Карского моря, в районе Диксона, они летели в продолжение 15 минут над сплошной извивающейся лентой животных. Ее ширина превышала 10 километров, по подсчетам, оказалось 300 000 оленей. Всего на Таймыре теперь насчитывают 575 тысяч оленей. Это самая крупная в мире популяция.

Аллея Героев

Н. Кузнецов, В. Курочкин, В. Чергин, С. Оболдин... Пятнадцать уралмашевцев в годы Великой Отечественной войны стали Героями Советского Союза. В их честь на заводе создана Аллея Героев, которую завершает 7-метровая стела в виде двух солдатских штыков. Штыки изготовлены из броневой стали. Нынешние рабочие, используя рецепты военного поколения заводских металлургов и механообработчиков, без труда выплавляли металл, отковали и отполировали его.

С. НИКОЛАЕВ

Начинается Камский тракторный

Развернулись строительные работы на площадке у города Елабуги, где разместится Камский тракторный завод. Под его цехи потребуется почти 130 гектаров земли. Завод будет выпускать ежегодно 30 тысяч колесных машин, которые представляют собой развитие знаменитого трактора «Беларусь», причем их мощность — 150 лошадиных сил.

Уже в ближайшие годы, считают специалисты, население Елабуги удвоится. Среди строителей Камского тракторного будет много молодежи.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Третье перекрытие Енисея

Ветеран Великой Отечественной войны, бывший водитель «катюши» Михаил Петрович Мичкавский в день своего шестидесятилетия подвез и сбросил в проран у Майнской ГЭС на Енисее первую глыбу. Так в конце прошлого года состоялось третье по счету перекрытие могучей сибирской реки.

Майнская ГЭС — своего рода спутник Саяно-Шушенской гидроэлектростанции. Ее задача — регулировать сток воды из Саянского моря и таким образом беречь окружающую природу. Кроме того она будет давать 300 тысяч киловатт энергии.

В. ПЕТРОВ

Детские велосипеды

«Чиж» — так назван двухколесный детский велосипед, массовый выпуск которого освоил коллектив объединения «Металлист» в г. Устинове. Многие детали этого велосипеда готовят из разноцветных пластических масс, поэтому он легкий, наряден.

Знаете, сколько смогут выпускать детских велосипедов удмуртские рабочие? По четыреста тысяч штук в год!

Н. СЕМЕНОВ

Монолит нефрита — 30 тонн

В Бангкоке, столице Таиланда, выставлена на всеобщее обозрение глыба нефрита, весящая 30 тонн. На уточнение размеров этого необыкновенного полудрагоценного монолита, его раскопку и перевозку ушло три года. Даже специалисты пока затрудняются назвать его стоимость.

Ф. GERMANOV

Адрес редакции:
620219, Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 22в

Телефоны отделов:
51-55-56 (писем, публицистики)
51-22-40 (секретариат)
51-09-71 (прозы и поэзии)
51-53-20 (науки и техники,
следопытской жизни)
51-09-69 (краеведения)

В НОМЕРЕ:

4/ С. Мешавкин
ОТ ПУГОВИЦЫ
НА ГИМНАСТЕРКЕ
ДО ТЯЖЕЛЫХ ТАНКОВ	39/ О. Миронов
НОЧНОЙ
БОМБАРДИРОВЩИК
Фантастический рассказ
6/ В. Станцев
СМОТРЮ Я ПАМЯТИ
В ГЛАЗА...
Поэма	44/ А. Колпаков
КОГДА КНИГИ
НЕ УМИРАЮТ
10 М. Меньшикова
МАЛЬЧИШКА
НА ВОЙНЕ	46/ Х. Гериханов
КАБИНЕТ
РЕДАКТОРА
13/ Б. Гагин
МАЛЬЧИШКИ
У СТАНКОВ	49/ А. Абрамов
В СЛОВАКИИ,
В СОРОК ЧЕТВЕРТОМ...
16/ И. Корниенко
...ВПЕРЕДИ
БЫЛА ВЕСНА	52/ Б. Марков
ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ:
«КАТЮША», «ВАНЮША»,
«АНДРЮША»
18/ СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ	58/ А. Орешко
ФЛАГ НАД РЕЙХСТАГОМ
20/ В. Самсонов
ПОД КРЫЛОМ —
БЕРЛИН	60/ ЮНЫЕ — О МИРЕ,
ВОЙНЕ, ПОДВИГЕ
22/ А. Ферсман
«ДА ЗДРАВСТВУЕТ
СОЛНЦЕ ПОБЕДЫ,
ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА!»	62/ С. Мурзилов
ЩИТ
НЕОБОРИМЫЙ
26/ С. Белковский
В ТАНКЕ
С ФОТОАППАРАТОМ	64/ Л. Фомин
ЧАСЫ ФИРМЫ
«МОЗЕР»
Рассказ
27/ Г. Бармасов
ПИЛОТКА	68/ Л. Чумичев
ГОСПИТАЛЬНЫЕ
РАССКАЗЫ
28/ В. Пашин
УРОК	77/ Г. Федоров
МЕТКОЕ СЛОВО
31/ К. Никологоров
ДОКУМЕНТЫ
ВОЙНЫ	74/ С. Коркодинов
ЗАЖИГАЛКА
33/ В. Иванов
ВОЙНА И МИР
В ТРЕТЬЕМ «Б»
Рассказ	79/ МИР
НА ЛАДОНИ

Сдано в набор 31.01.85. НС 11137.
Подписано к печати 25.03.85.
Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать.
Усл.-печатных листов 8,82
Усл. кр.-отт. 10,92.
Учетно-издательских листов 10,2.
Тираж 307 000. Заказ 525. Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

**ПО КРУГУ СОЛНЦЕ,
ПО КРУГУ ВЕТЕР
И ПОЧКИ ОКРУГЛЯЮТСЯ
УПРУГО,
И МАЙСКИЙ МИР
ТАК РАДОСТЕН И СВЕТЕЛ,
ЧТО С ДЕТВОРОЙ НА РАВНЫХ ОН,
ПО КРУГУ.**

Фото И. Большакова

И КАМНИ — СЛУЖИЛИ ПОБЕДЕ! СВЕРДЛОВСКИЕ ФАРМАЦЕВТЫ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ СУЛЬФАМИДНЫХ ПРЕПАРАТОВ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ПОЧТИ МЕТРОВУЮ В ДИАМЕТРЕ АГАТОВУЮ ЧАШУ. ЭТА ЧАША И СТУПА К НЕЙ ХРАНЯТСЯ СЕЙЧАС В ОБЪЕДИНЕННОМ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОМ МУЗЕЕ ГОРОДА СВЕРДЛОВСКА. ЗДЕСЬ ЖЕ — НЕХИТРОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ДЛЯ ШТАМПОВКИ ТАБЛЕТОК.

ЛЕКАРСТВА, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ НА УРАЛЕ, СПАСЛИ ЖИЗНЬ МНОГИМ РА-
НЕННЫМ, ВЕРНУЛИ В СТРОЙ БОЙЦОВ
ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ ЗАБОЛЕВШИХ.

Фото Игоря Горячева